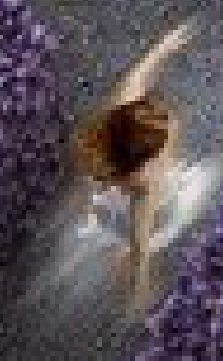

Александра Монира

ПОДОЗРЕНИЕ

Александра Монир

Подозрение

«В лабиринте что-то спрятано,» — Семнадцатилетняя Имаджен всегда помнила последние слова, произнесенные отцом семь лет назад, до того как пылающее пламя поглотило его, ее мать и сады ее семейного английского поместья.

Встревоженная смертью родителей, Имажен переезжает в Нью-Йорк со своими новыми опекунами. Но когда приходит письмо с новостями о несвоевременной смерти кузена, изобличающие тот факт, что Имаджен теперь становится единственной наследницей поместья, она возвращается в Англию, и с осторожностью принимает роль герцогини.

В Рокфорде все не так на самом деле как кажется, и Имаджен скоро узнает, что за аристократической внешностью особняка скрываются темные тайны, намекая, что поток несчастных смертельных случаев в ее семье был неслучайным. И в центре тайны — непосредственно Имаджен, и Себастиан, друг детства, которого она тайно любила на протяжении многих лет. Только в какую историю угодила Имаджен?

Сочетая новый неожиданный поворот к классической РЕБЕККЕ и берущую за живое тайну и мощный любовный роман, «Подозрение» — захватывающее путешествие полное острых ощущений.

Александра Монир Подозрение

Переведено специально для группы

~"•o†Мир фэнтези†•o*"~

<http://vk.com/club43447162>

Переводчики:

sotnikova, maryiv1205, Nishimuro, Azazell

Редакторы:

Нина Кропинова, Галина Сотникова

РОДОВОЕ ДЕРЕВО РОКФОРДОВ

Уильям,
герцог Уикершема
Аделаида,
герцогиня Уикершема

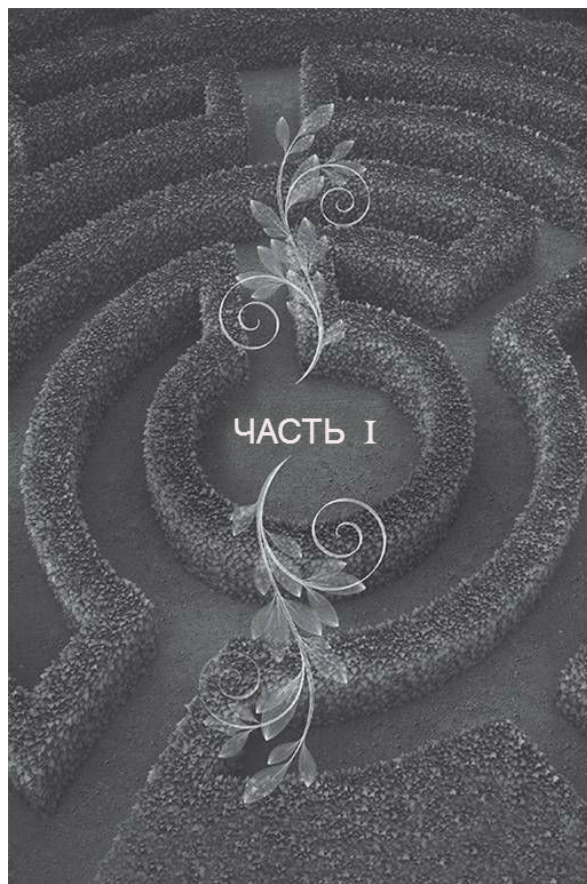
Лорд
Едмунд Рокфорд
Филлипа,
маркиза Уикершема
Леди
Лаура Рокфорд
Чарльз,
маркиз Уикершема

Имоджен Рокфорд
Леди
Люсия Рокфорд

ПРОЛОГ

Мне ли не знать эту комнату. Я бывала здесь несчетное количество раз. Но сейчас всё выглядит иначе. Яркие цвета потускнели, за окном непривычная мгла, и кажет-

ся, тут сделали перестановку без моего ведома. Мебель стоит не на своих местах, и при попытке усесться в любимое кресло я чуть не плюхаюсь в пустоту.

Но кто-то подхватывает меня и подводит к месту, где кресло стоит на самом деле. Я закрываю глаза, считаю до десяти и убеждаю себя, что когда открою их снова, мир придет в норму. И хотя цвета снова обретают насыщенность, а мебель возвращается на места, я знаю, что в поместье Рокфорд больше не существует такого понятия как *нормальность*.

Мне следовало бы помнить то, что я узнала много лет назад не понаслышке — что достаточно одной ночи, чтобы изменить место до неузнаваемости; что одно-единственное событие способно разрушить весь устоявшийся уклад и перечеркнуть воспоминания о десятилетиях счастливой жизни. Но я не ожидала, что это случится дважды. Я снова позволила себе поддаться Рокфорду и даже теперь, несмотря на отчаянное желание убежать, не могу ему сопротивляться. Оно затягивает, просачивается мне под кожу, так что уже не понятно, где заканчиваюсь я, и начинается оно. Пожалуй, вот что значит привязаться к месту — оно может предать, разрушить иллюзии, но от него невозможно отречься.

— Вы в порядке, ваша светлость?

Поначалу я не отвечаю, так как ещё не совсем привыкла к данному титулу. Для меня всё это ново, и я ловлю себя на том, что жду ответа от другой — настоящей — герцогини. Но, опомнившись, поднимаю глаза.

Передо мной стоит Оскар, наш дворецкий, бледный как полотно.

— В библиотеке ожидает офицер полиции. Он хочет взять у вас показания.

Я утыкаюсь взглядом в пол.

— Просто расскажите ему всё как есть, — мягко говорит он.

— Как есть? — переспрашиваю я. И с чего же начать? Да и кто мне вообще поверит?

— Да. С самого начала.

— А для этого нужно вернуться на семь лет назад, — говорю я себе под нос.

Почему-то для меня очевидно, что события этой ночи связаны с тем далёким летом. Но как же больно возвращаться в прошлое, вспоминать времена, когда я была невинным ребёнком, не столкнувшимся ещё ни со смертью, ни со скандалами.

Оскар смягчается в лице.

— Неужели вы не слышали старую поговорку о том, что правда дарует свободу? Выговоритесь и облегчите своё бремя.

Я смотрю в окно на деревья, украшенные мигающими огоньками, оставшимися после внезапно оборванного праздника. Эти самые деревья, для которых поместье Рокфорд было домом за сотни лет до меня, являются очевидцами моей истории, они окутаны ею, как и я.

— Ваша светлость, боюсь, у вас нет выбора, — продолжает Оскар, расхаживая по гостиной, — вы обязаны дать показания. Хотя... очевидно, что сейчас вы находитесь в шоковом состоянии, так что, пожалуй, я попытаюсь убедить его прийти завтра.

Я благодарно киваю.

— Да, будьте так добры.

— Но, по возвращению, я готов выслушать вас от и до, и тогда мы вместе решим, чем поделиться с полицией, — Оскар окидывает меня ободряющим взглядом, — я хочу, чтоб вы знали: ради вашей защиты я готов на всё. Я всю жизнь служил вашей семье. Просто расскажите мне правду и позвольте послужить вам ещё раз.

Я молча смотрю вслед Оскару, удаляющемуся из комнаты. Понятия не имею, чем он может помочь... но на данный момент он — всё, что у меня есть.

Из глубин памяти всплывают воспоминания, и я пытаюсь представить, каково это — наконец поделиться своей историей. Перед глазами проносятся дни, месяцы, годы, и вот я снова десятилетняя Имоджен Рокфорд, у ног которой лежит весь мир.

«На чести любого рода есть свои темные пятна. Личности распутные, безнравственные, аморальные есть едва ли не в каждом знатном английском семействе. Их истории знакомы нам от и до; мы читали о них в книгах, наблюдали в домах соседей, а возможно, и переживали в собственных семьях. Но что если аморальность человека выходит за рамки нашего понимания? Как определить «хороший» человек, или «плохой», исходя из того, с чем раньше никогда не сталкивался? По каким принципам составить своё суждение? »

«РОКФОРДЫ ИЗ УИКЕРШЕМА: ОБЩЕСТВЕННОЕ МНЕНИЕ И ЗАБЛУЖДЕНИЯ»
ЖУРНАЛ «АЙСИС»

I
ИЮЛЬ 2007 ГОДА

Взволнованно сжимая мамину руку, я выпрямляюсь на заднем сидении автомоби-

ля, мчащего нас по дороге Уикершема. И когда мы подъезжаем к двухстворчатым кованым воротам с фамильным гербом Рокфордов, понимаю, что долгожданный момент наконец-то настал: впереди уже угадываются мои самые любимые пейзажи во всей Англии.

Мы проезжаем через открытые ворота. Высунувшись из окошка машины, я с трепетом разглядываю покрытое рябью голубое озеро и простирающийся на многие мили парк, среди которого между ветвистыми деревьями просматривается поместье. Поместье Рокфорд — загородный дом, принадлежащий папиной семье с восемнадцатого века — больше напоминает сказочный замок, чем обычный дом, со своими величественными колоннами, куполообразными башенками, бескрайними садами и двумя сотнями комнат, большинство из которых мне ещё только предстоит исследовать.

— Вот мы и дома, — весело произносит папа и, развернувшись назад, улыбается нам с мамой.

— Я бы не отказалась от такого дома, — отвечаю я, ёрзая на сидении, — везёт же Люсии, она живет здесь постоянно.

— А тебе везёт жить в не менее замечательном месте в Нью-Йорке, — подчёркнуто строго произносит мама, пресекая любые проявления избалованности ежегодными поездками в Рокфорд.

— Знаю, знаю.

И ведь это правда. Я обожаю нашу квартиру в «Трайбека Апартаментс», особенно с того времени, как туда переехала моя подруга Зои Марино. Но с каждым летом меня всё больше и больше влечёт поместье Рокфорд со всеми прелестями английской загородной жизни: утренними верховыми прогулками по полю с кузиной, игрой в крикет на лужайке, послеполуденными чаепитиями в Розовом Саду, а в дождливые дни — посиделками в огромной библиотеке и прогулками по длинным коридорам, увешенным шедеврами живописи. Но в особенности... визитами единственного мальчика, с которым я хочу дружить — Себастьяна Стенхоупа.

Вряд ли я когда-нибудь пойму, почему мама с папой после моего рождения решили уехать из рокфордского рая. Сколько я ни спрашивала, их ответ сводился к одному: мы переехали в Нью-Йорк из-за папиной работы — и это, по-моему, странно. Как будто в Англии не нужны юристы.

Но моим размышлениям наступает конец, как только мы подъезжаем к ещё одним воротам под высокой каменной аркой, ведь это значит, что мы почти на месте. Шурша колёсами по гравию, автомобиль сворачивает на извилистую подъездную дорожку, петляющую между идеально подстриженными газонами. И вот перед нами Большой Двор поместья, огражденный резными каменными стенами, колоннами и башнями. В нескольких ярдах, на лестнице, ведущей в особняк, нас встречают родственники со штатом прислуги.

— Следи за манерами, Имоджен, — мягко наставляет меня мама, пока машина останавливается перед домом.

Я киваю, стораю от нетерпения. Водитель спешит открыть перед нами дверцы, и мы с мамой следуем за отцом в Большой Двор. Я ступаю на рокфордскую землю, затаив дыхание. Сердце колотится от избытка чувств, которые переполняют меня исключительно здесь. В волосах играет ветер, вслед моим шагам распускаются цветы, и по телу разливается волна адреналина, пробуждая эмоции, которых дома мне так не хватает. Сегодня это ощущается даже сильнее, чем в прошлые годы. Интересно, наша с поместьем особая связь заметна со стороны, или же она существует лишь в моём воображении?

Листочки на деревьях и те колышутся теперь в мою сторону, и, потянувшись к ним, я чувствую в ладонях лёгкую дрожь. Но подойти к деревьям мне не удаётся. Па-

па берет меня за одну руку, мама — за другую, и вот я вприпрыжку шагаю с ними в сторону толпы на парадном крыльце.

Я сразу отыскиваю взглядом кузину Люсию, но прекрасно знаю, что здороваться в первую очередь положено не с ней. Вместо этого мы с родителями подходим к седовласому господину в инвалидной коляске — моему дедушке, герцогу Уикершема. Папа отвешивает торжественный поклон и целует своего отца в щёку. Мама склоняется в реверансе, и я следую её примеру, заливаясь румянцем, как и всякий раз, когда мне приходится делать реверанс на людях.

Я и не догадывалась об исключительности нашей семьи, пока не пошла в школу. Остальные дети относились ко мне обычно, но всё изменилось, когда прозвенел последний звонок, и съехались их родители и нянечки. Почему-то все эти незнакомые взрослые тётеньки стремились подойти ко мне и с восхищением в глазах упоённо произносили моё имя. А когда в класс вошла мама, сразу же переключились на неё и, без конца повторяя восторженное: «леди Рокфорд», принялись неуклюже раскланиваться в реверансах. Это озадачило меня, и маме пришлось в сторонке разъяснить, что наш дедушка носит титул герцога Уикершема, который уступает разве что королевскому. Для всех, кто смотрел телевизионные трансляции коронаций или королевских свадеб, следил за жизнью английской аристократии и читал светские журналы, мы были знаменитостями.

Но какими бы важными персонами мы не казались в Америке, вскоре я узнала, что имеется и верхняя ветвь родового дерева: семья папиного старшего брата Чарльза — маркиза Уикершема, который после смерти дедушки унаследует Рокфорд. И точно так же, как дядюшка Чарльз и тётушка Филиппа занимают более высокое положение в обществе, чем папа с мамой, моя кузина Люсия занимает более высокое положение, чем я. Несмотря на двенадцатилетний возраст, её величают *леди Люсия*, тогда как меня — просто Имоджен. Ну и ладно. Как-никак, они живут в Рокфорде круглый год, а мы гостим здесь только летом. Поэтому неудивительно, что мы стоим на ступеньку ниже.

Итак, я поворачиваюсь к тёте и дяде, склонив голову в знак приветствия, и только после радостного: «Добрый день, миледи», обращенного к кузине, наконец имею право отбросить церемонии. И я бросаюсь в крепкие объятия Люсии. Её улыбка выражает неподдельную радость по поводу моего приезда.

Люсия любит называть меня младшей сестрёнкой, которой у неё никогда не было, и я с удовольствием играю эту роль. Кузину я обожала всегда. Двухлетняя разница в возрасте придает ей в моих глазах отличительной изысканности и жизненной искущённости. Во взгляде её карих глаз читается столько всего интересного, но пока не доступно моему пониманию. И каждое лето я надеюсь, что она сочтет меня достаточно взрослой, чтобы посвятить в свои тайны.

Кто знает, может быть, это и есть то самое лето.

Мама легонько толкает меня локтем, и мы втроём подходим поздороваться с прислугой. И заметив своего любимчика дворецкого Оскара, я не могу сдержать восторженного вопля.

— Оскар!

— Мисс Имоджен, — широко улыбаясь, он сжимает меня в своих медвежьих объятиях, — как вы подросли — прямо не узнать.

— Вы всегда умеете подобрать слова, не так ли, Оскар? — говорит мама, целуя его в щёку.

— Рад видеть тебя, старина, — дружески обнимает его папа.

Оскар служил в поместье Рокфорд ещё со времен папиного детства, и эти двое всегда были не разлей вода. Остальные слуги Оскару и в подмётки не годятся, особенно женщина, идущая нам навстречу — домоправительница миссис Малгрейв.

Я чувствую, как вся сжимаюсь в тени её статной фигуры. Мне становится неуютно под тяжёлым взглядом чёрных глаз, сначала оценивающим, а потом презрительным, словно указывающим на мою никчёмность.

— С возвращением, лорд и леди Рокфорд, — говорит домоправительница ровным голосом, изогнув тонкие тёмные брови дугой, — Имоджен.

Но я избегаю смотреть ей в глаза, вместо этого сосредоточившись на маленькой родинке на подбородке.

— Спасибо, миссис Малгрейв, — папа пожимает ей руку, но только я замечаю, как он мельком переглядывается с мамой.

— Вы помните мою дочь Мэйси?

Миссис Малгрейв указывает на девушку, стоящую в конце шеренги слуг. Она на несколько сантиметров выше меня, одета в черную юбку до колен и форменную блузу, волосы собраны в пучок.

— Разумеется, — мама подходит её поприветствовать, — приятно видеть тебя, Мэйси.

Как всегда в присутствии Мэйси, я чувствую себя неловко, словно не в своей тарелке. Она разительно отличается от нас с Люсией, несмотря на сходство во внешности и в возрасте, из-за которого вполне могла бы сойти за третью кузину. Но на этом общие черты заканчиваются. В то время как мы с Люсией — богатые наследницы Рокфорда, Мэйси работает в поместье младшей горничной. И, как по мне, это главное несовершенство жизненного уклада, характерного для семей, подобных нашей. Одним с рождения достаётся всё, другим — ничего. И происходит это без причин и оснований... кому как повезет.

И, глядя сейчас на Мэйси, я принимаю её сторону в воображаемом споре, размышляя о том, как несправедливо, что ей приходится жить в хозяйственном крыле, вместо того чтобы наслаждаться детством, как я. Папа говорит, что в английских домах для детей прислуги это нормально, особенно для таких, как Мэйси — с одним живым родителем. И уверяет, что она учится в школе Уикершема, и в Рокфорде к ней относятся очень хорошо. Но всё равно... как-то это неправильно.

Дальше поздороваться выходит кухарка миссис Финдли со своим помощником, за ней двое лакеев, две горничных и в конце садовник Макс. После долгих приветствий лакей уносит наш багаж, а все остальные расходятся. Люсия берет меня за руку.

— Пойдём в наш элинг.

Я улыбаюсь, приятно удивлённая тем, что она считает маленький лодочный домик у озера *нашим*. Но уходя, чувствую на себе пристальный взгляд. Я оборачиваюсь и встречаюсь глазами с Мэйси.

— Может... возьмём с собой её? — тихо спрашиваю у кузины.

Люсия бросает на меня косой взгляд.

— Ты что, спятила? Конечно, нет.

— Ты права, — быстро говорю я, — не знаю, зачем спросила.

Но, пересекая Южную Поляну в сторону озера, я, несмотря на радость по поводу возвращения в Рокфорд к Люсии, чувствую неловкость.

Полдень следующего дня застаёт нас на пикнике в Тенистом Саду — одном из десятка садов, раскинувшихся на многие акры за зданием усадьбы. Мой любимый Тенистый Сад — единственный участок рокфордских земель, закрытый и для местных жителей, и для приезжих. Через кованые железные ворота, ограждающие его, нельзя пройти без ключа.

Как-то я спросила маму, почему посторонним вход в Тенистый Сад запрещён, и она объяснила, что в летние месяцы, когда в поместье толпятся посетители, семейству необходимо уединенное место для отдыха на природе. И как ни приятно осознавать, что сад принадлежит только нам, всё-таки жаль, что любоваться этой красотой может так мало людей.

Усыпанная лепестками гравийная дорожка разделяет сад на две одинаковые части, обсаженные по краям цветущими вишнёвыми деревьями. Их ветви тянутся навстречу друг другу, образуя над головой навес из зеленой листвы и розовых цветков, отбрасывающих на траву пляшущие тени, отчего сад и получил своё название. Именно в этом восхитительном месте семейство собирается на послеобеденное чаепитие. Миссис Малгрейв с Мэйси застилают траву покрывалом с семейной монограммой и устанавливают чайный столик с булочками, пирожными и канapé.

Пока папа оживленно болтает с дедом, дядей Чарльзом и тетей Филиппой, мама притягивает меня к себе на колени и принимается заплетать мне волосы. Я оглядываюсь по сторонам в поисках Люсии. Куда же она запропастилась? Как вдруг ловлю мамин хитрый взгляд и замечаю на её губах лукавую улыбку.

— Пришли Стенхоупы, — шепчет она мне на ушко.

Дыхание перехватывает, и я быстро сползаю с маминых коленей, пока Себастьян не застал меня в таком глупом положении. Как же всё-таки жаль, что мне только десять лет, когда он уже почти юноша — так что хотя бы *вести себя* надо по-взрослому.

Стоя босыми ногами на траве, я с улыбкой наблюдаю за Себастьяном Стенхоупом, который вслед за своим младшим братом Тео и родителями графом и графиней Стенхоуп проходит через ворота в сад.

Семья Себастьяна живет в Стенхоупском Аббатстве в соседнем городе Грейт Милтон. Стенхоупы дружили с Рокфордами, когда моих родителей ещё и на свете не было. «Это дружба, полученная по наследству, — пошутил когда-то папа, — две великих семьи держатся друг друга в радости и в горе, в силу близкого соседства и влияния».

Но для меня Стенхоупы значат гораздо больше. Особенно Себастьян.

В то время как мальчишки из школы в Нью-Йорке не обращают на меня внимания, Себастьян был моим другом, сколько себя помню. Когда я впервые села на велосипед, он придерживал меня, страхуя от падений, и каждое лето вовлекал во все свои игры и забавы. У меня замирает сердце, когда он садится рядом и закидывает меня вопросами о жизни в Америке, обращаясь по имени, которым меня позволено называть только ему: Джинни. Себастьян не похож на других знакомых мне мальчиков, он словно вспышка цвета на унылом пейзаже. Возможно, поэтому он единственный мальчик, с которым мне *хочется* общаться.

Как только я понимаю, что слишком откровенно пялюсь, Себастьян встречает мой взгляд и широко улыбается. И я уже готова броситься ему навстречу, но вдруг замечаю мчащуюся среди деревьев стройную блондинку. Люсия.

Приветствуя его, Люсия вся сияет — хорошенькая как никогда. Улыбка Себастьяна смягчается, и он неожиданно робеет. Они подозрительно долго смотрят друг на друга, не отрывая глаз, и мне становится дурно. Я что-то пропустила?

Я прекрасно помню, как прошлым летом Люсия сказала: «В будущем он станет графом, и хотя наши родители дружат, в остальном он обычный глупый мальчишка, такой же, как все».

Этим же летом Люсия, кажется, запела по-другому. Она беззастенчиво хватается Себастьяна за руку, подводит к столику и усаживает рядом с собой. При виде этого я открываю рот от изумления.

— Как здорово видеть тебя, Имоджен!

С трудом оторвав взгляд от Себастьяна с Люсией, я поворачиваюсь и вижу его младшего брата Тео — мальчика с вечным насморком.

Я выдавливаю из себя ответную улыбку и приветствую его родителей, как меня учили:

— Добрый день, лорд и леди Стенхоуп. Как поживаете?

— Спасибо, все хорошо, дорогая Имоджен, — говорит леди Стенхоуп воркующим голосом, — а как твои дела? Подумать только, как ты выросла с последней нашей встречи.

— Правда? — я немного приободрилась. — Очень на это надеюсь.

Пока Стенхоупы подходят поздороваться с остальными, я опускаюсь на траву, и Тео плюхается рядом со мной. Мама протягивает тарелку со сладостями, и я, рассеянно надкусывая черничную булочку, наблюдаю как Люсия и Себастьян, усевшись рядышком, листают один из его комиксов. Я точно знаю, что Люсия не переносит комиксы, но сегодня она выглядит всецело увлечённой последним выпуском Железного человека. Что же *стало* с кузиной, которую я знала?

Прежде чем Себастьян с Люсией успевают заметить мой взгляд, Оскар отрывает их от комиксов и подводит к нам с Тео.

— Как вы смотрите на то, чтобы вчетвером посадить в Тенистом Саду новые цветы? — предлагает он. — Макс покажет вам, как это делается.

— Дайте угадаю, — говорит Люсия, закатывая глаза, — папа попросил нас отвлечь, чтобы выпить и опять опозориться, не так ли, Оскар? — она с горечью улыбается.

— Выпить чего? — спрашиваю я, ошарашенная её неожиданным выпадом.

Во всеобщей тишине Оскар смеривает Люсию суровым взглядом.

— Придержите-ка свой острый язык, леди Люсия. Разве можно отзываться об отце в таком тоне? — он прокашливается. — И раз Макс любезно согласился организовать для вас, дети, интересное занятие, я надеюсь, вы выразите ему свою признательность тем, что будете вести себя благовоспитанно.

Шумно вдыхая воздух, Оскар проводит нас к цветнику в другой конец сада. Кроме родителей Люсии и нашего дедушки, Оскар, похоже, единственный человек, способный её отчитать. И что самое удивительное — моя своенравная кузина его слушается. Но, даже молча следуя за Оскаром вместе со всеми, она не перестаёт хмуриться. И поймав ни в чём не повинную пролетающую мимо муху, раздавливает её и небрежно выбрасывает в траву. Я вздрагиваю и отворачиваюсь. Неужели Себастьян ничего не заметил, или ему просто всё равно, и мне одной есть дело до мёртвой мухи?

У незасеянной клумбы нас ожидает пожилой садовник Макс. Он протягивает каждому небольшое ведро воды, лопатку и мешочек с семенами, и мы выстраиваемся у грядки. Оказавшись рядом с Себастьяном, я чувствую, как заливаюсь краской.

— Сегодня мы посадим дивные цветы, известные как кентерберийские колокольчики, — объявляет Макс, — боюсь, зацветут они не ранее чем через год, стало быть, у вас, Имоджен, появится прекрасный повод посетить нас будущим летом.

Я пытаюсь изобразить энтузиазм, которого явно ожидает от меня Макс.

— Вашим первым заданием будет очистить почву от всевозможных сорняков, — продолжает он, — затем вырываем небольшую ямку, поливаем её водой, опускаем семена и присыпаем их землей вот таким образом.

Мы вчетвером, следуя указаниям Макса, принимаемся за дело. Люсия работает, напевая себе под нос грустную песню, которую я никогда раньше не слышала:

«Я знаю, что путь мой извилист и крут.

Пусть тёмные тучи по небу плывут,

Но ждут золотые поля вдалеке,

Где ветер осушит слезу на щеке...»

Копаясь в земле, я вдруг ощущаю, как по пальцам пробегает электрический разряд, и с дрожащими руками отскакиваю назад.

— Всё в порядке? — спрашивает Себастьян. В его зелёных глазах читается беспокойство.

— Мм... хмм... — я в замешательстве отворачиваюсь и возвращаюсь к работе. Но, зарывая семена, снова чувствую удар тока и зажмуриваюсь от боли.

Тут же слышу удивлённый возглас Себастьяна и голос Люсии:

— Откуда взялся этот цветок? *Здесь какой-то подвох?*

Я ошарашено смотрю перед собой... и едва сдерживаю крик. На месте, где я только-только высадила семена, всюду цветет великолепный кентерберийский колокольчик. А на лиловых лепестках застыли капельки воды, которой я поливала землю.

Я смотрю на это нереальное зрелище и не верю своим глазам.

— Эта грядка была пуста, — неуверенно произносит Макс и потирает виски, — готов поклясться, здесь не было никаких цветов. Как вы... вы же не могли...

— Вы, наверное, просто не заметили, но он был здесь. Я видела его, когда подошла, — я вру, и от этого голос звучит громче, чем хотелось бы.

Себастьян окидывает меня пронзительным взглядом, и внутри всё холодеет. *Он видел, что это сделала я.*

— Я знаю каждый сантиметр этих садов. Я не мог не заметить такой цветок, — Макс смотрит на меня настороженно, выпытывающее, — что вы сделали, Имоджен?

— Ничего я не делала! — отвечаю резко. — Да и что я вообще *могла* сделать? Цветы не появляются из воздуха. Он был здесь и раньше.

Но его не было. Я знаю, что не было.

В итоге Макс вроде бы принимает моё объяснение, и когда он отходит, призвав нас вернуться к работе, я могу наконец спокойно выдохнуть.

Повернувшись к Себастьяну, я поднимаюсь на цыпочки и шепчу ему на ухо:

— Что бы ты ни увидел, пожалуйста, не говори никому.

В его лице ни кровинки.

— Я и сам не знаю, *что* видел. Только что клумба пустовала и вдруг... — он сглатывает комок, — появилось *это*. Как ты это сделала?

— Я... я не знаю. Раньше со мной такого не случалось, — я отворачиваюсь, пока он не заметил подступившие слёзы, — пожалуйста, просто пообещай, что никому не скажешь.

— Джинни, — мягко говорит Себастьян, — не волнуйся, я никому не скажу, обещаю. Но и ты пообещай, что расскажешь мне, если подобное повторится.

Я киваю, всем сердцем надеясь, что рассказывать будет нечего. Попятившись от цветка, который своим видом будто намекает, что что-то со мной неладно, я оглядываюсь на Себастьяна, опасаясь увидеть на его лице испуг. Но он, к моему удивлению, хоть и смотрит, словно увидел меня впервые, вообще не выглядит напуганным. Надо же. И всё-таки я понимаю, что пора убираться с этого урока по садоводству, пока я не начудила еще чего-нибудь... неожиданного. Ведь если Макс и Тео, кажется, снова взялись за дело, то Люсия продолжает с интересом за мной наблюдать.

— Я... мне нужно кое-что сказать маме, — говорю я, не обращаясь ни к кому конкретно.

И, не дожидаясь разрешения, возвращаюсь через Тенистый Сад к месту пикника. Дедушка дремлет в своей инвалидной коляске в тени деревьев, а родители обсуждают что-то с тётей Филиппой, дядей Чарльзом и лордом и леди Стенхоуп приглушёнными голосами. Заслышав мои шаги, они резко прерывают разговор.

— Имоджен, — обеспокоенно говорит мама, — почему ты не с остальными детьми?

Я сворачиваюсь в клубок рядом с ней, надеясь, что мамино прикосновение утихомирит бешено колотящееся сердце, и всё снова придет в норму.

— Я решила, что мне не нравится работать в саду, — говорю шёпотом, — от меня там нет никакой пользы.

Продолжение пикника мелькает как в тумане. Уйдя в себя, я тихо сижу рядом с мамой и почти не вслушиваюсь во взрослые разговоры. Перед глазами то и дело возникает кентерберийский колокольчик, появившийся из ниоткуда. И хотя меня так и подмывает вернуться и проверить, на месте ли цветок, но страх берет верх над любопытством.

Когда солнце начинает клониться к закату, появляются миссис Малгрейв и Мэйси, чтобы убрать остатки пикника. Мама с тётёй Филиппой принимаются собирать вещи, дядя Чарльз будит дедушку, а лорд и леди Стенхоуп отправляются за Люсией, Себастьяном и Тео. Пора идти домой. Но где же папа? Кажется, я не видела его уже больше часа.

— Он ушёл, не дожидаясь нас, — отвечает мама на мой вопрос, — кажется, его продуло.

Я вскидываю брови. С каких это пор папа боится лёгкого ветерка?

Люсия со Стенхоупами первыми покидают сад, за ними дядя Чарльз и тётя Филиппа, следом толкает инвалидную коляску мама. Немного замешкавшись, я остаюсь за воротами одна. Я наблюдаю, как остальные продолжают путь к дому, но за ними не иду, потому что, мельком взглянув на Рокфордский Лабиринт, замечаю там какое-то движение.

Я медленно поворачиваюсь лицом к Лабиринту, возвышающемуся над Тенистым Садам. Огражденный со всех сторон десятифутовой живой изгородью, он до того запутан, полон коварных ловушек и неожиданностей, что предназначен только для взрослых и «детей старшего возраста». Сама я там никогда не бывала, но мама с папой обещали, что в тринадцать лет смогу наконец войти.

Среди зарослей мелькает чья-то рука, и у меня перехватывает дыхание. Но затем показывается знакомая каштановая шевелюра, и я облегчённо вздыхаю.

— Пап! Что ты там делаешь? Мама сказала, что ты пошел в дом.

Услышав мой голос, он, кажется, удивился, но тем не менее улыбнулся.

— Имоджен, дорогая. Ты умеешь хранить секреты?

— Конечно, умею.

Папа не похож сам на себя — покрасневший, со стеклянными глазами.

— В Лабиринте кое-что спрятано, — негромко говорит он.

— Серьёзно? — удивляюсь я. — Там зарыли клад?

— Вроде того. Но ты должна быть хорошей девочкой и подождать, — предупреждает он, — пока мы не сможем его забрать.

Сторая от любопытства, я опускаю взгляд, и папа, заметив признаки недовольства, берёт меня за руку.

— Однажды это тебе действительно понадобится. Ты сама поймешь, когда этот день наступит, — говорит он и смотрит мне прямо в глаза, — если меня не будет рядом... просто помни о гортензиях. Когда увидишь их, значит, ты у цели.

Я окидываю папу подозрительным взглядом. Он что, с ума сошел?

— Что ты имеешь в виду? Почему ты сам не сможешь мне показать?

Папино лицо принимает задорно-игривое выражение.

— Потому что я твой страшно важный и занятый работой папа, вот почему! А те-

перь давай, кто первый домой.

Тревога постепенно исчезает, и я довольно улыбаюсь, услышав:

— На старт... внимание... марш...

Позапрошлым летом Люсия уговорила родителей отпустить нас на пижамную вечеринку в рокфордский элинг. Вроде бы и ночевка под звездами, и в то же время, есть где укрыться от капризов непредсказуемой английской погоды. После того как ночной сторож пообещал охранять нас снаружи, родители согласились, и мы с Люсией провели незабываемый вечер, полакомившись пирогом с патокой от миссис Финдли за просмотром любимого фильма «Гарри Поттер и узник Азкабана» под аккомпанемент дождевых капель. С тех пор летняя пижамная вечеринка стала для нас традиционной, но сегодня меня удивило, что Люсия о ней заговорила. Увидев, как она смотрела на Себастьяна и как держала его за руку, я решила, что она уже переросла и меня, и наши детские ритуалы. Но, видимо, я ошибалась. И вот мы шагаем через Южную поляну в сторону лодочного домика. У Люсии в руках закрытый поднос с пирогом от миссис Финдли, а я освещаю путь карманным фонариком.

Люсия отпирает застеклённую дверь, и мы входим в просторную комнату, полностью оформленную в бело-голубых тонах. В голубых вазах стоят белые цветы, на белых диванах разложены голубые подушки, даже пол выложен плиткой двух цветов: кремовой и синей. Это самая простенькая комната во всём Рокфорде, здесь мы с Люсией можем играть и есть, не опасаясь разбить какой-нибудь бесценный раритет или пролить газировку на античное полотно. Но вместо того чтобы, как обычно, получать удовольствие, я напрягаюсь каждый раз, когда Люсия открывает рот, опасаясь, что она заговорит о том, о чём мне бы говорить не хотелось: о них с Себастьяном или того хуже — о кентерберийском колокольчике. К счастью, ни о чём таком она и не упоминает, а включает «Узника Азкабана», и я облегчённо вздыхаю.

Завернувшись в спальные мешки, мы располагаемся на диванчиках перед телевизором. Под конец фильма, когда я уже начинаю клевать носом, Люсия мягко спрашивает:

— Ты ведь не расстроилась из-за нас с Себастьяном... правда?

Я резко открываю глаза. *Нас с Себастьяном.* От одной этой фразы меня передёргивает, но я вынуждена соврать.

— Нет, — однако же я не могу не спросить, — так он теперь твой парень?

Она утвердительно кивает.

— Кажется, да.

Повернувшись на бок, я подтягиваю колени к груди. Мне больно это слышать, но крайне нужно узнать больше.

— И вы уже... целовались?

— Чмокнулись. И это было приятнее, чем я ожидала, — хихикает она, — Имоджен, я так рада, что ты не против. Знаю, Себастьян тебе нравится, но по возрасту мы с ним больше подходим друг другу, понимаешь? А может, вы с Тео тоже начнёте встречаться, когда повзрослеете, и мы устроим двойное свидание! Было бы замечательно, да?

Я открываю рот, чтобы сказать ей, что всегда чувствовала себя старше своих лет и что тоже подхожу Себастьяну. Но не решаюсь. И Люсия продолжает щебетать, не замечая слёз на моих щеках. Благо, в темноте не видно моего лица.

Я просыпаюсь среди ночи под оглушительный вой сирен. В домик проникает едкий запах дыма, и я, лихорадочно вскочив, поворачиваюсь к Люсии, но её спальный мешок пуст. *Где же она?*

Я соскакиваю с дивана ни живая ни мёртвая. Трясущимися пальцами пытаюсь включить светильник, но безуспешно. Ступая на ощупь, с вытянутыми вперед руками, я натываюсь на тахту.

Вдруг дверь открывается, и на пороге появляется моя кузина в ореоле яркого све-

та. Пижама в грязи, лицо мокрое то ли от слёз, то ли от пота — непонятно.

— Имоджен. Слава Богу, ты в порядке, — говорит, запыхавшись, Люсия, — там такое творится.

— Что случилось? — спрашиваю я. — Где ты была?

Но Люсия не отвечает. Она берёт меня за руку и молча ведёт к двери. На улице полно народу, и все смотрят на объятый огнём Тенистый Сад и расплзающиеся языки пламени, уже почти достигающие Лабиринта.

«В Лабиринте кое-что спрятано».

Вспомнив папины слова, я отпускаю руку Люсии и бегу к огню, не обращая внимания на её крики.

— Имоджен, стой!

Меня перехватывает и поднимает на руки лорд Стенхоуп в нелепом бархатном халате и домашних тапочках. Я суматошно оглядываюсь вокруг, и не могу поверить в реальность происходящего, настолько далекого от идиллии вчерашнего пикника.

На газон въезжают пожарные машины. Оскар и миссис Малгрейв раздают указания. Леди Стенхоуп на задней террасе в окружении растерянных слуг, одетых в пижамы, рыдает в истерике, сжимая в объятиях Себастьяна и Тео. Мэйси дрожит от шока, вцепившись в ручки дедушкиной инвалидной коляски. Я не могу отыскать взглядом только тётю и дядю. И своих родителей.

Пожарные выскакивают из машины и прокладывают путь в сад. Лорд Стенхоуп прикрывает мои глаза рукой.

— Не смотри, Имоджен.

Но я должна. Я отвожу его руку от своего лица и в немом ужасе наблюдаю, как пожарные выносят из Тенистого Сада четверо носилок — тела, накрытые простынями. Обмякшая рука свисает из-под одной из них, и я яростно качаю головой, увидев серебряную цепочку, украшающую бледное запястье. Это браслет, который я выбрала для мамы на её последний день рождения.

В ушах стоит отчаянный вопль. И я сначала даже не осознаю, что это кричу я сама. Я руками и ногами отбиваюсь от лорда Стенхоупа и наконец вырываюсь из его хватки. Слезы застилают глаза, и я бегу вслепую, но Люсии каким-то образом удаётся меня поймать. Тело сотрясают рыдания, но кухня продолжает крепко сжимать меня в объятиях. Я слышу, как она плачет, и это больно ранит моё и так уже разбитое сердце.

— Теперь только мы остались друг у друга, — шепчет она мне на ухо, и слёзы стекают по её щекам.

Я сжимаю её руку, а внутри всё переворачивается от невыносимой боли. И вдруг в руках возникает пугающе знакомое жжение. Отпрянув от Люсии, я едва сдерживаю крик — на моих ладонях искрятся и полыхают огненно-красные линии. Я в панике сжимаю руки в кулаки, но искры взмывают в воздух и сливаются в единое пламя, охватившее пространство между нами. И это пламя жутким светом озаряет не только испуганные глаза Люсии, но даже *родинку* на её запястье.

— Что это? — Люсия смотрит на меня потрясённо. — Как... Как ты это сделала?

Охваченная дрожью, я пячусь назад. Руки вмиг становятся нормальными. И снова между нами мрак и пустота.

Я оборачиваюсь и обнаруживаю, что все взгляды обращены ко мне. Знаю, меня поймут, и рано или поздно мне придется столкнуться с этим лицом к лицу, но сейчас я бегу, не разбирая пути. И понимаю, что беззаботная маленькая девочка, которой я была, исчезла без следа, рассыпалась пылью под ногами, а на её месте осталась осиротевшая незнакомка... наедине с новыми пугающими способностями.

Нью-Йорк, Трайбека¹
Май 2014

Присев у камина, я держу руку в опасной близости к огню. Я погружаю палец в алое пламя, и... с огнем ничего не происходит. Кожу обдаёт жаром, и я, вздрогнув, резко отдергиваю руку. Какая-никакая, но победа: огонь не отшатнулся от моего прикосновения. Хотя стоит ли удивляться, я ведь и цветов из ничего больше не выращивала, с тех пор как уехала из Рокфорда семь лет назад. Возможно, та пугающая способность проявилась во мне случайно?

— Имоджен? С какой это радости ты развела огонь в середине мая? — позади раздаётся голос Зои Марино, подруги, ставшей мне сестрой.

Я оборачиваюсь и выдавливаю из себя улыбку.

— Извини, просто... мне стало холодно.

— Чудная ты. Обогреватель нельзя было включить? И вообще, ты собираешься одеваться, или мы сегодня опять опоздаем?

Я закатываю глаза.

— Спокойно, Зои. Я буду готова через десять минут.

Она выбегает из гостиной, но я остаюсь на месте. Шум дождя завораживает, и вместо того чтобы идти в спальню переодеваться, я подхожу к окну. Крупные капли стекают по стеклу причудливыми узорами, и я обвожу их пальцами.

Такие моменты всегда напоминают мне о родителях; навевают мысли о том, как всё могло бы обернуться, если бы той ночью пошёл дождь. Возможно, он помешал огню распространиться, и сейчас они тоже были бы здесь, в этом самом доме.

— Солнышко, тебе не кажется, что стоит поторопиться?

Я оборачиваюсь. В дверях стоит Кэрол Марино — моя новая мама. Хорошо, что не она застала меня у камина, ведь её и так беспокоит моё душевное состояние.

— Знаю, я как раз шла одеваться.

Лишив её возможности дальнейших расспросов, я пулей проношусь мимо и скрываюсь в своей комнате. Быстро переодеваюсь в школьную форму Карнеги (прямую клетчатую юбку и белую рубашку), кое-как собираю волосы в пучок и наношу на ресницы тушь, а на губы свой любимый вишневый блеск.

Когда я возвращаюсь в гостиную, Кэрол протягивает мне рогалик и фруктовый коктейль.

— Вот возьми с собой завтрак, — с улыбкой произносит она, — Зои ждёт внизу. Ой, и не забудь, что в три у тебя встреча с мисс Форман.

— Жду не дождусь, — говорю я, закатив глаза, и крепко обнимаю её, — увидимся после школы.

В вестибюле нашего многоквартирного дома меня дожидается Зои, скрестив руки на груди и манерно постукивая ногой. Н-да, Зои, безусловно, бывает невыносимой, но я по-своему к ней привязана. Если и были в моей жизни несложные взаимоотношения, то это наша с ней дружба.

Когда мой отец стал партнёром в адвокатской конторе её отца, мне было лет пять, а ей вообще три. С ней я всегда чувствую себя легко и непринуждённо и знаю, что

мне никогда не придется ни оправдываться, ни притворяться.

— Не переживай, не пропустишь утренний сеанс обмена сплетнями, — бросаю я, поравнявшись с ней.

— Ха-ха, — она показывает мне язык и выскальзывает за дверь.

По дороге в школу, лавируя среди прохожих, я в миллионный раз задумываюсь над тем, какие же мы с Зои всё-таки разные. Посторонний человек ни за что бы не принял нас за сестер, не подумал бы, что я дочь Кэрол и Кита. Зои унаследовала тёмные волосы и смуглую оливковую кожу Кэрол, а её карие глаза имеют тот же оттенок, что и у Кита. Я же — её голубоглазая светлокожая противоположность. Оно и ясно, мы ведь не настоящие сёстры.

Новость о том, что мама с папой в завещании назначили моими опекунами своих американских соседей и лучших друзей, всколыхнула весь Уикершем. Газеты пестрели возмущенными статьями о внучке герцога, «вынужденной жить жизнью простой американской *обывательницы*». Как бы там ни было, родители знали, что если случится несчастье, мне лучше вернуться домой — в родной город, на родную улицу, в родную школу. Они возлагали надежды на мою привязанность к «тёте Кэрол и дяде Киту» и дружбу с Зои. И хотя супруги Марино стали моими законными опекунами до совершеннолетия, согласно завещанию, я должна была оставить фамилию Рокфорд. Удочерить меня Марино не могли.

Стыдно признаться, но лучше бы родители убрали этот пункт из завещания. Потому что из-за разных фамилий мне приходится раскрывать печальные подробности своего прошлого гораздо чаще, чем хотелось бы.

— Ты сегодня молчаливая, — голос Зои вырывает меня из раздумий, — что-то не так? Или мама с папой опять прессовали тебя насчёт поступления в универ?

Спасибо Зои, что напомнила.

— С того вечера ни разу, но, готова поспорить, что в эти выходные меня ждёт ещё один серьёзный разговор. Разве взять годовой перерыв это что-то сверхъестественное? Многие так поступают. Ума не приложу, почему для Кэрол и Кита эта идея так неприемлема, — возмущаюсь я.

— Ну, наверное, потому что никто из детей их друзей не прерывал учебу. Да и чем ты будешь заниматься целыми днями? — спрашивает Зои.

— Не знаю. Я просто не могу взять в толк, каким волшебным образом другие понимают, куда пойти учиться после школы, и чем они будут заниматься всю оставшуюся жизнь. Кто сказал, что в семнадцатилетнем возрасте мы уже должны определиться?

— Просто в нашей школе слишком много умников и зубрил, — Зои закатывает глаза, — возможно, в другом месте к нам не было бы таких... эмм...

— Завышенных ожиданий, — подхватываю я, останавливаясь на переходе, — что ж, слава богу, у Кэрол и Кита есть ты, чтобы оправдать их ожидания.

— Прекрати, — Зои мягко толкает меня локтем, — ты же знаешь, они любят тебя именно за то, какая ты есть.

Хотелось бы верить. Но, как бы там ни было, я улыбаюсь.

— Спасибо, сестрёнка.

Мы сворачиваем на Чемберс-стрит, где за мостом Трайбека неясно вырисовывается высокое кирпичное здание школы Карнеги.

— Дом, милый дом, — вяло роняю я.

Поднимаясь по ступенькам на школьный двор, Зои слегка подталкивает меня в бок.

— Смотри, на тебя пялится Марк Уайатт.

Я чувствую, как непроизвольно заливаюсь румянцем. Зои с моей лучшей подругой Лорен Фокс уверены, что Марк на меня запал, хотя я продолжаю твердить, что

мы просто друзья и партнеры по лабораторным. Но в последнее время я тоже заметила, что он смотрит на меня как-то по-особенному, и... кто знает, возможно, они правы. Я через весь двор разглядываю его высокую спортивную фигуру футболиста, короткие каштановые волосы и... выразительные голубые глаза. Симпатичный, милый и весёлый — встречаться с таким за счастье. Только почему от этой мысли я чувствую себя не столько взволнованной, сколько угнетенной?

— Оставлю вас наедине, — заговорщицки шепчет Зои.

И вправду, как только она скрывается из виду, Марк направляется ко мне.

— Привет, Имоджен, — его губы растягиваются в обворожительной улыбке, — как дела?

— Нормально. Вот, бегу на историю, пока звонок не прозвенел.

— И я туда же, — Марк пристраивается рядом, и я улыбаюсь, искоса поглядывая на него. Обманщик несчастный. Я же знаю, что у него урок математики в другом конце здания.

Входя в школьную дверь, я сознательно держусь к нему ближе, чем обычно. Как же хорошо чувствовать себя обычным подростком. Не «Имоджен, у которой умерли родители», и не «Имоджен с неопределённым будущим», а просто семнадцатилетней девчонкой, которая нравится парню.

После уроков Лорен за руку ведет меня в кабинет мисс Форман, по дороге рассказывая, за чем застучала на выходных старшего брата.

— Я просто хотела попросить его сделать музыку потише, а то реально стены дрожали. Короче. Захожу я в комнату и вижу на полу две пустые бутылки из-под вина и полуголую девицу, и самый капец — мой братец пьяным голосом поёт ей серенаду в стиле рэпера Дрейка.

Я захожусь смехом.

— Не знай я Энтони так хорошо, это показалось бы мне почти милым. В каком-то смысле мне даже жаль, что ты его застучала.

— Вот, что значит после школы жить с родителями, — Лорен грозит мне пальцем, — это постоянная угроза спалиться. Я без конца повторяю Энтони, что пора бы переехать в кампус, но он, естественно, предпочитает студенческой общаге сытую жизнь у мамы под крылышком в нашей уютной квартире.

— А я и не говорила, что останусь жить дома, — поправляю я, — я просто ещё не решила, чем буду заниматься.

— Значит, пора уже решить, — говорит она, останавливаясь у двери кабинета школьного психолога, — удачи, подруга.

— Спасибо. Я потом скину тебе СМС.

Обняв меня, Лорен уходит дальше по коридору, потряхивая чёрными вьющимися локонами, и я, глубоко вдохнув, стучусь в дверь к мисс Форман.

— Войдите!

Как только я переступаю порог кабинета, она встаёт и приветствует меня тёплой улыбкой.

— Имоджен, как прошёл день?

Мисс Форман, пожалуй, нравилась бы мне гораздо больше, не будь она такой педантичной. Впрочем, как психолог, а не психотерапевт, она, к счастью, является облегченной версией в череде мозгоправов, к которым Кэрол и Кит отправляли меня после пожара. Но я бы всё равно предпочла, чтобы она перестала трястись надо мной, как над комнатным цветком.

— Нормально, — я опускаюсь на коричневый замшевый диван, а мисс Форман подтягивает стул и садится напротив, — сегодня заполнила тест на проориентацию.

Мисс Форман нетерпеливо потирает ладони.

— И?

— И, по всей видимости, мне суждено стать архитектором. Что, может, имело бы смысл, если бы в прошлом году я чуть не завалила геометрию.

— Что ж... — мисс Форман поджимает губы, — геометрия — лишь грань архитектуры. В Нью-Йоркском университете ты найдешь много специальностей, соответствующих твоим интересам.

— Но я не уверена, что это мне интересно, — перебиваю я, лишая её возможности произнести очередную дежурную фразу из листовки, — раньше я об архитектуре и не думала. Кроме того, вы ведь обещали помочь мне уговорить Марино на перерыв в учёбе.

— Неужели, Имоджен? Ничего такого я не обещала. Да, я сказала, что помогу тебе, *если* приду к убеждению, что это верный шаг, но пока я в этом совсем не уверена, — она подаётся вперёд, — пойми, я не зацкливаюсь на колледже. Множество людей и без высшего образования становятся успешными, сумев направить свои таланты в нужное русло. Помочь тебе найти своё призвание — вот моя задача.

— А может, его не так уж и легко найти, когда чувствуешь себя не на своём месте? — слова вылетают прежде, чем я успеваю их осмыслить.

Мисс Форман вскидывает бровь.

— Почему ты так говоришь?

Я опускаю взгляд на выцветший ковёр. Тут уже не отвертишься.

— Не знаю. Просто иногда я чувствую, что должна находиться не здесь, что мне... чего-то не хватает.

Миссис Форман пронизательно на меня смотрит.

— В последнее время ты вспоминаешь о них чаще, чем обычно... я права?

После длинной паузы я киваю.

— Возможно, потому что скоро годовщина? — деликатно предполагает она.

Я вздрагиваю. Слово *годовщина* ассоциируется с праздником, а никак не со смертью.

Заметив мою реакцию, мисс Форман спешно добавляет:

— Прости, я просто...

— Да, я знаю, — перебиваю я. Терпеть не могу, когда меня жалеют. И я с большим удовольствием сменила бы тему разговора, но от мисс Форман так просто не отделаться.

— Ты разговаривала об этом с Кэрол и Китом? — спрашивает она.

— Нет. Зачем?

— Затем, что они любят тебя. Затем, что они хотят быть рядом, чтобы помочь тебе пережить эти трудные времена и совладать с чувствами.

Чувства. Одно из любимых слов миссис Форман.

— Они сами мне это сказали, — мягко произносит она, — они так хотят, что бы ты пошла им навстречу.

— Значит, я не иду навстречу? Может мне ещё звать их мамой и папой? — огрызаюсь я, и тут же пожалев, что нельзя забрать слова обратно, вскакиваю с отчаянным желанием поскорее убежать от мисс Форман. — Давайте... на этом и закончим. У меня нет желания продолжать, и я сомневаюсь, что этот сеанс пойдет мне на пользу.

Миссис Форман хмурится.

— Имоджен, у нас осталось ещё тридцать минут.

— Знаю, но сейчас я просто не могу это обсуждать, — я посылаю ей умоляющий взгляд, — разве нельзя продолжить наш разговор в следующий раз?

Мисс Форман задумывается.

— Хорошо. Силой держать тебя я не буду, — она окидывает меня внимательным взглядом и записывает что-то в блокнот, — всего доброго, Имоджен.

После этого я стрелой вылетаю из кабинета и вздыхаю с облегчением, оставив позади расспросы и необходимость ворошить прошлое.

Этим же вечером, пока я накрываю стол к ужину, раздаётся звонок стационарного телефона.

— Я отвечу, — объявляю я и, метнувшись в пустую кухню, снимаю трубку, — алло?

— Добрый вечер. Будьте добры, позовите к телефону леди Имоджен Рокфорд.

В груди что-то ёкнуло. Мужской голос с английским акцентом напомнил мне отца. И... почему этот незнакомец называет меня *леди* Имоджен? Откуда он вообще знает, что моя фамилия Рокфорд?

— Это... это и есть Имоджен, — наконец смущённо отвечаю я.

Я слышу резкий вздох, но прежде чем мужчина на другом конце провода успевает ответить, кто-то вырывает трубку у меня из рук.

— Эй! Это мне звонят... — возмущаюсь я и резко замолкаю, заметив выражение на лице Кита.

— В последний раз прошу, оставьте мою семью в покое, — произносит он сквозь зубы, — моей дочери не о чем с вами говорить.

Я с открытым ртом наблюдаю, как он бросает трубку на стол.

— Гм... и что *это* было?

Кит устало потирает лоб.

— Извини, дорогая, я не хотел тебя напугать. Это был один заграничный юрист. Моя фирма выиграла в суде арбитражное дело, он потерял кучу денег и теперь донимает нашу семью, чтобы я испугался и откупился от него, — он тяжело вздыхает, — это долгая история.

— Господи, кошмар какой. Сочувствую, — вдруг что-то заставляет меня задуматься, — но откуда ему известна моя фамилия? Если бы он принял меня за твою дочь, то разве не назвал бы фамилию Марино? И почему он сказал *леди* Имоджен?

Кит заминается.

— Знать такие вещи — его работа. И, бывая в Англии, он наверняка читал о тебе в газетах. Но не волнуйся, деточка, с его стороны это лишь пустая болтовня. Ты же знаешь, я не допущу, чтобы с тобой что-нибудь случилось.

«Я не допущу, чтобы с тобой что-нибудь случилось».

В памяти всплывает такая же фраза, сказанная давным-давно другим голосом — голосом кузины Люсии, умоляющей меня остаться.

— Давай просто забудем о нём. Что скажешь? — Кит ободряюще улыбается.

— Угу. Хорошо.

Дальше я накрываю на стол на автопилоте, затем сажусь на место, которое занимаю последние семь лет, и приступаю к ужину вместе со своей второй семьёй. И после того как жаркое и фирменный салат Кэрол раскладывают по тарелкам, Зои громко прокашливается, как обычно делает, перед тем как что-либо попросить.

— В общем. Эмм... Меня пригласили на выпускной, — она пытается говорить будничным тоном, но блеск в глазах выдаёт волнение.

— Правда? Разве он не только для старшеклассников? — недоверчиво спрашивает Кэрол.

— Да, но они могут пригласить кого угодно. И сегодня после уроков Джейсон Мендес пригласил *меня*, — на последних словах у неё чуть не срывается голос, — знаете, какая это честь для десятиклассницы. Вы ведь меня отпустите, правда?

— Ну, это выпускной вечер Имоджен, так что давайте спросим у неё, — говорит Кит, повернувшись ко мне, — дорогая, как ты смотришь на то, чтобы твоя сестра тоже пошла?

Тут сразу и не ответишь. На то он и выпускной, чтобы выпускники в последний раз собрались вместе и оторвались по полной, и сопровождение Зои как-то не вписы-

вается в это определение. Но взглянув в её глаза, полные надежды, я понимаю, что не смогу её разочаровать.

— Это будет круто, — говорю я.

— Обожечкой, спасибо! — Зои подсакивает со стула и бросается мне на шею. — Ты лучшая сестра в мире.

От ее счастливых объятий по телу разливается приятное тепло. Кэрол и Кит, сидя за столом, тоже улыбаются. Да, по крови я не Марино, но я точно знаю, что в этой семье меня любят. И благодаря этому становится немного легче смириться с решением, которое я приняла давным-давно, когда попрощалась с дедушкой и Люсией и уехала из поместья Рокфорд.

Лорд Едмунд Альберт Рокфорд Леди Лаура Рокфорд

12 ноября 1967 г — 8 февраля 1970 г —

26 июля 2007 г 26 июля 2007 г

Любящие родители Имоджен

"Ключ к Земле Обетованной дарует нам новую встречу"

III

Стоит мне сомкнуть веки, как перед глазами проплывают воспоминания, словно трёхмерные картинки, к которым можно дотянуться и прикоснуться. Мне снова десять. Обливаясь потом в плотной траурной одежде, я поднимаю глаза к палящему солнцу. Какая подлость — продолжать светить, когда весь мой мир окутан тьмой?

Это мой последний день в Поместье Рокфорд. Несмотря на отчаянное стремление к одиночеству, я в сопровождении Кэрол и Кита, которые приехали забрать меня домой в Нью-Йорк, поднимаюсь по травянистому холму к Рокфордской Часовне и Кладбищу, расположенным на окраине рокфордских земель.

Подойдя к новоустановленным могильным плитам, я словно покидаю собственное тело и начинаю наблюдать со стороны за душераздирающей сценой посещения незнакомкой могилы родителей. Эта угрюмая девочка не может быть мной; это *не* мои мама и папа умерли. Я всё ещё надеюсь, что родители вот-вот объявятся, улыбнутся и скажут, что всё это — чудовищная ошибка, что волноваться не о чем, что они рядом, и мы всегда будем вместе...

Но сдавленные рыдания Кэрол развеивают эту иллюзию. Я вижу, как она, опустившись на колени у маминой могилы, прижимается лбом к холодному мрамору. И мне хочется последовать её примеру, обвить руками памятники и представить, что меня обнимают в ответ, поцеловать родительские надгробия и притвориться, что каким-то образом они это почувствуют. Но я не могу; я боюсь собственного прикосновения, боюсь того, чем оно может обернуться. Я могу только наблюдать и перечитывать надпись на парной могиле.

— Что это значит? — спрашиваю я, когда Кэрол возвращается ко мне. — «Ключ к земле обетованной»?

— Не знаю, — она переводит взгляд на Кита, — наверное, эта эпитафия была указана в завещании.

Услышав позади шорох листьев, мы втроем оборачиваемся. И у меня сжимается

сердце при виде Люсии и Себастьяна, держащихся за руки.

Люсия переводит дыхание.

— Имоджен. Так и знала, что найду тебя здесь. Я... мы пришли сказать, что ты не можешь уехать, — она горделиво выпрямляет спину, — теперь я маркиза Уикершема, и я... приказываю тебе остаться.

Я открываю рот, чтобы ответить, но слова застревают в горле.

— Я знаю, тебе страшно, — мягко произносит она, — но обещаю, я не допущу, чтобы с тобой что-нибудь случилось.

Прежде чем я успеваю ответить, Кит выступает наперёд, положив руки на мои плечи в оберегающем жесте.

— Леди Люсия, я не могу выразить, насколько соболезную вашей утрате. Этого не передать словами. Но боюсь, Имоджен должна сегодня же вечером уехать домой. Я знаю, вам будет не хватать друг друга, но ведь вы могли бы навещать...

— Это несправедливо! — кричит Люсия, сжимая руки в кулаки. — Наш дедушка живет здесь, я живу здесь. Как вы можете просто увезти её и оставить меня одну, без родителей, а теперь ещё и без сестры? Это несправедливо, правда, Имоджен?

— Куда ты ходила в ночь пожара? — вдруг выпаливаю я. — Где ты была?

Люсия шарахается, словно от удара. Себастьян бросает мне умоляющий взгляд.

— Джинни...

Но я не хочу слышать его голос; не хочу, чтобы он разуверил меня в единственном чувстве, за которое я держусь. Гнев.

— Я... я... мне было так жарко, что я вышла подышать воздухом, — бормочет Люсия, — разве это преступление?

— Ты видела, как начался пожар? Никто другой не видел, — я складываю руки на груди, — только ты слонялась вокруг среди ночи, а значит, точно что-то знаешь.

— Это ты *мне* говоришь? — парирует Люсия. — Да слышать это от тебя просто смешно.

— Ты на что намекаешь?

— Я видела, на что ты способна, — фыркает она, — откуда нам знать, что пожар случился не по твоей милости?

Эти слова звучат как пощечина. Отпрянув назад, я яростно мотаю головой. Нет, нет, это не могло случиться по моей вине... или могло?

Но тут между нами встречается Кэрол.

— Довольно, девочки. Вы сами не понимаете, что говорите. Вам больно, и неудивительно, что вы срываетесь друг на друге. Но запомните, этот был просто... несчастный случай. Здесь нет ничьей вины.

Затянувшееся молчание прерывает грустный голос Себастьяна:

— Значит... ты действительно уезжаешь, Джинни?

Я киваю.

— Знаю, после всего произошедшего это трудно понять, но в Нью-Йорке вся её жизнь, — пытается объяснить Кэрол, — поэтому её родители и выбрали нас опекунами. Они не хотели бы срывать её с насиженного места. Это для вас Англия родной дом, но не для Имоджен.

— Вам и без меня не будет скучно, — говорю я Себастьяну срывающимся голосом, — друг с другом.

А затем резко разворачиваюсь и ухожу, оставляя Кэрол и Кита разбираться с возмущённой Люсией.

Понуриив голову, я спускаюсь с холма в сторону поместья. И даже не замечаю, что за мной кто-то идет, пока на плечо не ложится рука.

— То, что ты сказала, не правда.

Услышав голос Себастьяна, я поворачиваюсь и с замиранием сердца заглядываю

ему в глаза.

— Что не правда?

— Что я не буду скучать. Потому что я буду. Я буду скучать каждое лето и по праздникам, на которые ты не приедешь, — говорит он, со всей серьёзностью глядя на меня, — я буду скучать каждый раз, когда увижу колокольчик или что-либо другое, напоминающее о моей подруге Джинни Рокфорд.

Глаза наливаются жгучими слезами. Ему не понять, насколько эти слова важны для меня; как они все упрощают и одновременно усложняют. Но до того как я успеваю ответить, Себастьян наклоняется и касается губами моей щеки. Тяжело дыша, я с трепетом подношу ладонь к лицу. После всего пережитого ничто уже не сможет сделать меня счастливой, но этот поцелуй, пусть даже дружеский, дарит мне мгновение настоящей радости.

— До свидания, Джинни, — говорит он нежно, — до встречи.

— До свидания, — вторю я, не отнимая ладони от пылающей щеки, и лишь когда он, возвращаясь к Люсии, отходит на почтительное расстояние, шёпотом добавляю, — я не забуду тебя никогда.

Я просыпаюсь с мерзким чувством, которое преследует меня при каждом воспоминании о том последнем разговоре с Люсией и Себастьяном. Ещё долгое время даже думать о Люсии было мучительно больно. Её имя и её лицо были для меня неразрывно связанными с ужасами пожара, и по непонятной причине я винила во всём её... я винила нас. И пережить это я могла лишь одним способом — притворившись, что предыдущие годы за меня прожил кто-то другой, что моя настоящая жизнь началась в десять лет в семье Марино.

Это не самая смелая позиция, знаю. И я не могу отделаться от мысли, что родители были бы огорчены и разочарованы, что я не чту их память должным образом. Будь я сильнее, я могла бы свободно говорить о них и честовать их жизни, а не держать чувства глубоко в себе. Но когда я пытаюсь, когда вспоминаю тепло маминых рук и любящую папину улыбку, предназначенную только мне, в памяти помимо воли всплывают ужасные картины пожара. Люсия, ведущая меня к месту трагедии, мамина безжизненная рука... и я не могу... не могу ни думать о них, ни скучать. Поэтому я избегаю любых обсуждений с Марино моей семьи, и любых тем, даже отдалённо затрагивающих произошедшее в Уикершеме. Всё сводится к их именам, фотографиям и унылой речи об обстоятельствах смерти, которую я машинально повторяю, когда новые любопытные знакомые спрашивают о моей фамилии. Намного легче притвориться, что у меня никогда не было другой жизни... и тем не менее меня не покидает чувство вины.

У взросления есть побочный эффект — многое начинает видеться в другом свете. И теперь, оставаясь наедине с собой, я, по правде говоря, уже раскаиваюсь и в том, что отвернулась от кузины, и в том, что отвергала все дедушкины приглашения посетить Рокфорд. Но с другой стороны, как оказалось, Люсия не очень-то во мне и нуждается.

В четырнадцать лет Марино разрешили мне завести страничку в Facebook, и я, не сдержав любопытства, сразу же отыскала Люсию. К шестнадцати годам она изменилась до неузнаваемости, но стала настоящей красавицей, как я и предполагала. А с одного из фото на меня смотрели до боли знакомые глаза Себастьяна. Он вместе с Люсией улыбался в камеру и был настолько красив, что я сразу же захлопнула крышку ноутбука и поклялась никогда больше их не искать. Но я не теряла надежды, что однажды они найдут меня в Facebook, и мы снова подружимся как ни в чем не бывало. Разумеется, этого не произошло. Не зря я сказала тогда Себастьяну, что он не будет по мне скучать.

Раздумья прерывает звонок в дверь. Я вздыхаю, сползаю с кровати и, потягиваясь, выхожу в коридор. Из кухни появляется заспанная Кэрол с чашкой кофе и, увидев меня, останавливается, удивлённо моргая.

— Доброе утро, солнышко. Что-то случилось? Ты могла бы поваляться ещё часок-другой.

— Всё нормально. Мне просто не спится. Вы тоже слышали звонок в дверь? Кого это принесло в такую рань?

— С вахты доложили, что к нам поднимается курьер, — отвечает Кэрол, — кто бы мог подумать, что служба доставки работает с шести утра?

Она открывает дверь. На пороге стоит щупленький паренёк лет двадцати с большим конвертом в руках. Учтиво кивнув, он протягивает его Кэрол.

— Доброе утро, мэм. У меня посылка для леди Имоджен Рокфорд.

— Это... это я! — вырывается у меня. — Только я не *леди*.

— Она несовершеннолетняя, — Кэрол торопливо хватается за письмо, — я распишусь за неё.

Черканув подпись и пробормотав еле слышное: «до свидания», она захлопывает дверь.

— Можно взглянуть? — я протягиваю руку за конвертом, но, к моему удивлению, Кэрол не спешит мне его отдавать.

— Пускай сначала взглянет отец. Возможно, это связано с его...

— Да мне плевать на всяких обозлённых юристов. Эта посылка адресована мне, и значит, я должна её вскрыть, — огрызаюсь я возмущённо.

Я приглядываюсь к конверту, зажатому в руках у Кэрол. И сердце буквально выпрыгивает из груди — между её пальцами мне удастся разобрать обратный адрес.

Мистер Гарри Морган

Поместье Рокфорд

Уикершем, Оксфордшир, Великобритания

— Это из дома моего дедушки, — говорю я едва слышно, — я не получала от него вестей... целую вечность.

Побледневшая Кэрол переводит взгляд с меня на конверт.

— Извини, конечно, но сначала на него должен взглянуть твой отец. И вечером за ужином мы всё обсудим.

— Но...

— Никаких «но», Имоджен. Поговорим об этом вечером, — бескомпромиссно заявляет она.

У меня опускаются руки, но вдруг в голову приходит идея. Ничего не ответив, я резко разворачиваюсь и убегаю в свою комнату.

Я усаживаюсь за письменный стол, со щелчком раскрываю ноутбук и набираю в поисковике: «Гарри Морган Поместье Рокфорд». Первой появляется ссылка на официальный туристический портал Рокфордского Поместья. Я замираю в нерешительности... но затем собираюсь с духом и щёлкаю по ней мышкой.

Перед глазами мелькают слова и картинки. И у меня сжимается сердце при виде прекрасного величественного замка елизаветинской эпохи в окружении живописнейших садов и парков на центральном фото. Рокфордское Поместье до боли родное, однако за семь лет оно приобрело некий налёт таинственности. Как будто я всего лишь вижу его по телевизору, и оно только кажется реальным, а на самом деле это не так.

На фотографиях мне то и дело начинают мерещиться тени, прогуливающиеся по улице, выглядывающие с балконов и из арочных окон, и я зажмуриваюсь. Дальше смотреть невозможно. Я начинаю бегло водить взглядом по строчкам.

«Добро пожаловать в Поместье Рокфорд — семейное гнездо одиннадцати поколений герцогов Уикершемских. Признанное одним из роскошнейших особняков, поместье находится под опекой Национального Фонда Великобритании. Представители рода Рокфорд называли его домом на протяжении более чем трёх столетий. На данный момент особняк и сады закрыты для посещения, но в июне вновь откроются на летний период».

Я слглатываю ком и, пытаюсь унять сердцебиение, кликаю по вкладке «Обратная Связь». Пробегая глазами по перечню контактных лиц и телефонных номеров, я натыкаюсь на имя, которое ищу: *мистер Гарри Морган, управляющий имением*.

И с какой стати я понадобилась управляющему имением?

Развернув мысленные дебаты о том, связаться с ним или нет, я прислушиваюсь к внутреннему голосу, настоятельно призывающему это сделать. Потом раздумываю, что лучше: позвонить или отправить письмо по электронной почте. И наконец, набравшись решимости, тянусь к телефону.

Звонок в Европу, вероятно, влетит в копеечку, но с этим я разберусь как-нибудь позже. И тут до меня доходит, что я понятия не имею, какой телефонный код Англии — в последний раз я звонила за границу, когда ещё были живы мама с папой.

Погуглив «Как позвонить в Англию», я набираю несметное количество цифр и слышу длинный гудок вызова.

Отвечает официальный женский голос:

— Доброе утро, офис Гарри Моргана.

— Здравствуйте, — из горла вырывается хрип, и я нервно прокашливаюсь, — здравствуйте, а можно с ним поговорить?

— На данный момент мистер Морган находится в Америке, — быстро отвечает она, — ему что-нибудь передать?

— А где именно в Америке? — спрашиваю я с замиранием сердца.

Женщина на секунду замолкает.

— Позвольте узнать, с кем я разговариваю?

Я делаю глубокий вдох.

— Это Имоджен. Имоджен Рокфорд.

На другом конце провода слышится резкий выдох. Дальше женщина говорит уже совсем другим голосом — звонким, взволнованным, без намёка на раздражение.

— Леди Имоджен! Меня зовут Лиза. Я помощница Гарри Моргана. Вы даже не представляете, как долго мы пытаемся с вами связаться. Это было настоящее испытание, и теперь, услышав ваш голос... я просто не верю своим ушам.

Я подношу телефон к глазам и всматриваюсь в него, словно это сможет как-то прояснить её странные слова.

— Я просто Имоджен. Меня не называют леди, — озадаченно говорю я, — и я не знаю ни о каких попытках со мной связаться. Я не получала ни звонков, ни писем до сегодняшнего дня.

— Как не получали? — растерянно переспрашивает Лиза. — Но мы вот уже несколько недель постоянно вам пишем и звоним.

Я потрясённо осознаю, что это означает одно из двух. Либо эта барышня не в своём уме, либо Марино скрывали почту, адресованную мне.

— Так где же мистер Морган? — спрашиваю снова. — Я ещё не распечатала конверт, он у моих опекунов.

— Он в Нью-Йорке, — мягко говорит она, — поехал увидеться с вами.

Я чуть со стула не упала.

— Что? Он здесь?

— Да. И у него есть к вам разговор. Очень важный.

— Случилось что-то плохое? — робко спрашиваю я. Может, у Марино есть весомая причина скрывать это от меня?

— Отнюдь, — продолжает Лиза, словно почувствовав мою нерешительность, — разговор с ним вас порадует. Ручаюсь, вы не пожалеете.

— Хорошо... — я пытаюсь быстро всё продумать. — Только, наверное, будет лучше, если мы встретимся не у меня дома.

Нервно отчеканив адрес Лорен, который первым пришёл мне на ум, я спрашиваю, сможет ли мистер Морган встретиться там со мной завтра после уроков.

— Гарантирую, что он встретится с вами в три пятнадцать, — обещает Лиза, — как же я рада, что удалось поговорить с вами, Имоджен. Удачного вам дня, и я... я надеюсь, что мы вскоре увидимся в Рокфорде.

— О, гм, маловероятно, но спасибо. Всего хорошего.

Закончив разговор, я, преисполненная значимостью того, что сделала, плюхаюсь на кровать. Даже не представляю, ради какого такого важного разговора управляющий именем пересёк полмира. И мне одновременно и хочется и не хочется узнать, в чём дело.

— Что ты сказала? — вскрикивает Лорен, с набитым сэндвичем ртом, после того как я за столиком школьной столовой вкратце пересказала ей недавний телефонный разговор. — И что я скажу маме, когда к нам домой заявится незнакомый англичанин?

— Я не знала, что ещё сказать. Нужно было на ходу придумать, как встретиться с ним без лишних ушей. Я же не могла назначить встречу у себя, зная, что Кэрол с Китом всё это от меня скрывают, — я бросаю взгляд на Зою, весело болтающую с друзьями за угловым столиком, в блаженном неведении относительно секретов её родителей... которые также и мои, — к тому же... мне будет спокойнее, если ты будешь рядом.

Лорен сжимает мою руку.

— Ты права, прости. Конечно же, я буду рядом. Просто надо придумать, как правильно представить этого Моргана, чтобы не вызвать маминых подозрений.

— Может, скажем, что он мой дядя? — предлагаю я. — Что он приехал меня навестить, и я решила вас познакомить.

Лорен морщит нос.

— Не знаю. Мама не преминет обмолвиться об этом в разговоре с твоими.

— Хорошо, тогда... что, если он мой репетитор, помогающий подготовиться к экзаменам?

— Ты же знаешь, как часто мама общается с Кэрол, — Лорен качает головой, — любая наша выдумка непременно достигнет её ушей. Даже мимолетное упоминание о твоём крутом британском репетиторе выдаст нас.

Я глубоко вздыхаю.

— Тогда мне, пожалуй, стоит готовиться к откровенному разговору... но это потом. Сначала нужно без вмешательства Кэрол и Кита выяснить, чего хочет Гарри Морган. Следовательно, даже если через несколько часов наша хитрость с репетиторством раскроется, к тому времени я уже что-нибудь да разузнаю. А чтобы тебя не подставлять, родителям скажу, что тебя я тоже обманула.

Лорен смотрит на меня в изумлении.

— Никогда не видела тебя такой.

— Какой?

— Ты никогда не говоришь о своих родственниках, о Рокфордах, — осторожно говорит она, — я почти ничего не знаю о них... о твоей жизни до нашего знакомства. И вот объявляется какой-то тип, работающий на них, и ты вдруг, рискуя до восемнадцати лет оказаться под домашним арестом, устраиваешь встречу, только чтобы

узнать, чего он хочет. Это не та Имоджен, которую я знаю.

Я опускаю взгляд на столешницу с грубо вырезанными кем-то инициалами.

— Возможно, я о них не говорю, но думаю... очень часто.

Все эти годы я старалась забыть о кухне и о бабушке. Так долго не получая от них вестей, я решила, что на меня махнули рукой. Но теперь выясняется, что, возможно, я ошибалась. И мне просто необходимо во всем этом разобраться.

Лорен берёт меня за руку.

— Я всё понимаю. И я тебе помогу.

Последний на сегодня урок английской литературы тянется невыносимо долго. В ожидании звонка я то и дело поглядываю на часы, каждый раз полагая, что прошло не менее получаса, но время будто застывает на месте. Вообще-то, это мой любимый предмет, но сегодня я просто не в состоянии сосредоточиться. Голос учителя фоновым шумом проникает в сознание, наполненное картинками с веб-сайта Рокфордского Поместья и придуманными сценариями разговора с Гарри Морганом.

Наконец звенит звонок, и пока я наспех бросаю в сумку учебник и тетрадь, сзади незаметно подходит Марк Уайатт.

— Привет. Слава богу, урок закончился. Кому вообще интересен этот Толстой? — говорит он с улыбкой.

Ах, да. Вот о ком так распинался учитель.

— Да уж, — я улыбаюсь в ответ, и мы вместе выходим из класса.

— Что собираешься делать? Как насчёт перекусить в «Магнолия бейкери»?

— О...

Застигнутая врасплох, я запинаясь на полуслове. Он что, зовёт меня на свидание? Ведь раньше мы никуда не ходили просто вдвоём. И если это так, выходит, я собираюсь пожертвовать свиданием ради дурацкой встречи с незнакомцем? Но... нравится ли мне Марк на самом деле, или мне просто льстит его внимание? Правда в том, что с десятилетнего возраста я ни к кому не питала нежных чувств. Слова, сказанные мною в день прощания с Себастьяном, оказались вещими: *«Я не забуду тебя никогда»*.

— Что, — смущённо хмыкает он, — тяжелое решение?

— Нет, конечно же, нет, — отвечаю я, заливаясь краской, — просто я обещала помочь Лорен подготовиться к завтрашнему экзамену и подумала было отвитьнуть, но я... я так не могу. Может, в другой раз?

— Да, без проблем, — говорит он на выходе из школы, — до завтра.

Я ещё раз улыбаюсь в надежде, что на лице не отражается замешательство.

— Увидимся.

В метро всю дорогу к Лорен я сижу как на иголках, что связано больше с предстоящей встречей, чем с приглашением Марка в «Магнолия бейкери».

Я направляюсь к лофту² в районе Сохо³ с пересохшим горлом и на ватных ногах.

Бегом поднимаюсь на второй этаж и вхожу без стука, что с моей стороны не такая и наглость, как кажется. С тринадцати лет мы с Лорен ходим друг к другу в гости, и её мама однажды любезно сказала: «Думаю, стук в дверь для нас — пройденный этап. Ты здесь своя». От этого воспоминания мне становится ещё более совестно за свою ложь, но я отбрасываю чувство вины. Назад дороги нет.

Я застаю Лорен на кухне, обшаривающей шкафчики в поисках перекуса. Похоже, она вернулась не на много раньше меня.

— Привет. Ну и чем будем потчевать нашего высокого гостя? Сырные крекеры прокатят?

— В самый раз. Спасибо, — я тревожно постукиваю ногой, — ты маме сказала?

— Ага, и попросила не беспокоить нас во время занятий в гостиной. Но она всё

равно где-то поблизости и обязательно спасёт нас, если он окажется грабителем, — морщится Лорен, — она очень удивилась, что ты привела репетитора.

— Что ж, — я утыкаюсь взглядом в пол, — надеюсь, то, что он скажет... не выбьет меня из колеи.

— Конечно же, нет — подбадривает Лорен, — а может, он принесёт хорошие новости. Что, если тебе перепало наследство в миллиард долларов!

Я захожусь смехом.

— В таком случае совершенно непонятно, зачем Марино скрывать это от меня. Ведь тогда мы все были бы в шоколаде.

В этот момент звонят в дверь. Улыбка так и застывает на моём лице.

— Пришёл. Что делаем?

Лорен мягко подталкивает меня к двери.

— Открывай. А я буду ждать в гостиной.

Собравшись с духом, я делаю шаг вперёд. «*Не дрейфь, Имоджен*, — напутствую сама себя, — *ты же знаешь, что должна с ним поговорить*». И, глубоко вздохнув, открываю дверь.

Передо мной, статно выпрямив спину, стоит немолодой уже мужчина, в очках, с зачесанными назад седеющими волосами. При виде меня он слегка округляет глаза, спрятанные за стёклами.

— Я имею честь разговаривать с леди Имоджен Рокфорд?

Услышав знакомый голос, я вся покрываюсь мурашками и пристально оглядываю его. Это же тот самый мужчина, который вчера мне звонил; мужчина, которого Кит представил как конкурента. *Кит меня обманул*. И хотя я знала, что они с Кэрол что-то скрывают, такая откровенная ложь лишает меня дара речи.

— Эмм... извините, — говорю я, придя в себя, — я слегка сбита с толку. Просто меня никто не называет леди Имоджен. Ну, разве что вы и ваша помощница. А вообще, я рада с вами познакомиться, мистер Морган.

Я протягиваю ему руку.

— Пожалуйста, зовите меня просто Гарри.

— Хорошо, — я шире открываю дверь, впуская его, и шёпотом объясняю, — это квартира моей лучшей подруги. Если мы пересечёмся с её родителями, пожалуйста, скажите, что вы мой репетитор. Договорились?

Я думала, он будет отпираться, но он спокойно кивает.

— Можно и так.

Я веду его в гостиную, где Лорен уже уюстилась на двухместном диванчике, оставив нам тахту. На кофейном столике стоят три банки диетической Колы и пачка «Cheez-It». Осознав весь комизм ситуации, я едва сдерживаю смешок, представляя, как весь из себя чопорный Гарри Морган копается в пакетике сырных крекеров.

— Гарри, это Лорен Фокс, — я представляю их друг другу, — Лорен, познакомься с Гарри Морганом.

— Весьма польщён знакомством, — учтиво произносит Гарри Морган, — и спасибо, что позволили нам побеседовать у вас дома.

— Не за что, — отвечает Лорен, хотя по лицу видно, что она волнуется почти так же, как и я, — я тоже рада с вами познакомиться.

Я присаживаюсь на тахту, и Гарри следует моему примеру.

— Итак, в чём дело? — у меня срывается голос. — Что такое вы хотели мне сообщить?

— Видите ли... новость не самая обыденная, но, полагаю, вы уже рассматривали такую возможность, будучи третьей в очереди, — он достаёт из портфеля папку с документами.

Я окидываю его непонимающим взглядом.

— Третьей в очереди за чем?

— О боже мой. Я что, угадала? Она унаследовала миллиард долларов? — выкрикивает Лорен.

Гарри усмехается.

— Боюсь, далеко не так много. Но кое-что вы всё-таки унаследовали.

Он передаёт мне папку, открытую на странице с заголовком: «*Последняя воля и завещание одиннадцатого герцога Уикершема*».

Читать дальше я не в состоянии.

— Дедушка умер?

Гарри ошеломлённо смотрит на меня.

— Я... я же писал вам после его смерти. Я звонил миссис Марино. Вы что, ничего не знали?

— Нет. Не знала, — тихо произношу я, словно громом поражённая.

— Мне несказанно жаль, что я вас шокировал, — говорит он, опуская глаза, — к сожалению, последние пять лет здоровье герцога постоянно ухудшалось, и перенесённый в прошлом месяце приступ стал последней каплей. Но теперь он находится в лучшем месте, и это служит нам утешением.

Я стораю от стыда, осознав, что была в полном неведении не только относительно его смерти. Я понятия не имела даже о болезни, ведь никогда не звонила и не навещала его. Как я могла быть такой малодушной? И почему Марино ничего мне не сказали?

— Мне очень жаль, — шепчу я.

— Перейдем к делу, — продолжает Гарри, откашлявшись, — смерть вашего дедушки подразумевает, что вы унаследовали... всё.

На долю секунды весь мир замирает. Ни звуков, ни движений, только моё бешеное сердцебиение.

— Что? Я... я не... я не должна быть следующей в очереди, — произношу, запинаясь, — это какое-то недоразумение.

Гарри бледнеет в лице.

— Разве вы не получали сообщений о вашей кузине Люсии? — сбивчиво спрашивает он.

Когда с его губ слетает её имя, у меня перехватывает дыхание. Многие годы Люсия существовала только в моих воспоминаниях, и меня поразило, что о ней заговорил кто-то другой. И когда до меня доходит, что он собирается сказать, я мотаю головой, потому что этого просто не может быть... не может быть.

— Каких сообщений? — спрашиваю шёпотом.

Гарри морщится. Видно, что он сам боится произнести вслух то, что должен.

— Мне очень... очень жаль, что приходится вам это говорить, — его голос дрожит, — Люсия... она... в общем, к сожалению, она... умерла.

IV

— Нет.

Я соскакиваю с тахты, в ужасе отпрянув от Гарри. Лорен пытается меня успокоить,

но я, сглатывая желчь, подступающую к горлу, отталкиваю и её.

— Не может быть. Она... она всего лишь на два года старше меня! Она была сильнее, лучше меня. Она не могла умереть.

— Пожалуйста, ваша светлость, я понимаю, что это большое потрясение, но...

— Не называйте меня «ваша светлость»! — взрываюсь я. — Никакая я не светлость.

— Но так и есть. Именно ради этого я и приехал, это я и пытаюсь вам сообщить вот уже несколько недель, — Гарри подаётся вперёд, глядя на меня почти что с благоговением, — после смерти дедушки вы унаследовали не только поместье Рокфорд, но и титул, и герцогство. Следовательно, впредь вас будут называть «её светлость, герцогиня Уикершема».

— Это... это какое-то безумие! — я окидываю комнату диким взглядом. — Лорен, где у вас телефон? Мне нужно позвонить в Англию. Это, наверное, шутка такая. Сейчас дедушка и Люсия окажутся там, и мы как следует над ней посмеёмся...

— Имоджен, — перебивает меня Лорен, — похоже, он не шутит.

Я перевожу взгляд с неё на Гарри Моргана и обратно с чувством, словно из меня вышибли весь воздух. Моя некогда лучшая подруга, кузина, которая так часто смущала и восхищала меня своей энергией и красотой, *не могла умереть*. Но выражение боли на лице Гарри не оставляет сомнений в том, что это правда.

Я оцепенело опускаюсь в кресло.

— Как она умерла? — спрашиваю еле слышно.

Гарри прикрывает глаза.

— Прошлой осенью была очень сильная гроза, какой в Британии я ещё не видел. Той ночью Люсия сказала прислуге, что рано пойдет спать, но когда на следующее утро домоправительница пришла в её комнату, её там не было. Кровать даже не была расстелена, а у комода лежала пустая бутылка из-под водки. Слуги прочесали территорию и спустя три дня нашли тело, — Гарри тяжело вздыхает, — она ударилась головой о каменную колонну неподалёку от Лабиринта. Из-за ужасной погоды и алкогольного опьянения она, видимо, поскользнулась под дождём. Вскрытие подтвердило, что причиной смерти стал удар головой о тупой предмет.

— Меня... меня сейчас вырвет, — закрыв рот рукой, я вваливаюсь в гостевую ванную. Затем опираюсь о холодную кафельную стену. Голова идет кругом, а перед глазами стоит прекрасное лицо Люсии... всё в крови.

Лорен находит меня в полуобморочном состоянии. Она гладит меня по плечу, но утешить не может. Всё это звучит ужасно знакомо. Несчастный случай, внезапная смерть, Лабиринт — я словно опять переживаю потерю родителей.

Внутри всё сжимается от понимания, что её больше нет, что я уже не смогу извиниться, наверстать годы разлуки. Чувство вины выплывает на поверхность, когда я представляю, как всё могло обернуться, если бы мы поддерживали связь, если бы я осталась в Рокфорде ради Люсии. Возможно, той ночью она бы не пила, возможно, каким-то образом я предотвратила бы эту трагедию.

Кажется, проходит целая вечность, пока мне удаётся подняться на ноги. Опираясь на Лорен, я возвращаюсь к Гарри, и как только я вхожу, он взволнованно вскакивает с места.

— Ваша светлость, вы в порядке?

Я сажусь и поворачиваюсь к нему.

— Я должна была приехать, — произношу шёпотом, — не только на похороны, а намного раньше. Как жаль, что я не получала ваших сообщений, что отсутствовала всё это время. Я всё сделала неправильно и... не знаю, смогу ли когда-нибудь себя за это простить.

Больше я не в силах сдерживать рыданий, словно плотину прорвало. Я закрываю

лицо руками, и хлынувшие из глаз слёзы орошают ладони. Обычно, выплакавшись, я чувствую себя облегчение, но не в этот раз. Гарри и Лорен беспомощно смотрят на меня в тягостной тишине.

Наконец Гарри, глубоко вздыхая, нарушает молчание:

— Вам не за что себя винить. Когда случился пожар, вы были ребёнком, и, как мне сказали, впоследствии страдали от посттравматического стресса. Неудивительно, что вы боялись вернуться в Рокфорд и встретить кого-либо, напоминающего о той ночи, — он прокашливается, — но сейчас столько людей рассчитывают, что вы вернётесь и встанете во главе Рокфордского Поместья.

От его слов у меня бегут мурашки.

— Одного не понимаю. Почему я? Разве больше некому?

— Боюсь, после пожара и смерти Люсии вы остались единственным живым потомком герцога и последней в очереди наследования. Дело в том, что если прямой наследник не вступит во владение имением, то дом и земли перейдут в собственность британского правительства, — объясняет он, — в таком случае слуги, которые десятилетиями работали в поместье, потеряют работу и кров. Вы нужны им.

— А нельзя ли вступить во владение без фактического проживания? Вы должны меня понять, я не была там с... — у меня срывается голос, — после всего, что произошло, для меня Рокфорд никогда не будет прежним. Я не представляю себе жизни там без моих родных.

Гарри окидывает меня участливым взглядом.

— Я понимаю, что требую слишком многого, но, к сожалению, по закону наследник и владелец Рокфорда обязан проживать в поместье и управлять им. Кроме того, население Уикершема привыкло иметь герцога или герцогиню, которые руководят местной благотворительностью, проводят различные мероприятия для горожан и, самое главное, обеспечивают рабочие места. Также на территории усадьбы в летние месяцы и по праздникам проводятся экскурсии. Поместье Рокфорд и семейство Рокфорд занимают важное место в жизни местного общества, и, говоря начистоту, вам действительно стоило бы об этом подумать.

— Ну, в чём-то он прав, — говорит Лорен себе под нос.

Я начинаю нервно тереть волосы.

— Но я ничего не смыслю в управлении поместьем и не умею быть «лицом» города. Сомневаюсь, что я подходящая кандидатура на такую должность.

— Вы — единственная кандидатура, — твёрдо заявляет Гарри, — никто и не ждёт абсолютного совершенства от семнадцатилетней девушки. Вам предоставят всю необходимую помощь и по ходу дела всё объяснят, было бы желание учиться.

— Но Люсия... она была рождена для такой жизни, а я как будто её отберу. Она бы возненавидела меня за это, — по телу пробегает дрожь.

— Люсия тоже не обязательно стала бы наследницей, — осторожно говорит Гарри, — её отец был следующим в очереди наследования, и если бы они с женой жили дольше и произвели на свет сына, то этот мальчик занял бы место Люсии. Пожар всё изменил, смешал все карты. И теперь нужно исходить из того, что мы имеем.

Я не могу сидеть на месте и начинаю беспокойно мерить шагами гостиную Лорен, ломая голову над поиском решения, но перед глазами снова мелькают воспоминания о том, как я отвернулась от Люсии на рокфордском кладбище, как отклоняла все дедушкины приглашения. Если я откажусь от наследства и позволю Рокфордскому Поместью прийти в упадок, то снова проявлю малодушие. Но теперь это повлияет на жизнь многих людей и будет предательством по отношению к родителям. Я не могу так поступить. И понимаю, что решение уже принято.

Я перееду в Англию. И сделаю всё, что от меня требуется. Потому что я в долгу перед Рокфордом... перед моей семьёй.

— Хорошо, — говорю прямо, — я согласна.

Произнеся эти слова, я чувствую удивительную лёгкость. Не надо будет больше строить планы на будущее и спорить с Марино о поступлении в университет. Моё будущее предрешено. И пусть я его не выбирала, но намерение выполнить долг перед папиной семьей даёт мне ощущение цели, чего мне так не хватало после его смерти.

Гарри вздыхает с облегчением, а Лорен смотрит на меня с открытым ртом.

— Ты поступаешь правильно, — произносит Лорен после долгой паузы, сжимая мою руку, — но... всё это так странно. Не представляю, что мы можем жить в разных городах, более того — в разных странах. Что же я буду без тебя делать?

— А что я буду без *тебя* делать? — я грустно качаю головой. — Будем созваниваться, переписываться каждый день и навещать друг друга по мере возможности.

— И, может быть, ты сделаешь одну из комнат в своём новом особняке Официальной Гостевой Лорен Фокс? — говорит она с легкой улыбкой.

— Обязательно. Если кто и сможет скрасить для меня это место, так это ты.

— Выражая мнение всех жителей Уикершема, скажу, что я чрезвычайно взволнован тем, что вы согласились принять титул и наследство, — торжественно произносит Гарри, — теперь вам нужно подписать некоторые документы, преимущественно касающиеся оформления наследства и права собственности. Нам также нужно забронировать билет на перелёт. Как скоро вы сможете отправиться? Чем быстрее это произойдет, тем лучше, поскольку Уикершем не привык к столь долгому отсутствию герцога или герцогини.

— Эмм... — несмотря на то, что решение принято, я до сих пор в шоке от таких стремительных перемен, — ну, сначала мне нужно закончить школу. Это около двух недель. И если я надумаю уехать до своего восемнадцатилетия, которое наступит только в октябре, видимо, придётся получить разрешение опекунов. Так?

— Вообще-то, нет, — уточняет Гарри, — в завещании ваших родителей сказано, что в случае наследования титула и поместья вы освобождаетесь от опеки и, соответственно, можете жить в Рокфорде и управлять имением в сорегентстве до наступления двадцати одного года. После этого вы будете руководить собственноручно.

Я смотрю на него с открытым ртом.

— Но с какой стати родителям вздумалось включать в завещание нечто подобное? До пожара не было ни единой вероятности, что я хоть что-нибудь унаследую.

— Такой пункт — общепринятая норма для всех близких родственников лиц герцогского ранга, — отвечает Гарри, — в прошлом вóйны за год могли унести жизни не одного наследника. Пяти-шестиуродные братья и сёстры должны были быть готовыми к наследованию. С тех пор и соблюдаются данные предосторожности.

Я задумчиво киваю.

— Хорошо. А что такое сорегентство?

— Это когда принятие наследником, не достигшим совершеннолетия, решений разделяется с другим уполномоченным лицом. В данном случае я, как управляющий имением, и буду вашим сорегентом, — улыбается Гарри, — но обещаю, что не буду сильно докучать. Я буду помогать вам управляться с арендаторами, распоряжаться прислугой и так далее, мы будем совместно принимать хозяйственные решения, но в остальном вы будете предоставлены самой себе.

— Подумать только, ещё вчера тебе светила перспектива стать неопределившейся со специальностью студенткой, — изумляется Лорен, — и вот за один день твоя жизнь перевернулась с ног на голову.

— Что верно, то верно, — тихо говорю я, — и мне... мне, наверное, нужно пойти домой, чтобы поговорить обо всём этом с Марино. Понятия не имею, как пройдет этот разговор, но сомневаюсь, что он будет приятным. Вот если бы они сразу сказали *правду*, было бы другое дело.

— Возможно, нам стоит поговорить с ними вместе? — предлагает Гарри.

— Я тоже могу пойти для моральной поддержки, — присоединяется Лорен.

— Спасибо вам обоим. Но, думаю, я должна сделать это в одиночку, — отвечаю я и поворачиваюсь к Гарри, — завтра я позвоню вам, чтобы решить все организационные вопросы,

— И ещё одно, — говорит Гарри, поднимаясь на ноги, — поскольку вы придёте в Англию к началу светского сезона, вам предстоит устроить в Рокфорде приём и не раз появляться на публике, поэтому придётся пройти небольшое обучение. Так сказать, курсы для герцогинь. Мы могли бы доставить самолётом специалиста по этикету и поселить его в ближайшей гостинице, если вы найдёте время на занятия с ним после школы.

— Эмм... чего? Вы что серьёзно собираетесь потратить кучу денег, чтобы прислать мне специалиста по этикету ради занятий для *герцогинь*? Это уж слишком.

— Не я буду их тратить, — усмехается Гарри, — не забывайте, что вы теперь богатая наследница, и после подписания документов, банковский счёт Рокфордов будет переоформлен на ваше имя. Конечно, как сорегент, я обязан следить, чтобы вы не растратили своё наследство, как поступают многие молодые люди. Но, по правде говоря, специалист по этикету вас не разорит. Скажу даже больше, это необходимое вложение.

Мы с Лорен удивлённо пялимся друг на друга.

— Ты теперь... как будто совсем другой человек, — смущённо говорит Лорен.

Я качаю головой.

— Да нет же. Пусть меня и будут называть герцогиней, я всё равно останусь собой.

Вернувшись домой, я застаю Кэрол за приготовлением ужина. Зои в это время накрывает на стол.

Какое-то время я просто стою в дверях и наблюдаю, понимая, что это последние мгновения привычной жизни. Пока я не обрушила на них свою новость, пока жизнь не изменилась навсегда.

— Привет, — объявляю я, — я дома.

— Это хорошо. Ты сегодня дежурная по мытью посуды, — отвечает с ухмылкой Зои.

Кэрол выходит из кухни мне навстречу. По нервному бегающему взгляду нетрудно догадаться, что она читала письмо Гарри Моргана, но очень не хочет, чтобы я об этом узнала. Это замалчивание вызывает во мне новую вспышку гнева, но ради Зои я стараюсь взять себя в руки.

Я тяну с разговором; дожидаясь, пока Кит вернётся с работы, и мы все рассядемся вокруг обеденного стола, готовясь разделать жареного цыпленка.

— У меня есть новости, — начинаю я предательски-писклявым голосом, — хорошо, что вы сейчас сидите.

Вилка Кэрол со звоном падает на тарелку. Кит сверлит меня взглядом, полным хмурого беспокойства. Зои же радостно хлопает в ладоши.

— Вы с Марком вместе!

— Эмм, нет. Но очень мило, что ты считаешь появление у меня парня сногсшибательной новостью.

— Я просто хотела сказать, что давно пора, — пожимает плечами Зои.

— *В общем*, — продолжаю я, — это касается моих родственников. Рокфордов.

— Зои, ты не могла бы ненадолго нас оставить? — спешно прерывает меня Кит.

— Что? — Зои смотрит на него с недоумением. — Вы прогоняете меня из-за стола прямо перед важным заявлением Имоджен?

— Пусть останется, — я обращаюсь к Киту, — она всё равно узнает.

Он отставляет тарелку в сторону, нахмурившись ещё больше.

Неловко прокашлявшись, я поворачиваюсь к Зои.

— Зо, не знаю, как много тебе известно, ведь когда я сюда переехала, тебе было не больше восьми, и мы никогда толком это не обсуждали. Но мои родители, погибшие при пожаре, были... они были членами английской дворянской семьи. Семьи, которая веками владела Рокфордским Поместьем в Оксфордшире, включающем большой особняк, обширные земли и примыкающую фермерскую деревню.

— Погоди, дворянской? Это типа королевской? — прерывает меня Зои, округлив глаза.

— Нет, нет. В Англии существует так называемое пэрство — система дворянских титулов, которые занимают ранги после королевского: герцоги, герцогини, графы, графини. Мой папа был младшим сыном герцога Уикершемского, таким образом, он был лордом, а мама — леди.

Кит и Кэрол замирают, слушая меня с паникой в глазах.

— А ты тогда кто? — задыхаясь, спрашивает Зои.

— Ну, когда родители ещё были живы, я считалась просто членом герцогской семьи. Но после пожара изменился порядок преемственности... всё изменилось. Моя кузина Люсия, стоявшая первой в очереди на наследование поместья Рокфорд и титула, должна была стать герцогиней Уикершема, — я сглатываю ком, — но в прошлом году она умерла в результате несчастного случая, о котором до сегодняшнего дня я даже не догадывалась.

У меня дрожат руки. Я не могу даже взглянуть на Кэрол и Кита и не могу понять, как они могли скрыть от меня такое.

— Это ужасно! Но как это отразится на тебе? — не унимается Зои.

— После её смерти я стала следующей в очереди после дедушки. И недавно он умер от приступа, о котором я тоже не знала.

На этот раз я всё же поднимаю глаза на Кэрол и Кита, пронизывая их испепеляющим взглядом.

Зои открывает рот от удивления.

— Значит ты теперь... ты...?

— Совершенно верно. Перед вами новая герцогиня Уикершема и владелица поместья Рокфорд, — шутливой интонацией я пытаюсь взбодриться, но в голосе всё равно проскальзывает переполняющий меня ужас.

— О. Боже. Мой.

Ну, хотя бы Зои в восторге от этой новости. Она смотрит на меня как на знаменитость, сошедшую со страниц её любимых глянцевого журналов.

— Ты серьёзно? Это невероятно! Только не говори, что теперь мне придётся раскланиваться перед тобой, или все-таки придётся?

— Нет, конечно! — отвечаю я со смехом. — То есть дедушке, конечно, кланялись, но я чувствовала бы себя нелепо, поклонись кто мне. Говорю же, я не член королевской семьи.

— Но приближённая к ней, — восхищается Зои.

— Ну... в каком-то смысле да. Герцогини традиционно выступают в качестве фрейлин на королевских церемониях типа коронаций, свадеб и так далее, — понимая, какой бред я несу, я смущённо прокашливаюсь, — знаю, всё это неожиданно и невероятно, но я уже подписала документы на наследование, так что назад пути нет.

После этих слов Кэрол и Кит синхронно выходят из ступора.

— Что ты подписала? — взрывается Кит.

— Но как это могло случиться? Как ты встретила с Гарри Морганом? Он не должен был с тобой связаться! — возмущается Кэрол.

— Именно этого я и не могу понять, — я в ярости сжимаю края стола, — как вы могли скрыть это от меня? Я должна была узнать о дедушкиной болезни и о смерти

Люсии. Должна была поехать на их похороны. Я верила вам, мои родители вам верили, а вы постоянно врал! Как вы могли?

Голос срывается, и я отворачиваюсь, жадно хватая воздух.

Лицо Кэрол мрачнеет, ей на глаза наворачиваются слёзы. Ошеломлённая Зои молча оглядывается вокруг, словно не узнаёт никого из нас. Только Кит сохраняет самообладание. Он говорит спокойно, но уверенно:

— Имоджен, мне очень жаль, что ты так думаешь. Но причина тому, что мы всё скрывали, довольно проста — мы хотели тебя защитить. Возможно, ты уже не помнишь, в каком состоянии к нам переехала, но мы с Кэрол никогда этого не забудем. Целый год ты просыпалась среди ночи от кошмаров; ты почти не говорила, почти не ела и редко выходила из комнаты. Всякий раз, когда приходили письма или другие вести из Рокфорда, кошмары и паника усиливались. Только через два года после пожара ты снова стала собой — девочкой, которую мы помнили. Наконец мы увидели тебя улыбающейся и счастливой и пообещали себе сделать всё возможное, чтобы в будущем уберечь тебя от подобного, оградить от людей и мест, усугубляющих эмоциональную травму. Это наш долг не только перед тобой, но и перед твоими родителями.

Я смотрю на него, не в силах произнести ни слова. Я действительно не помню, что была в таком плачевном состоянии, когда переехала. Я так долго пыталась вычеркнуть эти годы из памяти, что теперь помню их как в тумане.

— Но... но... — запинаясь я, — мои родители хотели бы, чтобы я знала о Люсии и о дедушке. Папа хотел бы, чтобы я позаботилась о поместье. Он там вырос. Он бы ни за что не позволил мне отказаться от наследства и отдать усадьбу властям. Возможно, я и была... подавлена после всего случившегося, но это не значит, что вы имели право принимать за меня решения относительно того, что принадлежит мне по праву.

— Дело не только в этом, — тихо говорит Кэрол.

Кит бросает ей через стол предупреждающий взгляд, но она продолжает:

— Твой отец любил Поместье Рокфорд, это правда. Но незадолго до пожара, когда твоя мать собиралась в дорогу, она поделилась со мной, что в последнее время чувствовала себя там неуютно. Она говорила, что в доме творилось что-то странное, и иногда она даже боялась там оставаться.

— Что? — я растерянно хлопаю глазами, пытаюсь сопоставить данную информацию с воспоминаниями о маме, охотно читающей мне книги в библиотеке Рокфорда и распивающей чай в саду. — Но она не выглядела напуганной.

— Что ж, наверное, она не хотела этого показывать.

— Ну и чего же она боялась? Что такого странного она там увидела? — допытываюсь я.

Кэрол удручённо пожимает плечами.

— Не знаю. Когда я спросила, она просто отмахнулась и сказала, что, наверное, всё это глупости. Но мне было понятно, что здесь кроется нечто большее. А потом я узнала об ещё одной трагедии — о смерти твоей кузины, и это лишь подтвердило мои опасения, что с Рокфордом что-то не так. В тех садах умерли уже пятеро людей. Это... это... — она замолкает на полуслове, а на лице все больше проявляется упорство. — Тебе нельзя туда ехать. Мы не можем потерять ещё и тебя.

— Вы меня не потеряете... — я затихаю, нервно перебирая в руках салфетку. Слова Кэрол взволновали меня, мысленно вернули в загадочное пугающее место, где из ниоткуда вырастают цветы и вспыхивает огонь. Но никто не знает, имеет ли к этому отношение поместье Рокфорд, а теория Кэрол о том, что пожар и несчастный случай с Люсией могут быть частью жуткого заговора, звучит неправдоподобно даже для моего буйного воображения.

— Думаю, стоит показать ей, Кит, — внезапно говорит Кэрол.

Я резко поднимаю голову.

— Показать что?

Кит заминается.

— Так ей легче будет понять, — убеждает его Кэрол, — время пришло.

— Эй, серьёзно, о чём вы вообще говорите? — вмешивается Зои.

Кит едва заметно кивает, и Кэрол, отодвинув стул, выходит. Мы втроём застываем в молчаливом ожидании. Сердце колотится всё быстрее, и вот она возвращается с листом бумаги.

— Это письмо пришло полтора года назад, — объясняет Кэрол, — мы с Китом обсудили его и, так и не поняв, кто его прислал, и как его расценивать, решили ничего тебе не говорить, чтобы не вызвать лишнего беспокойства или страха. Но когда ты его прочтёшь, то поймешь, почему мы так рьяно старались оградить тебя от всего, что касается Рокфорда.

Нервно сглотнув, я беру письмо из рук Кэрол и пробегаю глазами по строкам, написанным незнакомым почерком. Зои подсаживается поближе, заглядывает через плечо и, судя по сбившемуся дыханию, она шокирована так же, как и я.

21 января 2013 г.

Уважаемые мистер и миссис Марино, я верю, что с вами и вашей семьёй все в порядке. Я пишу вам как друг, владеющий информацией о заговоре, касающемся вашей крестницы — леди Имоджен. Ей ни в коем случае нельзя возвращаться в поместье Рокфорд. Больше ничего сказать не могу, равно как не могу и обратиться к властям. Мне просто не поверят. Я знаю лишь одно: леди Имоджен находится в безопасности, пока живет с вами в Америке. Не позволяйте ей вернуться.

С уважением, друг.

Впившись глазами в письмо, я перечитываю его, пока слова не начинают расплываться перед глазами. Кто мог это написать? О каком заговоре идет речь? Я начинаю ёрзать на стуле, чтобы унять дрожь в ногах.

— Может, это просто шутка, дурацкая выходка? — с надеждой говорит Зои. — Возможно, письмо написал человек, который завидует Имоджен, завидует её титулу и просто не хочет, чтобы она возвращалась.

— Но на момент отправки письма Имоджен ещё не была ни герцогиней, ни даже следующей в очереди, — возражает Кит.

— Это ещё не значит, что Зои неправа, — говорю я, — люди, следящие за всей этой британской великосветской канителью, прекрасно знали, что на то время я была третьей в очереди на титул. Разве это не могла быть какая-нибудь дальняя завистливая кузина, желающая занять моё место?

Я и сама понимаю, что данное предположение звучит не слишком правдоподобно, но о каких заговорах может идти речь, если я не была в Англии с десяти лет?

В голову приходит ещё одна мысль.

— А вы показывали это письмо ещё кому-нибудь? Скажем, Оскару из Рокфордского поместья или полиции?

— С жильцами Рокфорда мы этой информацией не делились, но отправили копию письма в полицию Уикершема, — отвечает Кит, — там сделали экспертизу почерка, провели расследование, но не нашли никаких зацепок и слишком быстро, на наш взгляд, закрыли дело.

— Будь на то законные основания, его бы не закрыли, — на меня накатывает волна облегчения, — я завтра же покажу письмо Гарри Моргану и отправлю копию Оскару. Я доверяю им, и если они сочтут, что повод для беспокойства есть, то мы примем меры, а пока... давайте воспринимать это как глупую проделку. Хорошо?

Кэрол смотрит на меня, бледнея на глазах. Очевидно, она была уверена, что письмо заставит меня передумать.

— Значит, ты настроена решительно, — произносит она дрожащим голосом, — но как можно пренебрегать вероятной опасностью?

— А мы ещё не знаем, действительно ли я в опасности. В полиции так не считают, а я не стану менять решение из-за какого-то анонимного письма, возможно, просто злой шутки, — я глубоко вздыхаю, — знаю, легче и безопаснее остаться здесь и плюнуть на это наследство и поместье. Но со дня пожара я только то и делала, что осторожничала, искала лёгкие пути, избегала встреч с кузиной и вела себя так, словно Рокфорда не существует. О чём безумно сожалею. Особенно сейчас, узнав, что ни Люсии, ни дедушки больше нет. И я уже не смогу перед ними извиниться. Не смогу ничего исправить. Так что в этот раз я не буду бояться. Я приняла решение, и как бы мне не хотелось вас расстраивать, но... оно окончательное.

Над столом повисает тяжёлая тишина.

— Ты все равно ещё несовершеннолетняя, — наконец говорит Кит, — и тебе нужно наше разрешение.

— Ну, вообще-то... — я пытаюсь подобрать слова, чтобы не ранить их ещё больше, — управляющий поместьем Гарри сказал, что, согласно завещанию родителей, приняв наследство до совершеннолетия, я освобождаюсь от опеки. То есть формально ваше разрешение не нужно. Если хотите, могу предоставить подтверждающие документы.

На лице Зои застывает то же выражение, что и у её родителей.

— Постой-ка, ты хочешь сказать, что переезжаешь в Англию *навсегда*?

— Хотелось бы ответить нет... Но не беспокойся, мы будем постоянно видеться, все вчетвером. Имение огромно, если захотите, вы сможете занять целое крыло... — я запинаюсь, услышав тихие всхлипывания Кэрол, и подбегаю к ней.

— Пожалуйста, скажите, что мне сделать, чтобы вам стало легче. Я не хочу никого расстраивать, но я должна это сделать.

— Ты ведь останешься до выпускного и моего дня рождения, правда? — тихо спрашивает Зои.

— Конечно, — обещаю я, — я ни за что не пропущу твоё шестнадцатилетие.

— Если отговаривать тебя бессмысленно... ты могла бы кое-что для нас сделать, — спокойно говорит Кит, — поступить в Оксфорд, как мы с Эдмундом.

Я сдерживаю смех.

— Жаль вас разочаровывать, но мои шансы попасть в Оксфорд — примерно один на миллион. Даже с наследством. Туда берут только отличников, а я, как известно, к ним не отношусь.

— Это может быть не так трудно, как ты думаешь. В восемнадцатом веке третий герцог Рокфорд сделал весьма щедрое пожертвование Оксфорду, и с тех пор Рокфорды продолжают эту традицию, — сообщает Кит, — поэтому если оценки у тебя хорошие, а так оно и есть, я не вижу причин, по которым тебя бы не зачислили.

— Даже если я и поступлю, как мне держаться наравне с тамошними вундеркиндами? Вы же сами рассказывали, как тяжело там учиться, — напоминаю я.

— А ты выбери специальность по своим интересам. Английскую литературу, например. Ты же любишь читать.

— Ох, наслышана я об оксфордской программе по литературе. Говорят, нужно будет подготовить трёхчасовой доклад о прочтённых книгах на латыни, — от этой мысли мороз по коже, но я понимаю, что обязана хоть как-то загладить вину за отъезд, — хотя я могу записаться на летние курсы. И если удачно их пройду, то в следующем году подам документы на поступление.

После некоторого колебания Кит кивает. Кэрол, сердито качая головой, вскакива-

ет с места.

— Никакие летние курсы не изменят того, что ты собираешься в семнадцать лет остаться одна-одинёшенька и взвалить на свои плечи огромную ответственность, несмотря на возможную угрозу жизни. Я не даю на это своего согласия.

— Но я буду не одна, — уверяю я, — со мной будет жить целый штат прислуги, включая дворецкого, который практически вырастил моего отца, ещё и круглосуточная охрана.

— Дворецкого? — переспрашивает Зои, открыв рот от изумления.

Кэрол вытирает слезы обратной стороной ладони.

— Знаю, мне не уговорить тебя отказаться от наследства. Какая девушка не захочет стать герцогиней и жить в собственном дворце? Но у меня насчёт этого места дурное предчувствие. И пусть ты считаешь письмо шуткой, но оно только подтверждает мои подозрения. Так что нет, я этому совсем не рада.

— Я и не ждала, что вы обрадуетесь. Но, надеюсь, однажды вы поймете, что я поступила правильно, — говорю я, — обещаю, что если почувствую угрозу, то сразу же вернусь домой. Пожалуйста... постарайтесь не волноваться. Все будет хорошо.

Зои берет меня за руку.

— Я тебя поддерживаю, — говорит она с натянутой улыбкой, — моя сестричка-герцогиня.

V

Всю ночь я ворочаюсь в кровати. Стоит лишь закрыть глаза, и в сознании возникает образ Люсии. Я вижу её двенадцатилетней, вот только милое личико измазано кровью. Тёмно-красные разводы тянутся по щекам, обагрывают пряди волос. И я отчаянно хочу отогнать это жуткое видение, но не могу даже пошевелиться.

— *Почему ты это допустила?* — заливаясь слезами, она тянет ко мне бледные руки. — *Как ты позволила мне дойти до такого?*

И когда кажется, что она вот-вот дотянется, мои глаза резко открываются. Я по-прежнему дома в Нью-Йорке... а её нет. Но бремя вины начинает давить на меня с новой силой. Я должна была остаться с ней, а вместо этого... собираюсь занять её место.

— Прости меня, Люсия, — шепчу я в темноту.

Потеряв счет времени, я лежу без сна и без движения, предаваясь воспоминаниям о двух девочках, которые играли вместе, ночевали и делились секретами в рокфордском эллинге. Я знаю, что с рассветом мне придётся резко повзрослеть. И с первыми лучами солнца образы двух малышей неизбежно поблекнут вместе с луной.

Начало новой жизни ознаменовал приезд Гарри Моргана, который решил доставить нас с Зои в школу. Ещё вчера перед уходом он предупредил, что к утру новость о наследовании мною титула герцогини станет достоянием общественности. «Я отвечаю вас с мисс Марино, на случай если под стенами школы уже обосновались журналисты», — сказал он.

Я согласилась только потому, что от слова «журналисты» мне стало не по себе. Но

сейчас, войдя в гостиную и увидев, каким враждебным взглядом Кэрол и Кит буравят Гарри, понимаю, что, наверное, это была не самая удачная идея.

— С добрым утречком! — восклицаю я наигранно-жизнерадостным голосом. — Вижу, вы уже познакомились.

Все трое сухо кивают. И только Гарри натянуто улыбается.

— Вы готовы, ваша светлость?

Впервые услышав, как ко мне обращаются по титулу, Кэрол с Китом обмениваются изумленными взглядами.

— Секундочку, — покопавшись в рюкзаке, я вытягиваю анонимное письмо, — хочу, чтобы вы кое на что взглянули.

Читая письмо, Гарри Морган озадаченно приподнимает брови. Затем просматривает его ещё раз и, качая головой, протягивает обратно.

— Могу сказать одно: письмо написано не работниками поместья. У меня в кабинете лежат подписанные ими договора, и я знаю почерк каждого. Не говоря уже о том, что я лично хорошо знаком со всеми штатными сотрудниками. И я абсолютно уверен, что ни один человек в поместье Рокфорд ничего против вас не замышляет, — заверяет он.

Я с облегчением киваю.

— Это всё, что я хотела услышать.

— А за пределами поместья? — вмешивается Кит. — То, что письмо написано не жителями Рокфорда, ещё не говорит об отсутствии угрозы.

— Я хочу, чтобы вы понимали, что ко всем богатым и титулованным особам проявляется особое внимание, — Гарри спокойно пожимает плечами, — возьмём к примеру герцогиню Кембриджскую. Несмотря на огромное количество почитателей, есть и недоброжелатели, которые публикуют о ней гадости в сети и пишут письма, по сравнению с которыми это — просто любовный сонет. Такова жизнь публичных людей. Поэтому мы очень серьёзно относимся к подбору персонала и охраны. Уверяю вас, мистер и миссис Марино, леди Имоджен будет находиться под постоянным усиленным наблюдением. Никто к ней и пальцем не прикоснется.

В этот момент в комнату входит Зои.

— О! Вы и есть тот самый Гарри Морган? А я герцогинина сестра. — она пожимает его руку и поворачивается к нам: — Ну, и что я пропустила?

— Гарри просто сказал, что не стоит беспокоиться из-за этой идиотской анонимки, — я засовываю письмо обратно в рюкзак, — идем.

К счастью, в Нью-Йорке я не стала слишком большой сенсацией и удостоилась внимания лишь парочки залётных журналистов, ошивающихся при входе в школу Карнеги. Нам с Зои удалось проскользнуть мимо них незамеченными. Но следовало догадаться, что она не сможет держать язык за зубами, и во время обеда я вдруг оказываюсь в новом и непривычном кругу общения. Люди, которые раньше едва знали о моём существовании, как ни в чём ни бывало подсаживаются за мой столик, наперебой распинаят об Англии и спрашивают, когда я увижусь с Уильямом и Кейт.

— Почему ты никогда не говорила, что без пяти минут герцогиня? — спрашивает Дженна Карвел, одна из суперпопулярных девчонок, окруживших нас с Лорен.

— Эмм... потому что я не должна была ей стать, — утрюмо отвечаю я, вспоминая о Люсии, — да и странно было бы кричать об этом на каждом шагу, разве нет?

Лорен кивает в знак согласия, но другие девочки смотрят на меня с изумлением.

— Что тут странного? И вообще, как ты умудрилась скрывать, что принадлежишь к такой семье? — Дженна удивлённо вскидывает бровь. — Ведь твой дедушка был крёстным самого принца!

Последние слова заставляют остальных девочек взволнованно притихнуть.

— Ну, у принца есть и ещё крестные... — уточняю я и добавляю: — Конечно же, ко-

гда родители были живы, про моё происхождение было всем известно. А потом я переехала с Марино сюда, перешла в среднюю школу и... просто... не знаю...

— Она не хотела привлекать внимания, — вмешалась Лорен.

— Ага. Именно.

До самого конца перемены я молча слушаю болтовню наших новых соседок по столику.

Не то чтобы раньше меня сторонились, но в кругу местных «звёзд» я точно не числилась и чрезмерной общительностью, как Зои, не отличалась. У меня есть Лорен и ещё несколько давнишних подруг, но мы, скажем так, своим появлением ажиотажа не вызываем. Поэтому такой внезапный прилив внимания приводит меня в замешательство.

Но самое неожиданное происходит, когда звенит звонок. Получив возможность увильнуть от докучливых разговоров, я спешно уношу поднос и вместе с Лорен направляюсь к выходу, где меня чуть не сбивает с ног капитан группы поддержки Тайра Уард, размахивающая газетой.

— Смотри, Имоджен! Ты на главной странице «Дейли Мейл»!

О боже. Я выхватываю газету у Тайры, опешив при виде жуткой фотографии, взятой с моей странички в Facebook. Заголовок гласит: «Американская обывательница оказалась герцогиней Уикершема».

— Ну что за дурацкое слово — «обывательница». Кто-нибудь удалите его из словаря, — возмущаюсь я.

— Эй, герцогиня!

Услышав голос Марка, я оборачиваюсь.

— Пожалуйста, не называй меня так, — говорю со смущённой улыбкой.

— Тебе тоже не верится, что Имоджен уезжает? — печально произносит Лорен.

Марк качает головой.

— А мне только показалось, что между нами начинает что-то завязываться.

Он обнимает меня за плечи, и я вся напрягаюсь. Я не могу понять, почему его прикосновение так меня пугает. Ведь он такой милый, и не скажу, что не представляла нас вместе.

Но в памяти всплывает лицо совсем другого человека. Я касаюсь щеки, где невесомой тенью сохранился его поцелуй. *Себастьян*. Влюблённость, которая до сих пор не прошла.

Да что же со мной *такое*?

Только когда при входе в класс Марку приходится убрать руку, я немного расслабляюсь, но из-за такой странной реакции злюсь сама на себя. Любая другая девчонка была бы польщена его вниманием. Хотя... может, это и к лучшему, что я не подпускаю его слишком близко. Мне и так тяжело будет попрощаться с семьёй Марино и Лорен. Не хотелось бы добавлять в список людей, по которым я буду скучать, еще и «первого парня».

Спустя несколько дней после судьбоносного знакомства с Гарри Морганом я захожу в конференц-зал отеля «Трайбека Гранд», где меня уже ждёт высокоуважаемый специалист по этикету Бейзил Кроуфорд. С виду истинный викторианский джентльмен — синий костюм, бледно-голубой жилет, шёлковый аскотский галстук⁴. Завершает образ самый настоящий цилиндр.

— Ваша светлость, — говорит он, растягивая слова, и склоняется в поклоне, — для меня большая честь быть вам полезным.

— Эмм, ого. Спасибо, — бессвязно отвечаю я, смущённая столь вычурным приветствием.

Бейзил резко выпрямляется, стирая с лица приторную улыбку.

— Нет, никуда не годится. «Эмм, ого, спасибо»? Люди ожидают увидеть уверенную в себе герцогиню, которая держится с достоинством, соответствующим её положению, — он демонстративно постукивает ногой, — давайте попробуем ещё. На этот раз вы улыбнитесь и ответите: «Спасибо, мистер Кроуфорд. Рада с вами познакомиться».

— Хорошо, только... неужели мне обязательно должны кланяться? — спрашиваю робко. — Я чувствую себя глупо. Я ведь не какая-нибудь принцесса.

— Таковы традиции. Тем более поклон поклону разница. Перед герцогом и герцогиней уместен легкий поклон или реверанс, тогда как поклон лицам королевской семьи более глубокий.

— А-ля «Крёстный отец». Целуй кольцо, — я пытаюсь пошутить, неудачно подражая интонации Марлона Брандо

Но Бейзил бросает на меня серьёзный взгляд.

— Ваша светлость, вы же только что не сравнили британских аристократов с итальянской мафией?

Так началось моё первое занятие по этикету, в течение которого Бейзил упорно забивал мне голову чем только можно от форм обращения к людям разного происхождения (к монарху — «ваше величество», к принцу и принцессе — «ваше высочество», к особам с титулом ниже герцогского — «милорд» или «миледи», к баронетам и рыцарям — «сир») до распределения мест на званых обедах (господин с наивысшим титулом садится по правую руку от меня, остальные — согласно их статусу и положению). И к вечеру я вконец убеждаюсь, что вся Англия — один большой комок снобизма.

— Но зачем так рьяно расставлять всё по местам? — возмущаюсь я, склонившись над небрежно нацарапанными заметками. — Вас послушать, так мне уже и в лифте нельзя подняться с человеком, не зная его титула. Признайте, что это бред.

— Британскому пэрству уже несколько веков, и эта система хорошо себя зарекомендовала, — говорит Бейзил, приподнимая бровь, — мы, англичане, хотим иметь предназначение, играть свою роль на общественном поприще. Все — от герцогини до домохозяйки — занимают собственное важное место среди людей высшего или низшего положения. Мы привычны к рангам и титулам и считаем, что они помогают бесперебойно работать общественному механизму.

— Ладно, ладно, пусть будет так.

— А теперь последний на сегодня урок. Вы обязаны знать, кто заработал ваш титул. Есть предположения?

Я смущенно качаю головой.

— Это ваш дальний предок Рэндольф Генри Рокфорд, который был одним из величайших английских военных деятелей на рубеже XVII века. В благодарность за победу в нескольких стратегически важных для Англии битвах король Георг I пожаловал ему герцогство в селении Уикершем и выделил средства для постройки особняка, подобающего такому герою, — объясняет он, — конечно, поговаривали, что король поступил жестоко, выбрав Уикершем с его откровенно неплодородными землями, особенно по сравнению с оксфордширскими цветущими городами. Но в итоге пятая герцогиня Уикершема леди Беатрис всё изменила.

— Что же она сделала? — спрашиваю я.

— Думаю, она была садоводом от бога. За несколько лет неприглядный Уикершем стал одним из наиболее часто изображаемых и красивейших ландшафтов в Англии.

В первый раз за весь урок во мне вспыхивает интерес.

— И как же она это сделала?

Бейзил медлит с ответом.

— Здесь тяжело отделить правду от домыслов. Думаю, точно мы никогда не узна-

ем.

Мне хочется задать ещё вопрос, но Бейзил, всплеснув руками, поднимается с места.

— На сегодня всё, ваша светлость. Увидимся завтра в тот же час, чтобы провести краткий обзор событий лондонского светского сезона.

Неделя пролетела в бешеном круговороте из выпускных экзаменов, занятий с Бейзилем и приготовлений к переезду. Я была настолько загружена, что если и вспоминала Себастьяна, задумывалась о том, каким он стал, был ли он близок с Люсией до самой её смерти, и увидимся ли мы снова, то, сосредоточившись на кипе неотложных дел, мне удавалось унять непонятное волнение.

Не успела я оглянуться, как наступил вечер перед выпускным.

Слишком возбуждённая, чтобы уснуть, я накидываю толстовку и поднимаюсь по пожарной лестнице на крышу. В этот уютный, напоенный летними ароматами вечер, слушая симфонию Нью-Йорка — гул нескончаемого потока такси, звуки музыки, доносящейся из соседних квартир и ресторанов, болтовню и смех случайных прохожих — я понимаю, как же мне повезло вырасти здесь, и как я буду по всему этому скучать. При мысли, что через какую-то неделю я улечу в Лондон, покинув родную страну и всё, что мне дорого, накатывает волна страха. Что же я *делаю*?

— Ты всегда любила это место.

Я оборачиваюсь на голос Кэрол. Она ещё не переделалась, а её глаза в лунном свете кажутся покрасневшими.

— Присядешь? — я хлопаю рядом, приглашая её.

Некоторое время мы молча смотрим на звезды.

— Я буду очень скучать, — тихо произносит Кэрол.

Моё сердце сжимается.

— Я тоже буду скучать. Ты была идеальной матерью.

Она гладит меня по щеке.

— Всё это время я знала, что ты никогда не была по-настоящему моей, и что когда-нибудь мне придется тебя отпустить. Просто не думала, что это произойдет так скоро.

— Ты меня не потеряешь, — уверяю я, — пусть я и буду жить в другой стране, но мы будем постоянно поддерживать связь.

Она едва заметно улыбается.

— Надеюсь.

— Я никогда не смогу отблагодарить вас за всё, что вы для меня сделали, — говорю я, сжимая её руку.

— Если хочешь отблагодарить нас, будь осторожной, — говорит она со всей серьёзностью, — будь бдительной и пообещай, что вернёшься сразу же, если заподозришь что-нибудь... неладное. Береги себя, это будет лучшая благодарность.

От её мрачного голоса по телу пробегает леденящая дрожь.

— Я... я обещаю.

«Мы выпускники! Самый лучший класс!

А если вы не верите, крикнем еще раз!»

Стоя в толпе взбудораженных одноклассников, мы с Лорен скандируем девиз нашего класса, подбрасываем вверх академические шапочки, и, не сумев их поймать, заходимся смехом. В зале ресторана «Киприани» нас ждёт украшенная танцплощадка с диджеем, фотокабинка, праздничный фуршет и стол с мороженым. Вокруг бурлят эмоции: улыбки, ликование, слёзные объятия. Для нас наступает очень важный

этап в жизни, и я не знаю, радоваться ли по поводу окончания школы, или беспокоиться о том, что будет дальше. Меньше чем через неделю я сяду на самолет и улечу в Англию. Но находясь здесь, в центре Манхэттена, среди людей, которых знаю с шести лет, я не могу представить себе другой жизни.

После очередной ритмичной песни, диджей ставит медленную, и я краем глаза замечаю, что в мою сторону направился Марк Уайатт, суперпривлекательный даже в строгом костюме.

— Привет, Имоджен, Лорен.

— Привет. Классная вечеринка, да? — смущённо отвечаю я. Всегда стеснялась кокетничать на людях.

— Я пойду налью себе чего-нибудь, — говорит Лорен с хитрой ухмылкой, поднимая пластиковый стаканчик, — ещё увидимся.

— Потанцуем? — спрашивает Марк, как только она уходит.

— С удовольствием, — отвечаю я.

Марк за руку выводит меня на танцпол, и я начинаю жутко волноваться: не вспотела ли; не бьётся ли сердце на самом деле так громко, как мне кажется; в порядке ли причёска.

Я кладу руки ему на плечи, а он обнимает меня за талию и застаёт врасплох следующей фразой:

— Ты мне нравишься, Имоджен. Хотя ты и так это знаешь.

— О! Эмм. Ты тоже мне нравишься, — говорю я с нервным смешком, правда, слова мои звучат скорее как вопрос, чем как утверждение.

— Приятно слышать. Но скоро ты уедешь, и у меня больше не будет возможности сделать это...

Прежде чем я успеваю что-либо понять, он наклоняется и касается своими губами моих. Это происходит так быстро, что я едва успеваю почувствовать... хоть что-нибудь. Я понимаю — ресторан, одноклассники и всё такое, поэтому и не ждала, что мы «сожёмся в порыве страсти», но всё равно расстроилась, что поцелуй оказался не таким головокружительным событием, как я того ожидала, когда задумывалась о переводе нашей дружбы на новый уровень.

Я неумело пытаюсь скрыть разочарование под чрезмерным восторгом.

— Это было *замечательно*, — как только слова срываются с языка, я мысленно хлопаю себя по лбу.

Зато Марк кажется довольным.

— Я рад, что тебе понравилось.

— Эм, ага, — возможно, это разыгралось моё воображение, но мне кажется, что к нам прикованы взгляды всех одноклассников, а я не настроена повторять «представление» на бис, — мне нужно найти Зою. Ты же знаешь, я за неё сегодня ответственна.

— Жаль, — разочарованно говорит Марк.

— Увидимся, — бросаю я через плечо, прежде чем убежать на поиски Лорен.

Я застаю их с Зою хихикающими у фуршетного стола. И, кажется, я знаю причину веселья, но стараюсь вести себя как ни в чём ни бывало.

— Разве ты не должна быть со своим кавалером? — спрашиваю я.

— Не могу поверить, что только что сбежала с места преступления? — визжит она, игнорируя мой вопрос.

— Девочки, прекратите, — шикаю я, — мы ведь не хотим, чтобы Марк услышал. И спасибо, что подглядывали.

— Какое же это подглядывание, если вы тут разнежничались у всех на глазах? — возражает Лорен.

— Убежала-то чего? Я думала у вас там любовь-морковь, — говорит Зою.

— Не знаю. Не до романтики, когда вокруг столько народу. Да и какой теперь в

этом смысл? — я наливаю себе пунша и поднимаю взгляд на девочек. — Я ведь не смогу встречаться с ним из Англии.

При упоминании об Англии они сразу замолкают.

— Ты обязательно найдешь себе там классного британского парня, — говорит Лорен, выдавив вялую улыбку, — типа принца Уильяма.

В сознании непроизвольно вырисовывается образ повзрослевшего Себастьяна — уже не просто милого мальчика, а высокого, мускулистого, красивого молодого человека. Но Зои вырывает меня из задумчивости, протягивая «наманикюренную» ручку.

— Пожалуйста, хоть сегодня не говорите об Англии, — тихо предлагает она, — давай притворимся, что ты никуда не уезжаешь, и всё как будто бы нормально.

Одной рукой я обнимаю Зои, а другой Лорен.

— Хорошо. Сегодня я никуда не уезжаю.

Неделю спустя мы с Зои, Кэрол и Китом молча стоим у стойки регистрации международного аэропорта имени Джона Кеннеди. Мы наблюдаем за тем, как мой багаж помечают биркой и отправляют на транспортёрную ленту, и понимаем, что с каждым сданным чемоданом приближается время прощания.

— Все готово! — радостно сообщает женщина за стойкой «Вирджин Атлантик», не обращая внимания на наши унылые лица. — Вверх по эскалатору и налево, пройдете проверку безопасности.

— Спасибо, — я тяжело вздыхаю.

Зои сжимает мою руку, и мы все вчетвером медленно продвигаемся к пункту проверки безопасности.

— Вот, кажется, и всё, — глядя на свою вторую семью, я изо всех сил стараюсь говорить спокойно.

Эта сцена навсегда останется в моей памяти: покровительственный взгляд Кита, героически улыбающаяся Кэрол и Зои, нервно теребящая золотое сердечко, подаренное мною ей на шестнадцатилетие.

Обнимая их, я чувствую, как по щекам катятся слёзы.

— Я вас всех очень люблю.

— Ты всегда будешь нашей доченькой, — шепчет мне на ухо Кэрол.

— Звони нам, чтобы тебе ни понадобилось, — говорит Кит, целуя меня в щеку.

— Знаю. Вы же навестите меня перед началом учебного года, правда? — спрашиваю я. — Втроём?

— От нас так просто не отделаться, — отвечает Зои, вытирая влажные глаза.

Мы обнимаемся в последний раз, и я понимаю, что лучше уходить, пока я не передумала.

— До встречи.

Я посылаю им воздушный поцелуй и заставляю себя пройти в зону проверки безопасности. Мне страшно хочется обернуться, чтобы в последний раз посмотреть на них, но я знаю, что лучше этого не делать. Меня ждет новая жизнь в Англии, и нравиться мне это или нет — пути назад нет.

Билет для меня бронировал Гарри Морган, и я понятия не имела, что буду лететь первым классом. Так что, обнаружив на борту самолёта настоящую барную стойку и увидев своих попутчиков, весело потягивающих шампанское, я немного приободряюсь. Каждое посадочное место занимает отдельный отсек, состоящий из комфортабельного кресла и диванчика. И, устроившись на невероятно удобном сидении, я чувствую, что, возможно, впервые в жизни смогу поспать в полёте.

Когда элегантные стюардессы начинают разносить напитки и ужин, я достаю свою папку «Англия: приготовления». В ней находится карта поместья Рокфорд и прилегающих земель, а также свежие выпуски британских газет и журналов начиная с *Observer* и заканчивая *Tatler*. Мне хочется войти в курс последних событий и

научиться понимать британский сленг — меньше всего я хотела бы показаться невеждой, которая не поймёт даже выражения «И Боб твой дядя!». А оно совсем не означает, как кажется на первый взгляд, что у меня есть дядя по имени Боб. Это шуточная фраза, которой можно подытожить совет или распоряжение, подразумевающая, что дело проще простого. Да, мне многому ещё предстоит научиться. Но сейчас как раз приходит время ужина, и когда стюардесса, поколдовав над моим креслом, ловко выдвигает уже накрытый салфеткой столик, меня охватывает приятная расслабленность.

К концу ужина из четырех блюд мои веки тяжелеют. Подбегает внимательная бортпроводница с просьбой подняться с места и трансформирует кресло в настоящую кровать. С простынёй и одеялом. В легком недоумении от мысли, что в самолёте можно улечься в постель, я забираюсь под одеяло и закрываю глаза.

Ворочаясь в спальном мешке в рокфордском эллинге, я слышу голоса, всплывающие откуда-то из подсознания.

"Видишь, — взволнованно говорит папа, — началось! Я всегда догадывался, что дело в Имоджен".

"Эдмунд, пожалуйста, — всхлипывает мама, — давай отвезем её домой. Я хочу, чтобы она была в безопасности".

"Это и есть её дом... даже больше, ты просто не понимаешь".

Затем раздаётся крик Люсии:

"Я никогда тебя не прощу! Никогда!"

Я хмурюсь, сбитая с толку тоном её голоса. Почему она так разозлилась? Но затем слышу sireны пожарных машин, заглушающие любые другие звуки.

Вздвогнув, я просыпаюсь. Что за сон такой? Я не припоминаю подобного разговора, но что, если я действительно его слышала? Неужели родители знали что-то, чего не знала я? И чего не знаю до сих пор.

Я начинаю нервно вертеться из стороны в сторону. Похоже, на уровне подсознания я очень боюсь возвращаться в Рокфорд.

Через иллюминатор в кабину самолета проникают солнечные лучи. Взглянув на часы, я с удивлением обнаруживаю, что проспала все четыре часа полёта. И скоро мы приземлимся в аэропорту Хитроу.

Я наблюдаю за электронной картой нашего полета на экране, и чем ближе маленький самолетик приближается к Лондону, тем сильнее колотится сердце. Готова ли я ко всему этому? Готова ли к наплыву болезненных воспоминаний? Готова ли оправдать ожидания людей и превратиться в герцогиню?

Сквозь тревожные мысли, я слышу, как пилот объявляет, что мы идем на снижение. Откидываюсь в сложенном обратно кресле и зажимаю глаза. Неважно, что я не готова. Мы уже приземляемся. Начинается новая жизнь. И кнопки «пауза» не существует.

«Приезд в поместье Рокфорд её светлости герцогини Беатрис всколыхнул весь Уикершем. Её брак с пятым герцогом, заключённый в 1830 году, стал первым межатлантическим союзом между английским аристократом и американской богатой наследницей. Новость о том, что девятнадцатилетняя американка станет хозяйкой поместья Рокфорд, вызвала значительный интерес. Но чем дальше, тем больший общественный резонанс возникал вокруг её персоны. Вскоре после приезда молодой американской красавицы, среди прислуги, а потом и по всему Уикершему поползли слу-

хи о пугающих происшествиях в поместье. Тогда Беатрис впервые назвали «последовательницей оккультизма»».

«РОКФОРДЫ ИЗ УИКЕРШЕМА: ОБЩЕСТВЕННОЕ МНЕНИЕ И ЗАБЛУЖДЕНИЯ»
ЖУРНАЛ «АЙСИС»

VI

Отстояв вялотекущую очередь на таможенный досмотр, я направляюсь в пункт выдачи багажа и чуть не налетаю на мужчину в чёрном костюме, который держит в руках табличку с моим именем и гербом Рокфорда — крылатым львом на фоне государственного флага и короны. Я сразу узнаю в нём человека с фотографии, присланной Гарри Морганом. Это водитель из Рокфорда.

— Здравствуйте, вы Альфред? — обращаюсь к нему. — Я Имоджен.

Я замечаю вспышку удивления, промелькнувшую на лице водителя при виде моих спортивных брюк и найков — неужели я должна была прилететь при полном параде? — но затем он вежливо пожимает мне руку и склоняется в глубоком поклоне.

— Добро пожаловать, ваша светлость. Можете звать меня просто Алфи.

— Спасибо... Алфи.

Имечко более подходящее для годовалого ребенка, чем для пожилого лысеющего джентльмена, но мне без разницы, пусть будет так.

В этот самый момент рядом с нами останавливается компания школьниц, переводящих взгляд с меня на табличку: «Её светлость Имоджен Рокфорд».

— Вы новая герцогиня? — недоверчиво говорит одна из них, изумлённо раскрыв рот, набитый жвачкой.

— Ну... да, — невнятно бормочу я.

— А можно с вами сфотографироваться? — спрашивает её подруга, вынимая из кармана блестящий розовый Айфон.

Захваченная врасплох, я теряюсь с ответом, но, к счастью, Алфи берет ситуацию в свои руки.

— Примите наши извинения, но её светлость только что совершила длительный перелет из-за границы и немного устала. К сожалению, сейчас она не может позировать для фото, — с этими словами он берет меня за руку и ведет к ленте выдачи багажа.

— Извините. — робко бросаю я, обернувшись через плечо, и когда мы отходим от девочек на достаточное расстояние, поворачиваюсь к Алфи: — Это было странно. Я не ожидала такого повышенного внимания к своей персоне.

— Да, здесь в Британии фамилия Рокфорд — своего рода бренд. Она, сама по себе, довольно известна, но вступление в титул столь юной наследницы вызывает особый интерес. Такое случается довольно редко, а общественность, естественно, предпочитает иметь молодого герцога или герцогиню вместо очередного брюзжащего старика, — он издаёт сдавленный смешок, но тут же резко принимает серьёзное выражение, — разумеется, я не имел в виду вашего покойного дедушку.

— О да, я понимаю, что вы имеете в виду, — машинально отвечаю я, обдумывая его слова. *Бренд. Ого.*

Я указываю на три тяжёлых чемодана, которые Алфи с лёгкостью поднимает, отклоняя все мои предложения помочь *хотя бы* с самым лёгким. Затем, лавируя лабиринтами аэропорта Хитроу, мы добираемся до выхода на парковку, или, как выразился Алфи, стоянку для автомобилей.

Первый глоток лондонского воздуха оказывается свежим и прохладным. Порыв ветра развеивает волосы и, взглянув на затянутое облаками небо, я застёгиваю толстовку.

— Замечательный денёк, не правда ли? — отмечает Алфи.

— Ага, вот только не припомню, чтобы в июне бывало так холодно, — отвечаю я.

— Это, по-вашему, холодно? — усмехается Алфи. — Что же вы скажете зимой?

— Да, кажется, я зря тащила из Нью-Йорка свой летний гардероб, — криво усмехаюсь я.

— Об этом не беспокойтесь, — говорит Алфи, — Оскар предусмотрел, что вы можете оказаться неготовой к нашим погодным условиям, и поручил мне отвезти вашу личную служанку в Лондон за покупками.

— *Что?*

Слишком многое в этой фразе меня смущает. В двадцать первом веке всё ещё существуют личные служанки? И *моя* вынуждена вместо меня бегать по магазинам?

Алфи смотрит на меня встревожено:

— Надеюсь, вы не против? Просто нам казалось, что прежде чем лично посетить Лондон, вы захотите обустроиться в Рокфорде...

— Нет, не в этом дело, — перебиваю я, — конечно же, я вам признательна, но мне неудобно обременять... служанку. Я вообще не знала, что у меня есть личная служанка, думала, они обслуживают всё имение.

— Вы герцогиня; естественно, у вас есть личная служанка, — с улыбкой отвечает Алфи, — её зовут Мэйси Малгрейв. Она всего на несколько лет вас старше и обязательно вам понравится.

Я резко выдыхаю.

— Я помню Мэйси... ещё с тех времён, когда мы были детьми. Значит, она осталась в Рокфорде?

— Да. Но вы не должны чувствовать перед ней никакого неудобства. Для Мэйси только в радость делать покупки для своей госпожи. Она сама сказала мне на обратном пути, что давно уже так хорошо не проводила время.

Но от этого мне становится только хуже. Что же у Мэйси за жизнь такая, если поездка за покупками для другого человека стала для неё поводом для радости?

Видимо, беспокойство отражается на моём лице, потому что Алфи спешно добавляет:

— Честное слово. Я и раньше часто возил Мэйси в Лондон за покупками для леди Люсии. Кстати, лучшие наряды она оставила для вас. Мэйси считает, что грех им пропадать.

От этих слов я опешила. Как он может так небрежно произносить её имя, так легко говорить об оставшейся после неё одежде? Возможно, Алфи и остальные жители Рокфорда смирились со смертью Люсии, но для меня упоминание её имени всегда как удар ниже пояса — болезненное напоминание о том, почему я на самом деле здесь, и о трагедии, которая её забрала.

Алфи останавливается у тёмно-серебристого «Астон Мартина», и я ускоряю шаг.

— Автомобиль семейства Рокфорд, — торжественно объявляет он, когда я подхожу ближе.

И хотя я, мягко говоря, слабо разбираюсь в машинах, но сразу понимаю, что эта — особенная.

Алфи открывает передо мной дверцу, и я опускаюсь на мягкое кожаное сиденье.

Когда он садится за руль, я опускаю боковое стекло и выглядываю на улицу. Отсюда открывается вид на ряды промышленных зданий, разделенных длинными полосами газонов.

— А мы увидим по пути какие-нибудь известные лондонские достопримечательности? — спрашиваю я. — Типа Биг-Бена, или здания парламента?

— К сожалению, нет, — отвечает Алфи извиняющимся тоном, — дорога в Оксфорд не проходит через центр Лондона.

На протяжении следующих полутора часов пути нас окружает самая обыденная местность, пока Алфи не съезжает на Хай-стрит, где пейзаж преобразается, словно бы мы переместились во времени из современности в средневековье. Теперь я наблюдаю из окна старинное поселение с поросшими плющом каменными зданиями, гостиницами и пабами. Сказочный город башен и островерхих шпилей.

— Вот мы и в центре Оксфорда, — объявляет Алфи.

Он провозит меня по извилистым улицам, обращая внимания на впечатляющие корпуса колледжей, составляющих Оксфордский университет, и приостанавливаясь перед особо выделяющимися зданиями в виде замков с высокими колокольнями.

— Это колледж Крайст-Черч, где в следующем месяце, насколько я знаю, вам предстоит посещать летние курсы. Вы, наверное, рады?

— Эмм... скорее взволнована, — признаюсь я, — но колледж впечатляет.

— Безусловно, — соглашается Алфи, указывая на остроконечный купол Крайст-Черч, — мы называем их дремлющими шпилями. Оксфорд славится ими.

— Здесь красиво, — отмечаю я, — но я совсем не помню этих мест.

— Кстати, это самый оживлённый район в радиусе получаса езды от Рокфорда, — говорит Алфи, — когда захотите встретиться с друзьями, посидеть где-нибудь или просто сделать покупки, скажите мне, и я вас отвезу. Это всего лишь в восьми милях от поместья.

Если мне вообще удастся *обзавестись* здесь друзьями. Конечно же, я надеюсь познакомиться с кем-нибудь на летних курсах, но при мысли, что мне придётся заново создавать круг общения, становится немного не по себе, и я стараюсь переключиться на пейзаж за окном.

За пределами Оксфорда узкие улочки сменяются сельскими ландшафтами с характерными зелёными холмами и высокими живыми изгородями. Мы минуем старинный знак с надписью: «Добро пожаловать в Уикершем», и у меня по шее пробегают мурашки от странного чувства, будто кто-то или что-то меня здесь ждёт.

— Всё это принадлежит вам, — торжественно произносит Алфи, — весь городок Уикершем.

Среди холмов и долин расположилось живописное селение с аккуратными домиками, словно сошедшими со страниц учебника по истории. Я оглядываюсь вокруг, и в голове всплывает воспоминание.

Рождественским утром мы с родителями входим в церковь, мама ведёт меня за одну руку, папа — за другую. Мёе лицо светится счастьем ребенка, который никогда ни в чём не нуждался, девочки, окруженной любовью.

Кузина Люсия и её родители уже заняли места на скамье Рокфордов, и я не могу сдержать улыбку, когда вижу, кто сидит в соседнем ряду. Стенхоупы. Глядя на родителей, я мысленно благодарю их за то, что привели меня сюда, привели к Себастьяну, даже если я в его глазах лишь ребёнок. В один прекрасный день, когда я вырасту, возможно, он посмотрит на меня по-другому.

По пути к своей скамье мы проходим мимо подсвечника, на котором вдруг вспыхивает незажжённая свеча. У меня перехватывает дыхание, а мама с папой перегляды-

ваются. Но заняв свои места, мы забываем о произошедшем. Наверное, это просто моё разгулявшееся воображение.

Я знаю, что сейчас увижу её. Ту самую средневековую церковь на центральной площади Уикершема, окружённую каменными изваяниями. Но всё равно реагирую слишком эмоционально.

— Я была здесь.

— Не сомневаюсь, — Алфи улыбается мне в зеркало заднего вида, — ваша семья посещала эту церковь, с тех пор как построили Рокфордское Поместье, и члены семьи, не похороненные на территории Рокфорда, погребены здесь.

— А Люсия с дедушкой? Они тоже здесь похоронены? — тихо спрашиваю я, чувствуя укол совести за то, что сама этого не знаю.

— Нет. Они похоронены у Рокфордской Часовни, — грустно отвечает он.

Я сглатываю ком.

— Ах.

Я последняя наследница, оставшаяся в живых. И всего через несколько минут переступлю порог поместья, в котором раньше жила вся моя семья, поместья, на территории которого все они сейчас погребены.

— Меня тошнит, — говорю я, прикрывая рот ладонью.

Алфи съезжает на обочину, и я распахиваю дверцу. Я успеваю добежать до кустов как раз вовремя, а затем захожусь в рыданиях. Отчасти из-за того, что ненавижу, когда меня тошнит, а это происходит уже во второй раз за последний месяц, но в основном из-за чувства, что я делаю ужасную ошибку. *Мне не стоило возвращаться.*

— Ваша светлость, всё нормально?

Я слышу, как Алфи подходит и приседает рядом. Он протягивает мне бутылку воды, холодной, что неожиданно, поскольку мы находимся в пути уже около двух часов.

Я с благодарностью делаю большой глоток.

— Всё... все хорошо. Извините.

— Если не возражаете, я бы хотел сказать, что вы поступаете очень храбро, — мягко говорит Алфи.

Я вытираю слезы.

— Вы так считаете?

— Да. И я знаю, как благодарны вам работники Рокфорда. Ваш приезд означает для них продолжение привычной жизни.

Я поднимаю глаза к небу.

— Ладно. Поехали.

— Готовы, ваша светлость? Можно опускать стёкла?

Я вздыхаю при виде сотен незнакомцев, толпящихся у железных ворот поместья Рокфорд. Они машут цветами, флагами Великобритании и держат в руках плакаты с надписями: «ДОБРО ПОЖАЛОВАТЬ, ИМОЖДЕН, ГЕРЦОГИНЯ УИКЕРШЕМА!» и «ДА ЗДРАВСТВУЕТ ГЕРЦОГИНЯ!».

— Это все... из-за моего приезда?

Риторический вопрос, я это понимаю, но я никогда не была объектом столь пристального внимания, поэтому и сбита с толку.

— Конечно, — Алфи перехватывает мой взгляд в зеркале заднего вида, — готовы поприветствовать своих поданных?

— Настолько, насколько это вообще возможно.

Алфи опускает все четыре стекла, и в салон врывается оглушительный гул приветствий. Я смущённо улыбаюсь мужчинам и женщинам с плакатами в руках и машу детишкам, прыгающим вокруг машины.

— Это горожане и арендаторы, — говорит Алфи, — в особых случаях, таких как свадьба или вступление в титул нового герцога или герцогини, они собираются для торжественного приветствия, чтобы выразить своё почтение. Это традиция.

— Очень мило, — отмечаю я, заливаясь румянцем.

После нескольких суматошных минут, Алфи нажимает кнопку рядом с рулём, и ворота открываются. Возгласы и приветствия взрываются с новой силой и не стихают, пока мы не проезжаем сквозь толпу. И вот мы с Алфи снова одни.

Поглядывая вперед, я невольно ищу глазами Тенистый Сад и Лабиринт, хотя это последние места, которые я хотела бы видеть. Но, вспомнив, что они размещены с другой стороны усадьбы и отсюда не видны, облегчено вздыхаю.

К горлу подкатывает ком, когда мы проезжаем места, столь любимые мною в детстве: озеро, зеленый парк и, конечно, само поместье, похожее на замок. Всё выглядит точно так же, как и много лет назад, и на короткое мгновение то, что я не найду здесь своих родных, кажется почти невероятным.

Алфи въезжает в Большой Двор и при виде толпы, ожидающей на парадном крыльце, меня захлёстывает волна эмоций... все как в детстве. Когда Алфи притормаживает, к машине подбегает высокий стройный молодой человек в чёрном костюме и открывает мне дверцу, в то время как ещё один, как две капли воды на него похожий, спешит к багажнику за моими чемоданами. *Лакеи*, насколько я помню.

— Добрый день, ваша светлость, — лакей склоняется в поклоне и помогает мне выйти из машины.

— Спасибо. Приятно познакомиться, мистер...?

— Картер, ваша светлость. Мне тоже очень приятно.

Это вычурное «ваша светлость» мне уже порядком надоело. Сколько же времени они будут привыкать к простому обращению «Имоджен»...

Прислуга выстраивается в шеренгу по стойке смирно, и на минуту я теряюсь, что делать дальше. Они что, ждут, пока я скомандую «вольно»? Но ступив на лестницу, я замечаю знакомую фигуру человека, спускающегося мне навстречу. С сияющими глазами он склоняется в поклоне.

— Ваша светлость, — тихо произносит он, — подумать только, сколько времени прошло.

Взглянув на Оскара, я теряю дар речи. Из представительного дворецкого, каким я его запомнила, он превратился в... кого-то на двадцать лет старше и измотанней. Голова облысела, лицо изрезали бесчисленные морщины, глаза утратили блеск. Кажется, на внешности Оскара отразились все трагические события, постигшие Рокфордское поместье. Должно быть, его очень подкосила потеря семьи, которую он любил, и меня снова охватывает душераздирающая тоска.

— Оскар, — шепчу я, — как же я рада вас видеть.

— Я тоже рад, ваша светлость. Я очень долго ждал этой встречи, — его взгляд отражает бурю эмоций, — вы выросли такой красавицей. Прямо как ваша мать.

На глаза наворачиваются слезы, и я обнимаю его, как в далёком детстве. Его запах напоминает мне об отце — терпкость английского одеколona, переплетенная с лесным ароматом поместья Рокфорд — и я прижимаюсь к нему еще сильнее.

— Простите, — я неуверенно ему улыбаюсь, — я просто... соскучилась.

— Я тоже очень скучал, ваша светлость, — с теплотой отвечает он, — позвольте мне представить вам прислугу.

Мы поворачиваемся к ступенькам, откуда на нас смотрят одиннадцать пар глаз.

— Конечно, вы уже знакомы с Гарри, — говорит Оскар, кивая на Гарри Моргану, который делает шаг вперед и, широко улыбаясь, склоняется в поклоне.

— Рад видеть вас на родной земле, ваша светлость.

— Спасибо, Гарри, — я улыбаюсь в ответ, — спасибо, что способствовали моему

приезду.

— И домоправительница миссис Малгрейв, — Оскар указывает в сторону высокой тощей женщины в чёрной юбке до колен и форменной блузе, — она работает в поместье уже больше двадцати лет, и вы наверняка её помните.

Улыбка застывает на моем лице.

— Да, конечно. Я помню.

Она тоже изменилась, но в куда более жуткую сторону, чем Оскар. Возможно, непреодолимый детский страх перед ней повлиял на моё теперешнее восприятие, но при виде миссис Малгрейв у меня кровь стынет в жилах. Исхудавшая до костей, со своим безжизненным взглядом она напоминает ходячего мертвеца. Что же с ней случилось? Она всегда была строгой и угрюмой, но не припомню, чтобы когда-либо видела её такой... полуживой.

— Добрый день, ваша светлость.

Миссис Малгрейв склоняется в лёгком поклоне, сжав губы в тонкую линию, едва ли напоминающую улыбку, и протягивает мне руку, холодную и дряблую.

— Добрый день, — говорю в ответ.

— Миссис Малгрейв будет помогать вам управлять текущими делами, и она незаменима, когда дело касается планирования званных обедов и приёма гостей, — говорит Оскар.

Я смотрю на домоправительницу с сомнением, не в силах представить её принимающей участие в каком-либо торжестве.

— Она также будет вести счета и еженедельно представлять вам отчет, — продолжает он.

Я выжимаю из себя улыбку.

— Замечательно.

— А теперь позвольте представить Миссис Финдли, нашего уважаемого повара, — Оскар кивает в сторону полноватой женщины, лет пятидесяти, с седеющими светлыми волосами.

— Для меня честь служить вам, ваша светлость, — произносит она с ирландским акцентом и с доброй улыбкой приседает в реверансе.

— Ах, я очень хорошо вас помню, миссис Финдли, особенно... — я замолкаю на полуслове, так как не хочу вспоминать о пироге с патокой и других лакомствах, которые она готовила для нас с Люсией до того, как всё изменилось.

— Миссис Финдли отвечает за завтраки, обеды, подачу послеобеденного чая и ланч на выходных, — говорит Оскар, пытаюсь прервать неловкую паузу, — она так же будет помогать вам составлять меню для приема гостей.

В этот момент я замечаю, как Миссис Малгрейв слегка подталкивает ко мне молодую девушку.

— Это моя дочь, Мэйси. Она ваша служанка.

— Мэйси? — я не могу сдержать удивления.

Я и не ожидала, что она окажется такой хорошенькой. А простой наряд, состоящий из черной футболки и брюк, и отсутствие макияжа только подчеркивают это. У неё темно-карие глаза, обрамленные густыми ресницами, чистая слегка загорелая кожа, пухлые розовые губки, за которые нью-йоркские домохозяйки заплатили бы кучу денег, и длинные каштановые волосы с золотистыми прядями. Единственными украшениями служат тонкие наручные часы и цепочка с простенькой подвеской.

Я перевожу взгляд с матери на дочь и чувствую укол жалости. Родись она в семье, подобной Марино, ей не пришлось бы служить в горничных, весь мир был бы у неё ног.

— Я очень рада снова увидеться, Мэйси. Чувствую, мы подружимся, — приветливо говорю я.

На её лице мелькает своеобразное выражение, кажется, смутно мне знакомое. И хотя она улыбается, взгляд остается мрачным. Разве я что-то не так сказала? Была слишком высокомерной? Или может... может, она до сих пор помнит, как во время моего прошлого приезда мы с Люсией пренебрегали ею. Может, она заведомо меня недолюбливает?

Но дальнейшие раздумья прерывает Оскар, который продолжает меня со всеми знакомить. Он представляет помощницу миссис Финдли Кейти и двух горничных Бетси и Елену, в обязанности которых входит содержание комнат, открытых для туристов и гостей. А затем я встречаюсь взглядом с человеком, которого помню даже слишком хорошо.

— Макс, — говорю я, и у меня пересыхает в горле.

Его резковатая улыбка переносит меня на семь лет назад, в тот день в Тенистом Саду, когда семена, полученные от него, проросли от одного моего прикосновения. Обдумывал ли он тот случай, или воспоминания о нём затмил пожар?

— Ваша светлость, — говорит Макс, снимая головной убор и кланяясь, — я безумно рад, что вы вернулись.

— Спасибо, Макс. Я тоже рада вас видеть.

— Итак! — Оскар демонстративно хлопает в ладоши. — Полагаю, вы проголодались. Если захотите перекусить, то миссис Финдли уже приготовила приветственный обед. А Картер отнесёт ваши чемоданы.

— Я могу распаковать ваши вещи, — предлагает Мэйси.

— О, нет, спасибо, — торопливо отвечаю я, — то есть... ты не обязана это делать.

Оскар жестом распускает прислугу, и все расходятся кто куда. Картер со вторым лакеем Бенджамином поднимают мои чемоданы по ступенькам и вносят в дом. Миссис Малгрейв, миссис Финдли, Мэйси и остальные горничные друг за другом уходят в хозяйственное крыло. Алфи запрыгивает обратно в Астон Мартин. Макс исчезает в саду. И вскоре на крыльце остаётся только мы с Оскаром.

— С возвращением в Поместье Рокфорд, ваша светлость, — говорит Оскар и открывает передо мной дверь.

— Офиге... — я прикусываю язык, сдерживая при Оскаре нецензурное выражение, готовое сорваться с языка. Ведь забыла уже, насколько Мраморный Зал огромный и роскошный. Видимо, за годы отсутствия громадный холл в моём сознании значительно убавил в размерах, и сейчас, под пятиметровым потолком, я чувствую себя лилипутом.

Я с открытым ртом разглядываю окружающие меня каменные изваяния, шедевры живописи, высокие пальмы в горшках, вазы, полные цветов, и скульптуры из белого мрамора. Затем делаю шаг назад, чтобы рассмотреть арку главного входа, оформленную и украшенную гербом короля Георга I, с коринфскими колоннами по бокам. Под аркой расположена площадка, и я представляю, как там для гостей, прогуливающихся по Мраморному Холлу, играет оркестр. Поднимаю голову и вижу, что даже потолок является произведением искусства. Он полностью расписан сценами, которые уместно смотрелись бы даже в Лувре. Это место просто восхитительно.

— *Вот ты где, пойдём, Иможден, дорогая.*

Я резко поворачиваюсь на звук маминого голоса и отчаянно ищу её глазами, прекрасно понимая, что не найду. Сердце колотится, адреналин устремляется по венам, и вдруг неизвестно откуда налетает порыв ветра, такой сильный, что едва не сбивает меня с ног.

— Что это было? — вскрикиваю я.

Оскар спешит закрыть окно.

— Ужасно непредсказуемая английская погода. Хотя не припомню, чтобы раньше здесь гуляли такие сквозняки.

«Это просто сквозняк, как он и говорит, — повторяю про себя, и делаю глубокий вдох, — я здесь ни при чём».

Нас очень вовремя отвлекает звонкий собачий лай. Опустив глаза, я замечаю у ног крошечный комоч бело-серой шерсти, глядящий на меня карими глазами.

— Тедди, ко мне! — командует Оскар.

Щенок бежит на зов, а я вслед за ним.

— Что это за порода? — спрашиваю я, наклоняясь, чтобы Тедди мог понюхать мою руку.

— Ши-тцу, — отвечает Оскар, — он был питомцем леди Люсии, поэтому немного растерян, с тех пор как...

При виде собаки, оставшейся без хозяйки, мне снова становится тяжело на душе, к глазам опять подступают слёзы.

— Как вы смотрите на то, чтобы прогуляться по дому перед обедом? — предлагает Оскар, и его приветливая улыбка немного поднимает мне настроение. — Полагаю, что за столько лет вы позабыли что тут и как.

Я смахиваю с ресниц набежавшие слёзы.

— Это было бы замечательно. Спасибо, Оскар.

Я иду за ним по длинному коридору, устланному красной ковровой дорожкой, между мраморными бюстами бывших герцогов и герцогинь. Интерьер становится всё более роскошным, у стен стоят золоченные стеклянные шкафчики с тонким столовым фарфором, доставшимся от прошлых поколений Рокфордов. И я останавливаюсь перед ними, а затем вхожу в первую гостиную.

— Этого я не помню, — шепчу, с благоговением осматриваясь вокруг.

— В Рокфорде детей обычно не пускают в парадные гостиные, за исключением библиотеки и обеденного зала для рождественских обедов, — говорит Оскар, — так что вы вряд ли вспомните Голубую Гостиную. Это одна из комнат для приёма гостей.

Я пытаюсь представить, как мы с Лорен и Зои смотрим здесь наше любимое шоу и едим фастфуд, но мой мозг не смог воспроизвести что-то такое обыденное в этой помпезной комнате. Особенно если учесть, что тут нет ни телевизора, ни дивана, чтобы на нём поваляться. Комната обставлена изящными стульями, обитыми голубым шелком, и декоративными деревянными столиками из красного дерева, а пол устлан персидским ковром. Стены завешены картинами, и Оскар рассказывает про каждую из них.

— На полотне над камином изображен третий герцог Рокфорда, а на южной стене находится портрет его жены и ребенка, — объясняет он, — два портрета на северной стене изображают первых двух герцогинь.

Я киваю, замечая в огромном зеркале, висящем над золотыми часами Louis XVI, своё отражение. Я выгляжу меньше, моложе своего возраста и кажусь потрясённой окружающей обстановкой.

— Теперь Красная Гостиная, — говорит Оскар и проводит меня к двери из темного дерева в тяжёлой мраморной раме.

— А что нам одной мало? — подшучиваю я.

Оскар улыбается:

— Полагаю, в былые времена наличие всего лишь одной гостиной считалось дурным тоном.

Я прохожу за ним в комнату с высоким потолком, обитую красным бархатом, уставленную бронзовыми скульптурами и пальмами в горшках. С потолка свисает огромная люстра из золота и хрусталя, отбрасывающая отблески света на красные стулья, пуфики и — наконец-то! — диван, который, скорее всего, находится тут для интерьера, потому что совершенно не выглядит удобным.

Красная Гостиная так же полна произведений искусства, как и Голубая, и Оскар с

гордостью показывает портреты моих предков, написанные Джоном Сингером Сарджентом и Джованни Больдини, имена которых мне известны с уроков истории в средней школе.

— А теперь пройдемте в столовую, — объявляет Оскар, — здесь обедают только по праздникам и торжественным случаям, а в остальное время вы будете принимать пищу в личной столовой наверху.

— Торжественным случаям? — переспрашиваю я.

— Таким, как приём членов королевской семьи, титулованных особ или членов парламента, — невозмутимо отвечает он.

Я не могу сдержать смешок.

— Эмм... но ведь я никого из этих людей в глаза не видела.

— О, это не важно. Королевское и другие аристократические семейства знают с Рокфордами более трёх сотен лет, следовательно, нынешние носители титулов непременно пожелают с вами встретиться. И ваше высокое положение просто обязывает вас представиться членам парламента.

Чем больше Оскар говорит о моем ужасающем публичном будущем, тем больше мне хочется сесть на ближайший обратный самолет до Нью-Йорка. Я делаю глубокий вдох и заставляю себя пройти дальше, в комнату, которая мне знакома с детства.

В обеденном зале высота потолков достигает 12–15 метров, а сам потолок разрисован сценами из победоносного сражения первого герцога. Стены, украшенные ручной росписью и фресками, поддерживаются бронзовыми колоннами. Посреди комнаты стоит длинный обеденный стол из красного дерева, и, взглянув на него, я краем глаза замечаю чью-то бледную руку. Но здесь же, кроме нас с Оскаром, никого нет.

Я делаю шаг вперед, и волосы на затылке встают дыбом. За спинкой одного из красных с золотом стульев мелькает прядь белокурых волос.

— Ваша светлость, всё в порядке?

Я смутно слышу голос Оскара, но, будто загипнотизированная, обхожу стол... и не могу сдержать крика.

На меня смотрит скелет с черными впадинами, в которых когда-то были прекрасные карие глаза. Одета в изумрудное платье, то же, что было на ней в Рождество восемь лет назад, она тянет через стол бледную руку...

— Ваша светлость! — Оскар подхватывает меня под локоть. — Что случилось? Почему мы кричите?

— Я видела её, — говорю я, задыхаясь, — Л... Люсию.

Оскар умолкает.

— Вам показалось. Люсии больше нет.

Я зажмуриваюсь, а когда снова открываю глаза и смотрю на стул, то понимаю, что он прав. Люсии больше нет. Она исчезла? Или от горя и чувства вины я начинаю понемногу сходить с ума?

— Наверное, это из-за смены часовых поясов. Вы очень устали, — Оскар спешно выводит меня из столовой, — продолжим экскурсию позже. Сейчас я покажу вам вашу комнату, а Мэйси принесет обед, как только вы проголодаетесь.

— Спасибо, — еле слышно отвечаю я, и в последний раз бросаю взгляд на пустой стул.

Подходит время ужина, но я слишком измотана, чтобы спускаться вниз. Растянувшись на кровати, я потрясенно разглядываю самую прекрасную спальню в мире. Мне достались Покои Герцогини, оставшиеся со времён, когда жёны и мужья спали в отдельных комнатах.

Стены спальни обиты бирюзовым дамаском того же оттенка, что и знаменитые фирменные коробочки Тиффани. Большие панорамные окна занавешены такого же цвета шторами. Потолок над кроватью выложен мозаикой, на стенах висят импрессионистские картины. По углам расставлена изящная белая с золотом мебель. А свежесобранные пионы в вазе на прикроватном столике наполняют воздух благоуханием. О такой спальне мечтала бы любая девушка. Представляю, сколько раз Люсия заглядывала сюда в ожидании дня, когда комната достанется ей.

Когда Оскар привёл меня сюда, я не смогла не спросить, была ли то комната Люсии. Но он сказал, что нет. Спальня Люсии размещалась в западном крыле, а в Покои Герцогини она должна была поселиться только после принятия титула... чему не суждено было случиться.

Я со вздохом переворачиваюсь с боку на бок. Разговор по Skype с Марино выжал из меня последние силы. Разглядывая мою комнату, Зои визжала от восторга, но откровенно печальные лица Кэрол и Кита вызвали во мне глубокую тоску по дому. Неужели это разрывающее надвое чувство не пройдет никогда?

Я слышу стук в дверь и неохотно приподнимаюсь на кровати.

— Войдите.

В дверях показывается Мэйси.

— Я хотела узнать, спустится ли ваша светлость к ужину?

— Пожалуйста, зови меня просто Имоджен, — говорю ей, — вообще-то, у меня уже глаза слипаются. Так что, если можно, оставь мой ужин на завтра.

Мэйси бросает на меня растерянный взгляд. Неужто в поместье Рокфорд не *оставляют* еду на следующий день? Судя по выражению её лица, определённо нет.

— Или... отдай кому-нибудь, — предлагаю я, — я просто не люблю, когда еду выбрасывают.

Она кивает.

— Как пожелаете, ваша светлость. Расстелить вам постель?

— Ах, я сама, — отвечаю смущённо, — до завтра, Мэйси. Спасибо за всё.

Окинув комнату внимательным взглядом, Мэйси желает мне доброй ночи. Не удивлюсь, если сейчас она думает о том же, что и я: *как жаль, что эта прекрасная комната так и не досталась Люсии.*

И вдруг, неожиданно для самой себя, я её окликаю:

— Мэйси, подожди. Я... в последний раз я видела Люсию очень давно. И мене всегда было интересно, как она жила. Какой она была, до того...

— Как умерла? — заканчивает за меня Мэйси.

Я вздрагиваю.

— Да.

В интонации Мэйси я слышу невысказанный упрёк, который давно нашёптывает мне голос совести: *если тебе действительно было до неё дело, почему же ты ни разу не позвонила?* Но даже если Мэйси и подумала об этом, то внешне ничем себя не выдала.

— Леди Люсия была великолепна, — просто отвечает она, и, выпрямив спину, переходит на более официальный тон, — она была невероятно умной девушкой, сообразительной и острой на язык. Она была популярной, влиятельной и, безусловно,

красивой, — Мэйси запинаяется, словно обдумывая что-то, — в Парадном Зале висит её портрет, мой самый любимый. Вы его уже видели?

Я качаю головой.

— Я там ещё не была.

— Хотите, чтобы я вам его показала?

Я киваю, затаив дыхание:

— Да, я была бы тебе благодарна.

Сонливость как рукой сняло. Вслед за Мэйси я выхожу из спальни и спускаюсь по лестнице. У входа в Парадный Зал меня захлёстывает волна адреналина. Неужели мне действительно так *интересно* посмотреть на портрет покойной кузины? Нет... это не обычный интерес. Просто я надеюсь, что знакомые черты затмят в сознании тот жуткий череп, который привиделся мне утром.

Мэйси открывает двери, и мы входим в самую роскошную комнату, которую мне когда-либо доводилось видеть, выполненную в насыщенной цветовой гамме и оформленную в стиле времен короля Людовика XVI: позолоченные потолки с лепниной, сверкающие хрустальные люстры Vassarat и изумительный гобелен ручной работы во всю стену, изображающий очередную победоносную битву первого герцога. На почетном месте над белым мраморным камином висит портрет настоящей красавицы в натуральную величину.

Я медленно подхожу поближе и останавливаюсь в нескольких дюймах от полотна. Даже в двенадцать Люсия была необыкновенно красивой, поэтому меня не удивляет, что ближе к двадцати она стала ещё прекраснее. Чего я не ожидала, так это увидеть на её лице это выражение, от которого по телу пробегает дрожь. Ни намёка на игривость и любознательность, которыми она мне запомнилась. Напротив, она смотрит взглядом человека, который повидал и пережил... слишком многое.

— О Люсии кто-нибудь по-настоящему заботился? После пожара, я имею в виду, — спрашиваю я, рассматривая таинственное выражение лица кузины, — я знаю, что дедушка болел, поэтому он вряд ли мог уделять ей много внимания.

— Её официальным опекуном был последний герцог, но в основном за ней присматривали моя мама с Оскаром, — отвечает Мэйси и добавляет, — это было её любимое платье. Она надевала его в свой последний день рождения.

— Красивое. Она великолепна.

И это правда, всё в ней прекрасно: копна белокурых волос и чувственные карие глаза, высокие скулы и фарфоровая кожа, изгибы стройной фигуры, подчеркнутые кремовым платьем в пол, и губы, изогнутые в загадочной полуулыбке, как у Моны Лизы XXI века.

— Интересно, о чём она думала, когда позировала.

Я протягиваю руку и легонько касаюсь холста.

— Уверена, что о своём молодом человеке, — тихо произносит Мэйси, — она только о нём и говорила.

Затаив дыхание, я поворачиваюсь к Мэйси.

— Что за парень?

Её взгляд омрачается, как и в тот момент, когда я предположила, что мы подружимся.

— Он живет всего в пяти милях отсюда, поэтому часто приезжал навестить леди Люсию... он очень её любил.

Сердце начинает биться так громко, что я уверена, даже Мэйси слышит его удары.

— Как его зовут? — спрашиваю я, хотя и так уже знаю ответ. Только один человек подходит под описание Мэйси.

— Лорд Себастьян Стенхоуп.

Я резко киваю и поворачиваюсь обратно к портрету Люсии, пока Мэйси не заме-

тила, как на меня подействовало упоминание его имени. Это было так давно, моя наивная детская влюблённость, хотя... возможно, она не прошла и до сих пор? Не по этой ли причине я была так нерешительна с Марком Уайаттом и остальными парнями, которые за мной ухаживали? Я так и не смогла забыть Себастьяна... хотела, но не смогла. Но сейчас всё это не имеет значения. Он принадлежит Люсии. Всегда принадлежал.

Теперь мне отчаянно хочется сбежать отсюда, подальше от этого портрета.

— Спасибо, что провела, Мэйси, — тихо говорю я, направляясь к выходу, — думаю, мне уже пора возвращаться.

Я просыпаюсь посреди ночи, озябнув от холода. После того как я уснула, температура, кажется, упала на добрых десять градусов, ведь даже под плотным одеялом я не могу согреться.

Вдруг я слышу отдалённые звуки, похожие на пение, и с колотящимся сердцем вскакиваю с кровати. Голос слабый и приглушённый, зато слова хорошо различимы.

«Я знаю, что путь мой извилист и крут.

Пусть тёмные тучи по небу плывут,

Но ждут золотые поля вдалеке,

Где ветер осушит слезу на щеке...»

У меня перехватывает дыхание. Это же песня Люсии, которую она пела в тот день в Тенистом Саду. Может, я сплю? Откуда она доносится?

«Я бедный скиталец с несчастной судьбой,

Шагаю вперёд одинокой тропой.

К заветной земле на исходе дорог,

Где нету ни боли, ни бед, ни тревог...»

Голос всё звучит, приближается, становится громче. Дрожащими руками я включаю ночник и сползаю с кровати. Затаив дыхание, распахиваю дверь и замираю на пороге.

Пение затихло. В коридоре никого. И всё же я явно слышу звуки шагов.

Возьми себя в руки, Имоджен, тебе снова померещилось.

Но я готова поклясться, что, вернувшись в кровать, улавливаю в комнате новый запах — аромат чужих духов с нотками жасмина.

Следующий день начинается с завтрака в Арочной Комнате — моей личной столовой, получившей свое название из-за арочных окон. Несмотря на беспокойную ночь, я сразу же приободрилась при виде светлых кремовых стен и штор из дамаска, открывающих вид на роскошные французские сады⁵. Между окнами висят расписанные золотые зеркала, гармонирующие с позолоченными консольными столиками⁶. По центру стоит круглый стол с белоснежной скатертью, накрытый к завтраку.

Устроившись на удобном стуле с мягкой спинкой, я поднимаю крышку со своего блюда и довольно вздыхаю при виде перевернутой глазуньи и пышущих жаром картофеля и бекона.

Когда я уже готова приступить к еде, в комнату входит Оскар вместе с бойкой рыжеволосой девицей двадцати с лишним лет.

— Извините за беспокойство, ваша светлость, но я хотел представить вам секретаря по протокольным вопросам, которого мы только что для вас наняли. Это мисс Джемма Монтгомери, — увидев, что я собираюсь встать, он жестом останавливает меня, — пожалуйста, сидите.

Склонившись в реверансе, она присаживается напротив.

— Я очень рада с вами познакомиться, ваша светлость. Как дела?

— Хорошо, спасибо, — я перевожу взгляд с неё на Оскара, — простите мне моё невежество, но что такое секретарь по протокольным вопросам.

— Я буду вести расписание вашей общественной деятельности, — объясняет Джемма, — в течение года вы, как герцогиня, будете посещать многочисленные приёмы от благотворительных ужинов и мероприятий в Оксфорде до местных торжеств для жителей Уикершема, проводимых в поместье Рокфорд, и, вероятно, следуя по стопам вашей бабушки, исполнять обязанности фрейлины на королевских церемониях. А также вы, несомненно, будете присутствовать на следующей королевской свадьбе, когда принц Гарри соберется вступить в брак!

Она довольно хихикает.

— Ого. Я и не представляла... всего этого. Значит, в скором времени мне стоит ждать чего-нибудь подобного? — я скрещиваю пальцы под столом в надежде, что у меня будет хотя бы месяц для моральной подготовки перед первым появлением на публике.

— Ага! — воодушевлённо отвечает она, и, видимо, почувствовав моё беспокойство, добавляет ободряющим тоном. — Ничего особенного, просто матч по поло между командами Оксфорда и Кембриджа, который состоится в эту субботу. Самый подходящий вариант для первого выхода в свет, поэтому мы и на нём и остановились.

— Хорошо... мне нужно знать что-нибудь о поло или достаточно просто аплодировать вместе со всеми?

Джемма смеётся.

— Поло очень популярная игра по эту сторону Атлантики. И я гарантирую, что на матч вы явитесь вышколенной до мелочей.

Вышколить меня — именно это она и пытается сделать, но не скажу, что мне удастся много запомнить. Она с жаром распинается о клюшках, чаккерах и «линии мяча», а я ловлю себя на том, что мыслями витаю безнадёжно далеко. Ну не спортивная я болельщица. На вопрос, всё ли мне понятно, я уверено киваю, лишь бы не подвергать себя очередной лекции. Достаточно следовать примеру остальных и своевременно радоваться или прикидываться расстроенной, тогда никто не догадается о моей неосведомлённости.

— И самое важное событие, к которому нам следует вас подготовить — ежегодное Рокфордское Шоу Фейерверков, — объявляет Джемма, наконец переключившись с разговора о поло.

— О боже, — меня бросает в дрожь при воспоминании о светских приемах, проводимых родителями вместе с дедушкой, дядей Чарльзом и тетей Филиппой. Перед глазами мелькают картины прошлого: сотни гостей, танцующих в саду под классическую британскую музыку в исполнении оркестра, слуги, разносящие столько еды, что ей можно накормить небольшую армию, и ошеломляющее пиротехническое представление в заключение вечера.

— Неужели праздник и в этом году состоится, несмотря даже на то... что я единственный организатор?

Джемма понимающе кивает.

— Боюсь, тут ничего не поделаешь, это традиция. За последние пятьдесят с лишним лет торжество отменялось только единожды в две тысячи седьмом, когда Уикершем скорбел после пожара. Шоу Фейерверков — необычайно важное событие для местных жителей, и было бы крайне прискорбно, если бы его пришлось отменить.

Я тяжело вздыхаю, теребя края скатерти.

— И... что же я должна делать?

— Есть и хорошая новость: Оскар сказал, что они с миссис Малгрейв поднаторели

в планировании и организации этого мероприятия за двадцать лет совместной над ним работы. Так что вам не придётся заниматься рабочими моментами, — уверяет Джемма, — вашей главной обязанностью будет приём гостей и проведение вечерних развлечений.

Я киваю, отодвинув тарелку с недоеденным завтраком. Мысль о том, что мне придётся устраивать шоу без остальных членов моей семьи, лишь усиливает чувство одиночества.

После ухода Джеммы меня одолевают мрачные мысли. Я достаю из кармана карту поместья и разглядываю место, обведенное кружком: рокфордское кладбище, где похоронены мои родители, бабушка и Люсия. Пора уже посетить их могилы, я и так слишком долго оттягиваю. Но взгляд то и дело мечется от кладбища к Тенистому Саду и Лабиринту, лежащим вдоль той же дороги. Чтобы проведать могилы родителей и Люсии, мне обязательно придется столкнуться с местом, где они погибли. А к этому я еще не готова.

Субботним утром я верчусь перед огромным зеркалом во весь рост, а Джемма пытается пристроить у меня на голове странную маленькую шляпку под не менее странным углом.

— Я выгляжу нелепо, — возмущаюсь я, — до сих пор не понимаю, чем вас не устроил мой первый наряд.

— Ни один приличный человек не придет на матч по поло в джинсах, не говоря уже о герцогине Уикершема, — говорит Джемма поучительным тоном, — неужели Мэйси не говорила вам об этом?

— Мы не затрагивали эту тему, — отвечаю я, пожав плечами. По правде говоря, я всячески избегала Мэйси с того вечера, когда она показала мне портрет Люсии. При воспоминании об этом мне становится немного не по себе. Возможно, дело в чрезмерной фамильярности Мэйси в разговоре со мной или в тоне, с которым она говорила о Люсии. Слово между ними была какая-то связь, тайные узы, которые мне не дано понять. Или, может быть, я всё еще не могу переварить новость, что Люсия и Себастьян всё это время были вместе.

— Что ж, — продолжает Джемма, — по крайней мере, она догадалась заполнить ваш гардероб подобающей одеждой британских дизайнеров.

Она поправляет на плечах бледно-сиреневое платье с цветочным принтом от Дженни Пэкхем, которое мы неожиданно окопали в моем шкафу. Платье длинной чуть выше колен, и, должна признать, оно весьма неплохо смотрится в сочетании с бежевыми туфлями-лодочками на платформе, визуально удлиняющими мои не очень загорелые ноги. Всё портит шляпка.

— Я не могу надеть на себя такое, — я мягко отвожу руку Джеммы от своей головы, — я никогда не была любительницей головных уборов, тем более это самая безобразная шляпка, которую я когда-либо видела.

— Это не шляпка, а вуалетка⁷, — поправляет меня Джемма, — и именно их надевают на матчи по поло британские леди вашего положения.

— Но я американка, хотя и британского происхождения. И не собираюсь им уподобляться.

Джемма удрученно вздыхает.

— Ну ладно, обойдёмся без вуалетки. Но ваши волосы необходимо привести в порядок.

Наконец Джемма удовлетворена моим внешним видом. Мы спускаемся по парадной лестнице и на втором пролёте сталкиваемся с миссис Малгрейв и Мэйси, поднимающимися вверх.

— Ваша светлость, а я как собиралась узнать, не нужно ли вам что-нибудь, — гово-

рит Мэйси, бегло окинув взглядом мой наряд, — я и не знала, что у вас на сегодня какие-то особенные планы.

— Ничего особенного, просто матч по поло, — с улыбкой отвечаю я.

— Что за матч? — спрашивает миссис Малгрейв. В её пустых чёрных глазах вдруг мелькает проблеск интереса.

— The Jack Wills Varsity Polo⁸, — отвечает за меня Джемма.

Мэйси с матерью обмениваются выразительными взглядами, значения которых я не могу понять.

— Если позволите... — начинает миссис Малгрейв, но Джемма её перебивает.

— Извините, но мы опаздываем. Мы и так уже пять минут как должны быть в машине. Её светлость вернётся к послеобеденному чаю.

— Пока! — я махаю им рукой, спускаясь по лестнице вслед за Джеммой.

На въезде в Оксфордский Поло Клуб Джемма поворачивается и обводит меня взглядом.

— У вас немного блестит лицо, промокните его салфеткой. Расправьте плечи и следите за осанкой, как учил вас Бейзил. Держитесь как балерина. Я выйду первой и покажу вам дорогу.

— Удачи, ваша светлость, — желает Алфи, останавливая машину перед входом на поле.

Я выглядываю в окно, вижу трибуны, заполненные сотнями болельщиков, и у меня потеют ладони.

— Спасибо. Мне она понадобится, — шепчу про себя.

Джемма выходит из машины, и я, собравшись с духом, следую за ней. Но, естественно, никто не предупредил меня об опасности хождения на каблуках по травяному полю. Ноги сразу же подкашиваются, и я почти падаю. Джемма подхватывает меня за руку и помогает подняться под многочисленные вспышки фотокамер. Видимо, журналисты на трибунах вдруг сообразили, кто я такая.

— Супер. Первое появление на публике, а я чуть не шлёпнулась на задницу, — шепчу я сквозь зубы.

Уверена, что Джемма тоже совсем не так представляла мой великий выход в свет, тем не менее она утешительно сжимает мою руку.

— Ничего страшного. Просто держите голову выше и улыбайтесь.

Моя улыбка больше напоминает перекошенную гримасу, но, по крайней мере, до трибун я добираюсь, больше ни разу не споткнувшись. Устроившись на мягком сидении в небольшой ложе семейства Рокфордов, расположенной над сектором болельщиков, я чувствую устремлённые со всех сторон на взгляды. Ослеплённая непрерывными вспышками фотоаппаратов, опускаю взгляд на колени и начинаю нервно тереть драгоценности на запястье, пока нарастающие аплодисменты не оповещают о начале действия.

При появлении на поле четырех всадников, синхронно размахивающих клюшками, по толпе болельщиков пробегает волна оживления. Игроки одеты в форму Оксфорда — темно-синие футболки, белые джинсы, черные сапоги по колено и черные шлемы. Когда они, подъехав к секции своих болельщиков, поднимают шлемы в знак приветствия, мой взгляд падает на участника, держащегося чуть в стороне от остальных. Я наклоняюсь вперед, чтобы получше приглядеться, и сердце начинает биться быстрее. Легкая улыбка, играющая на губах, взъерошенные золотисто-каштановые волосы — всё это напоминает мне... того, кого я раньше знала; того, кто некогда был для меня целым миром.

«Посмотри вверх — мысленно молю я, — покажи лицо».

И в этот самый момент, словно услышав мои мысли, он поднимает голову и смотрит прямо на меня. Под его взглядом меня захлестывает неудержимая волна эмоций,

и я снова чувствую себя маленькой девочкой, у которой при виде него одновременно кружится голова и мучительно сжимается сердце. И я уже не слышу ни топота копыт при появлении на поле команды Кембриджа, ни голоса Джеммы. Не чувствую ни лучей солнца, ни свежего ветерка; не вижу ничего, кроме него. Себастьян Стенхоуп... снова так близко после стольких лет.

Себастьян щурит глаза, будто приглядываясь, и я ещё больше выпрямляю спину. Узнал ли он во мне подругу детства, или же я привлекла его внимание лишь потому, что сижу в ложе Рокфордов? Сдержанно улыбаясь, я робко машу ему рукой, но он резко отворачивается. Неужели *не* узнал?

Джемма толкает меня в бок.

— Вы знаете лорда Себастьяна Стенхоупа?

— Мы дружили в детстве, — тихо отвечаю я, — и... он был парнем моей кузины.

— Я знала, что он встречался с леди Люсией, — говорит Джемма, — но не думала, что вы с ним знакомы. Прошу прощения, я, наверное, должна была предупредить, что он сегодня играет? Надеюсь, я не создала неловкую ситуацию?

— Нет, конечно, нет. В детстве у нас были хорошие отношения. Поэтому всё в порядке.

Прежде чем Джемма успеваает что-либо сказать, раздаётся свисток арбитра, знаменующий начало матча. Я, словно замороженная, наблюдаю за тем, как Себастьян на своём чистокровном скакуне носится по огромному полю и отправляет маленький белый мяч в ворота Кембриджа. Судя по бурным аплодисментам, сопровождающим его игру, он тут явно звезда. И я вспоминаю один летний день, когда мне было лет шесть.

Мой папа учит Себастьяна играть в поло на рокфордском поле для верховой езды, а мы с Люсией увлечённо за ними наблюдаем. Папа сидит на большой лошади, а мы втроем — на пони.

— Дядя Эдмунд, научите и нас, — хнычет Люсия, — почему вы занимаетесь только с Себастьяном?

Папа улыбается ей, но при этом не сводит глаз со своего юного подопечного.

— Придет и ваша очередь, не беспокойтесь. Просто у вашего друга Себастьяна большой потенциал. Я никогда ещё не видел такой меткости и ловкости в столь молодом возрасте.

Себастьян широко улыбается, и я смотрю на него чуть ли не с благоговением. Я всегда чувствовала, что он особенный, и вот мой отец только что это подтвердил.

Это воспоминание, так долго таившееся в глубинах сознания, захватывает меня врасплох, и теперь, столько лет спустя наблюдая за победной игрой Себастьяна, я едва сдерживаю слёзы. Вот бы папа мог увидеть, что его ранние тренировки с Себастьяном положили начало такому успеху.

В конце первого «чаккера» — так в поло именуется период — болельщики покидают трибуны и всей толпой собираются на поле.

— Что происходит? — спрашиваю я Джемму.

— Это называется «утаптывание дёрна», — объясняет она, — старая традиция. В перерывах между чаккерами, зрителей приглашают потоптаться по полю, чтобы утрамбовать участки с выбитыми лошадиными копытами травяным покровом.

— Любопытно. А мы к ним не присоединимся?

— Герцогиня Уикершема не участвует в утаптывании дёрна, — отвечает Джемма, прыснув со смеху.

— Эх. Жаль.

В этот самый момент к нам кто-то стучится. Джемма бежит к двери и возвращает-

ся с симпатичным парнем примерно моего возраста. Высоким, худощавым, с рыже-вато-каштановыми волосами и карими глазами. Он широко улыбается, демонстрируя милую ямочку на левой щеке.

— Неужели это её светлость Имоджен Рокфорд! Как же я рад снова тебя видеть. Я поднимаюсь, прижав руку к груди.

— Тео?

— Он самый.

Проигнорировав протянутую для приветствия ладонь, я заключаю его в объятия.

— О боже мой, тебя не узнать! Ты так изменился, повзрослел и больше не... — я запинаюсь, так и не закончив фразу. «Ты больше не похож на того мальчишку с вечным насморком» — пожалуй, не самые удачные слова для приветствия давнего друга.

— Ты тоже выглядишь довольно аккуратно, — отвечает Тео, подмигивая мне.

Я не совсем понимаю, что он имел в виду под «аккуратно» (что моя одежда хорошо выглажена?) но догадываюсь, что это комплимент.

— Спасибо. Значит... твой брат — звезда поло? Я и не знала.

— Он гордость Оксфорда. Не удивлюсь, если после окончания университета он займется этим профессионально. Но ты бы о себе рассказала. Я... и не думал, что мы ещё когда-нибудь встретимся, — признаётся он.

Видно, что на него нахлынули те же мрачные воспоминания, которые часто посещают и меня: о саде, где умерли мои родители, о последнем лете, когда мы все были вместе.

Я отвожу взгляд.

— Знаю. Я тоже не думала, что когда-нибудь сюда вернусь. Но... видишь, как получилось, — я пожимаю плечами, словно не придаю этому обстоятельству такого уж большого значения, хотя на самом деле его важность трудно переоценить.

Тео подходит ближе и кладёт руку мне на плечо. Джемма, зарывшись в журнал, делает вид, что её здесь нет.

— Как тебе в поместье? Наверно, столько нужно узнать, точнее, вспомнить?

— Ага, и научиться быть герцогиней. Всё это для меня так странно и ново, — признаюсь я, — но я учусь и надеюсь, что в конце концов сумею вжиться в эту роль.

— Что ж, если понадобится совет или ещё что-нибудь, я к твоим услугам, — говорит Тео, — я хорошо знаю поместье, и я рос вместе с Себастьяном, так что знаком с нормами и правилами для английских титулованных наследников.

Он иронично усмехается.

Я улыбаюсь ему в ответ. Приятно осознавать, что наконец у меня здесь может появиться настоящий друг.

— Спасибо, Тео. Это было бы замечательно.

Раздаётся свисток судьи, и зрители, утаптывавшие дёрн, спешат занять свои места.

— Мне пора возвращаться к родителям. Давай встретимся на поле после матча, а? Уверен, вся моя семья будет очень рада тебя увидеть.

Себастьян. По спине пробегает дрожь от мысли, что меньше чем через час я окажусь рядом с ним, услышу его голос. В этот же миг я заливаюсь краской. *Что со мной? Почему я так взволнована предстоящей встречей с парнем своей погибшей кузины? То, что я полюбила его первой не имеет значения... я не имею права так на него реагировать.*

— Имоджен? — Тео смотрит на меня в ожидании ответа.

Отгнав навязчивые мысли, я поднимаю взгляд.

— Да, это отличная мысль. Я найду вас после окончания игры.

VIII

Команда Оксфорда побеждает, и мы с Джеммой вскакиваем на ноги, присоединяясь ко всеобщим овациям и аплодисментам. Болельщики выбегают на поле и обступают игроков в ожидании автографов. Я вжимаюсь в кресло, от волнения и трепета сердце словно выскакивает из груди.

— Ваша светлость, вы готовы? — спрашивает Джемма, набирая сообщение в телефоне. — Алфи уже подъехал.

— Нет. Я хотела бы ещё поздороваться со Стенхоупами. Просто жду, пока разойдётся толпа.

Джемма приподнимает бровь.

— Хорошо.

Спустя полчаса я все ещё наблюдаю за тем, как Себастьян раздает автографы, и уже подумываю, не лучше ли просто незаметно выскользнуть отсюда. Но тут на поле выходит владелец клуба и выпроваживает толпу к выходу. Остаются только игроки и их родные.

— Пойдём, — говорю я Джемме.

Опираясь на её руку, я спускаюсь с трибун и выхожу на поле. В животе словно обосновалась стая бабочек, но, несмотря на волнение, я понимаю, что ждала этого момента долгие годы. И больше ждать не могу.

— А вот и она! — доносится голос Тео. — Имоджен, мы здесь.

Рядом с Тео и его родителями спиной ко мне стоит Себастьян и разговаривает с товарищем по команде. Услышав моё имя, он словно напрягается всем телом.

Первыми оборачиваются лорд и леди Стенхоуп. Они смотрят на меня как-то настороженно. Почти... с опаской. У меня и самой по спине пробегает холодок, ведь глядя на них, я вспоминаю, как голосила леди Стенхоуп, и как лорд Стенхоуп оттягивал меня от огня. Встреча с ними с поразительной ясностью оживляет в памяти подробности той ночи.

Приветствуя Стенхоупов, я слегка наклоняю голову, как делала это в детстве. Они же склоняются в поклоне более глубоком, и это напоминает мне, что, как бы невероятно это не звучало, формально мой титул теперь выше их. Я — герцогиня.

— С возвращением, ваша светлость, — произносит лорд Стенхоуп официальным тоном.

— Рада снова вас видеть, — с улыбкой добавляет леди Стенхоуп.

— Я тоже очень рада видеть вас, — отвечаю я, — поздравляю с победой.

Я бросаю взгляд на Себастьяна, всё ещё увлечённого разговором.

— Эй, Себ, — Тео локтем толкает брата, — посмотри-ка, кто здесь.

Спустя мгновение Себастьян наконец отворачивается от собеседника. Взглянув мне в глаза, он склоняет голову в самом грациозном поклоне, который мне приходилось видеть, и у меня захватывает дыхание.

Он стал ещё красивее, чем я себе представляла. Выше, сильнее. Глаза зеленее, взгляд глубже. Держится так уверенно, зрело, что я чувствую себя не на два года младше него, а лет на десять.

— Здравствуйте, ваша светлость, — тихо говорит он.

И голос его изменился с последней нашей встречи. Теперь он ниже, грубее. И тембр такой, что у меня мурашки по телу.

— Привет, — отвечаю я почти шёпотом.

Следующие несколько секунд я только и могу, что пялиться на него. После всего, что произошло, после всех этих лет, столько хочется сказать, но подобрать правильные слова не так-то просто. Поэтому я завожу разговор на нейтральную тему.

— Игра выдалась на славу. Мои поздравления.

Он бросает мне сдержанную улыбку.

— Спасибо.

Я жду, что он скажет ещё что-нибудь, о чём-то спросит, но он просто отводит взгляд. Почему он ведет себя так холодно, так отстранено? Неужели забыл о времени, что мы проводили вместе, как мы веселились, делились секретами? Хотя в этом я, конечно же, виновата сама. Я сама исчезла из его жизни. Неудивительно, что он меня забыл, тем более ведь он всегда оказывал особое внимание Люсии. А сейчас я для него всего лишь девушка, пытающаяся занять её место.

Я поворачиваюсь к Тео — единственному члену этой семьи, который, кажется, искренне рад меня видеть. В ответ на мой взгляд он широко улыбается.

— Мы должны устроить ужин для Имоджен, — говорит Тео своим родителям, — традиционный английский приветственный ужин. Созвать всех соседей: и наших, и её.

Лорд и леди Стенхоуп обмениваются странными взглядами. Себастьян сохраняет бесстрастное выражение лица. Мне же становится неловко при мысли, что ради меня им придётся собирать званый ужин.

— Тео, это очень любезно, но совершенно излишне, — быстро говорю я, — однако я буду рада увидеть всех вас в Рокфорде.

— Ну что вы. Это прекрасная мысль. Мы с удовольствием устроим ужин в вашу честь, — говорит леди Стенхоуп, — как насчет следующих выходных?

— Конечно, это было бы замечательно, — отвечаю я, снова поглядывая на Себастьяна.

— Чудесно. К сожалению, нам уже пора, ребята из команды хотят отпраздновать победу. Но мы будем с нетерпением ожидать встречи в следующие выходные. Тео вам ещё позвонит, — леди Стенхоуп приседает в реверансе, и они с мужем символическим поцелуем прикасаются к моим щекам. Тео дружески меня приобнимает, а Себастьян слегка пожимает руку... даже не пожимает, а едва притрагивается, хотя и нежным этот жест не назовешь. И всё же от его прикосновения по пальцам пробегает дрожь, а сердце начинает биться сильнее.

— До встречи, Имоджен, — говорит Тео, и они уходят.

— Пока, — отвечаю я.

Я медленно иду к выходу навстречу Джемме, а в голове роится множество вопросов. Почему Себастьян и его родители встретили меня так неприветливо, а Тео, наоборот, так дружелюбно? Зачем устраивать званый ужин, если совершенно очевидно, что это им не по душе? И самое главное — *почему* Себастьян всё ещё так на меня влияет... словно и не было всех этих лет?

Вернувшись в Рокфорд, я замечаю, насколько холодным и пустым кажется поместье после шумного оживлённого матча. Еле передвигая ноги, я поднимаюсь по лестнице, открываю дверь своей комнаты, и вдруг меня охватывает жуткое чувство постороннего присутствия.

— Здесь кто-то есть? — неуверенно спрашиваю я, щёлкая выключателем. — Мэйси, это ты?

Никто не отзывается и не показывается на глаза, но я отчетливо слышу дыхание. Звук не доносится откуда-то конкретно, он словно заполняет собой всю комнату,

эхом отражаясь от стен.

— Кто здесь? — шепчу я. — Что вам нужно?

Вдруг в окно над моим столом бьёт резкий порыв ветра. Стекла начинают дребезжать, задвижка вылетает из петли, и окно распахивается настежь.

В горле застревает крик. Я в ужасе пачусь к двери, и в это мгновение, готова поплясть, что вижу в оконном проёме запомнившееся своей красотой лицо с портрета, висящего в Парадном Зале. Лицо *Люсии*.

— Ваша светлость? Что случилось?

Я вздрагиваю, заметив в конце коридора миссис Малгрейв. Её впавшие глаза кажутся красными на фоне особенно бледного лица.

— Я... кажется, я видела что-то в окне, и... и потом оно распахнулось... само по себе, — невнятно шепчу я.

Во взгляде миссис Малгрейв мелькает странный проблеск... то ли понимания происходящего, то ли проявления интереса. Она проходит мимо меня, пересекает комнату и опирается руками о подоконник. Я иду следом, и с растерянностью замечаю на её лице выражение какого-то разочарования.

— Задвижка была неисправна, вот и всё, — говорит она, — я сейчас же пришлю Картера, и он всё починит.

— Но... но...

Я не знаю, как объяснить миссис Малгрейв, что дело не только в задвижке. Что я слышу дыхание, чувствую на себе взгляд. Но она уже направилась к выходу. К тому же едва ли это тот человек, который сможет успокоить мои распатавшиеся нервы.

Тяжело дыша, я опускаюсь на кровать. Возможно, виной всему моё богатое воображение. Возможно, я действительно подняла слишком много шума из-за безобидной оконной задвижки. В конце концов, я всё ещё взбудоражена после встречи с Себастьяном. Или, может... в моей спальне живёт призрак? С тех пор как я приехала в Рокфорд, это уже второй такой неестественно сильный порыв ветра. И я не могу отделаться от мысли, что это неспроста.

— Вы виделись с Себастьяном Стенхоупом после матча?

В первое мгновение я почти уверена, что эти слова мне послышались. Ведь миссис Малгрейв уже ушла, по крайней мере, я так думала. И потом, она никогда не обсуждала со мной ничего, кроме бытовых вопросов.

Я поднимаю глаза и вижу, что она все ещё здесь. Статуей застыв в дверном проеме, смотрит на меня немигающим взглядом.

— Да, — отвечаю неспешно, — я разговаривала и с ним, и с его родителями, правда недолго.

Её плечи напрягаются.

— И как он?

— Эмм, неплохо, вроде. Его команда победила, — отвечаю я, озадаченная такой переменной темой разговора.

По глазам видно, что она ждёт продолжения, но голос её остаётся ровным и сдержанным.

— Пытается отвлечься, бедный мальчик. Он ведь в Люсии души не чаял.

Домоправительница переводит взгляд с меня на распаханное окно.

Не зная, что ответить, я съёживаюсь на кровати. В комнате стало ужасно холодно.

— Это всё, ваша светлость? — спрашивает она обычным сухим тоном.

— Да. Спасибо.

Я смотрю в след миссис Малгрейв со странным ощущением, что она тщательно подбирала слова, пытаюсь мне что-то сообщить. Но не могу понять, что именно.

Картер заверяет, что починил задвижку, и окно больше не откроется само по себе,

но я все равно зову собачку Люсии Тедди спать у подножия моей кровати. Едва ли десятифунтовый комок шерсти сможет защитить меня от злых сил, но в компании этого прелестного маленького создания я все равно чувствую себя безопаснее.

Просыпаюсь я от солнечного света, льющегося сквозь занавески, слышу мерное сопение Тедди, и вчерашние страхи забываются, как дурной сон. Встретившись за завтраком с миссис Малгрейв, я чувствую себя слегка неловко, но она так безупречно учтивая, что я уже сомневаюсь, не услышала ли в её словах больше, чем было сказано.

После завтрака я иду в Мраморный Зал, где меня уже ждёт Макс.

— Я подумал, что нам стоило бы осмотреть земли поместья, — объясняет он, — у вас есть сейчас свободное время?

— Конечно.

Я соглашаюсь, хотя и чувствую, что, скорее всего, придётся снова посетить сад, видеть который мне совсем не хочется. Поэтому нужно просто честно предупредить Макса об этом единственном месте, куда я не смогу пойти.

Задняя дверь Мраморного Зала выходит на просторную Фонтанную Аллею со скульптурами и фигурно подстриженными кустарниками. На юг от неё вьётся пешеходная дорожка, обсаженная рядами жёлтых нарциссов и колокольчиков, за которыми растут тисы, напоминающие огромные леденцы. Вдоль неё за высокими изгородями тянутся сады.

— Это первый сад, который мы открыли для посетителей, — говорит Макс, проводя меня через ворота с табличкой «Французский Сад», — мы только что высадили здесь новые летние сорта роз.

— Очень красиво.

Прогуливаясь вдоль ряда апельсиновых деревьев, я чувствую на себе пристальный взгляд Макса.

— Вам нравится? — спрашивает он.

Я не могу сдержать удивлённого взгляда. *Какое* дело рокфордскому садовнику-декоратору до моих предпочтений? И в который раз приходится напоминать себе, что он, как и вся остальная прислуга, теперь обязан отчитываться передо мной. И если мне заблагорассудится вместо роз посадить здесь кактусы, Максиму придётся молча выполнить распоряжение. Какое странное ощущение: обладать такой властью и одновременно чувствовать себя не в своей тарелке.

— Просто безупречно, — с улыбкой отвечаю я.

— Я предполагал, что вы так скажете, — Макс смотрит на меня вопросительно, — но что странно... до вашего приезда всё было далеко не так безупречно.

Его слова лишены всякого смысла, но меня пробирает дрожь от плохого предчувствия.

— Что вы хотите этим сказать?

Макс озадаченно качает головой.

— Когда-то эти земли были очень плодородными. Но после пожара они словно... словно впали в уныние. Цветы увядали, трава желтела, и даже если издалека сады выглядели более-менее прилично, вблизи было очевидно, что это лишь жалкое подобие былой красоты. Эти сады всегда были первой достопримечательностью Рокфорда, но не в последние годы. Сейчас большинство посетителей предпочитают осматривать дом, — он впивается в меня взглядом, — но с тех пор как вы приехали, земли... словно пробудились. Я не видел такой красоты уже семь лет.

У меня внезапно пересыхает во рту, и я отхожу от Макса подальше.

— Обычное совпадение, — я пытаюсь выдавить из себя непринужденный смех, — какое вообще отношение к этому могу иметь я?

— Иногда мне кажется, — тихо говорит он, — что вы такая же, как...

И обрывает себя на полуслове.

— Как кто?

— Не берите в голову, — лицо Макса смягчается в улыбке, — извините глупого старика. Просто я ужасно рад, что мои любимые великолепные земли... возрождаются. Идите за мной, я покажу вам наш Розовый Сад.

Шагая следом за Максом, я всё думаю, что же он хотел сказать? У него на мой счёт есть какие-то подозрения, но... какие? Как бы я хотела сейчас убежать, скрыться от Макса с его пугающими недомолвками. Но у меня нет выбора, кроме как следовать за ним на следующий участок. При виде беседки с качелями, увитой стеблями красных, белых и розовых роз, у меня перед глазами всплывают воспоминания.

— Это был любимый сад моей матери. Вечерами она сидела на скамье за книгой, пока я играла в траве. А потом качала меня на этих качелях... мне здесь нравилось.

Я совершенно поглощена своими мыслями, поэтому осознаю, что произнесла это вслух, только услышав ответ Макса:

— Всё верно. Не думал, что вы помните об этом, вы ведь были такой маленькой.

— Я помню почти всё, — отвечаю я, — хотя кое-что предпочла бы забыть.

Я оглядываюсь вокруг, и сердце отзывается глухой болью. Этот сад прекрасен. Но без мамы он кажется пустым, как покинутый дом.

Пока Макс разглядывает какие-то растения, я направляюсь вглубь сада и присаживаюсь на длинную каменную скамью возле клумбы с розами, которую когда-то облюбовала мама. Вспоминая о ней, я неосознанно поглаживаю лепестки цветов. И вдруг в ужасе замираю, почувствовав в кончиках пальцев электрическое покалывание, такое же, как много лет назад.

Я с криком спрыгиваю со скамьи и, бросив взгляд на цветник, теряю дар речи.

В месте, над которым я только что держала руку, земля начинает *подниматься* горкой, и из-под неё показывается новая роза, на фоне остальных пугающе яркая и красивая.

Я судорожно пытаюсь заслонить розу спиной. Нельзя допустить, чтобы Макс её увидел. Но он уже услышал мой крик и бежит сюда.

— Что случилось, ваша светлость?

Я небрежно махаю рукой.

— Ничего страшного, просто я... оцарапала колено о скамью, — сочиняю на ходу.

— Точно? Позвольте я...

— Нет, нет! — перебиваю я слишком взволнованным голосом. — Вообще-то, если вы не против, я... хотела бы посмотреть остальные сады.

Макс выглядит растерянным, но больше вопросов не задаёт.

— Конечно.

Загораживая спиной загадочную розу, я жду, пока он не повернется в сторону выхода.

Прогуливаясь с Максом садами и парками, я не могу думать ни о чём другом, кроме этого злополучного цветка. Я не обращаю внимания на водопады, окружающие рокфордское озеро и мост, едва замечаю животных с фермы при усадьбе. Просто хожу следом за Максом, на автопилоте киваю и улыбаюсь, задавая единственным вопросом: *что же, чёрт возьми, со мной происходит? Кто я? Что я?* За последние годы в Нью-Йорке от моего прикосновения не происходило ничего необычного... так почему сейчас?

Мы сворачиваем в сторону дома. И как только я ступаю на гравийную дорожку, сразу понимаю, что она ведёт к месту, которого я боюсь больше всего — к Тенистому Саду.

— Макс, я... я не могу, — вырывается у меня, — я не хочу туда идти.

Он смотрит на меня в замешательстве.

— Идти куда? — он хмурит брови, сообразив, что я имела в виду. — О, нет, я даже

не думал вести вас туда. Этот сад и Лабиринт заброшены с... тех пор.

— Как? — казалось бы, я должна почувствовать облегчение, но это известие выбивает меня из колеи. — Почему?

Макс мешкает с ответом.

— Это самая большая загадка за все годы моей работы. Тенистый Сад был разрушен огнём, и сколько я не пытался его восстановить, ничего не получалось. Остальные сады после пожара тоже пришли в упадок, но мне всё же удалось придать им относительно презентабельный вид. В Тенистом Саду же не проросло ничего. Земля словно отвергала и воду, и семена. После двух лет попыток я наконец сдался и сказал его светлости, что это бесполезно. Он и не настаивал. Сомневаюсь, что после такой ужасной трагедии ему вообще было дело до этого места, — он вытер вспотевший лоб, — хотя, возможно... возможно, теперь Тенистый Сад тоже мог бы преобразиться, как и остальные.

— Не понимаю, о чём вы, — говорю я, хотя на самом деле всё прекрасно понимаю, — и у меня нет никакого желания вновь открывать Тенистый Сад.

Внутри меня всё сжимается от безумного предположения. Что, если этот сад... *заколдован*? Может, поэтому на рокфордской земле от моего прикосновения вырастают цветы? Возможно, здесь есть какая-то *магия*? Возможно, именно сады пробуждают во мне эти таинственные способности?

— А что с Лабиринтом? — спрашиваю я дрожащим голосом.

Макс смущённо качает головой.

— Я больше не могу по нему ходить.

— *Что?*

— То есть войти-то я могу. Но раньше я знал Лабиринт вдоль и поперек, со всеми его поворотами и закоулками, и мог пройти его с закрытыми глазами. А теперь что-то... изменилось. Входя туда, я каждый раз умудряюсь заблудиться, — он нервно посмеивается, — вы, верно, думаете, что я слишком стар для этой работы, и у меня маразм начинается.

— Нет, — говорю я, едва дыша, — ничего такого я не думаю.

— Если уж я не ориентируюсь в Лабиринте, то пускать туда детей или туристов и подавно нельзя. Тем более после того, как здесь рядом умерла бедная Люсия... мы обязаны были закрыть его, — с горечью говорит он.

«В Лабиринте кое-что спрятано».

На ум сразу же приходят слова моего отца, и мне становится не по себе. Даже если бы я и захотела узнать, что он имел в виду, то как это сделать... если Лабиринт неприступен?

— Макс, я не хочу возвращаться в дом, — внезапно говорю я, — я хочу повидаться с родителями. То есть... навестить их могилы.

Безумные события последних часов каким-то образом помогли мне собраться с духом, чтобы встретиться наконец лицом к лицу со своей болью. Как же мне хочется побыть рядом с ними, расспросить о том, что со мной происходит, знать, что я близка к ним настолько, насколько это теперь возможно.

му холму к живописной рокфордской часовне и кладбищу. Срезать цветы я попросила Макса, потому что побоялась, прикоснувшись к земле, опять что-нибудь вырастить. После этого он сразу же удалился, прекрасно понимая, что я нуждаюсь в уединении.

Ноги сами ведут меня мимо могил предков, взгляд скользит по именам на табличках, и вот наконец я нахожу их.

Два парных надгробных камня — розовый для мамы и серый для папы, соединённые в форме сердца.

Я опускаюсь на колени и, выронив принесённые цветы, обвиваю руками надгробия. Я не боюсь своим прикосновением воспламенить что-нибудь или наколдовать — обнять своих родителей я теперь смогу только так.

Пустота внутри меня становится ещё ощутимей, боль обрушивается с новой силой, погружая меня во тьму, от которой я столько убегала. Но дальше сопротивляться я не могу.

— Я так соскучилась, — шепчу сквозь слезы, — и мне очень... очень жаль.

Вслух я читаю надпись: «ЛЮБЯЩИЕ РОДИТЕЛИ ИМОДЖЕН», выгравированную на плите, и на глаза снова наворачиваются слёзы. Приложив голову к папиному надгробию, я чувствую легкое дуновение ветерка и представляю, что это мама гладит меня по волосам, будто в детстве. А когда поднимаю голову, ошеломлённо наблюдаю, как сильный порыв подхватывает оброненные мной веточки герани и бережно переносит к подножию родительской могилы. Кажется, мой непрошенный дар проявился в полную силу, но сейчас он меня не пугает, сейчас я считаю, что это даже красиво.

Услышав шорох листьев под чьими-то шагами, я вытираю слёзы и резко поднимаюсь на ноги. Но прежде чем уйти, прикасаюсь поцелуем к обоим надгробиям.

— Я люблю вас. И приду ещё.

Обернувшись, я сталкиваюсь лицом к лицу с человеком, увидеть здесь которого ожидала меньше всего. Под сводчатым проходом стоит Себастьян Стенхоуп и удивленно смотрит на меня своими зелёными глазами. Я как в трансе иду ему навстречу. Сколько ещё неожиданностей может вместить один день?

— Привет. А ты что здесь делаешь? — не успела я задать этот вопрос, как до меня доходит. — Люсия. Боже, прости меня... прости.

— Не бери в голову, — сухо отвечает он, но, заметив мои заплаканные глаза, смягчается в лице, — Ты в порядке?

Я выдавливаю улыбку.

— Да. Спасибо... А ты?

Себастьян слегка пожимает плечами. Наши взгляды встречаются, и на какое-то мгновение нас объединяет общее горе.

— Где... где находится её могила? — неуверенно спрашиваю я.

— Пойдем, покажу.

Я следую за Себастьяном в противоположный конец кладбища. Он останавливается у розового мраморного надгробия, такого же, как на могиле мамы. Только с другой надписью:

«ЛЕДИ ЛЮСИЯ РОКФОРД
ДОСТОПОЧТЕННЕЙШАЯ МАРКИЗА УИКЕРШЕМА
11 ФЕВРАЛЯ 1995 — 25 ОКТЯБРЯ 2013»

— Странно, правда? — говорит Себастьян. — Именно здесь мы втроём виделись в последний раз.

Я закрываю лицо руками. Вспоминать об этом невыносимо, и, сдерживая подступающие рыдания, я судорожно глотаю воздух. Вдруг мне на плечи ложатся руки Се-

бастьяна. Уткнувшись лицом в его плечо, я чувствую себя очень странно: с одной стороны, мне грустно, но с другой — спокойно в его объятиях. От этого двойного ощущения у меня кружится голова, и подкашиваются ноги.

— Прости, Джинни, — шепчет он, — мне не стоило этого говорить.

Не отстраняясь, я поднимаю глаза и ловлю его взгляд.

— Я для тебя всё еще Джинни?

Он отвечает лёгким кивком.

— Это я должна просить прощения, — говорю я, захлёбываясь словами, — когда мы виделись в последний раз, я... была напугана, сбита с толку и повела себя очень упрямо. Ты не представляешь, как бы я хотела вернуться в прошлое, чтобы всё изменить — поддерживать с вами отношения, быть рядом ради Люсии...

Себастьян мягко выпускает меня из объятий, но лицо его напряженно. Неужели мои запоздалые сожаления пришлись некстати, неужели я зря всё это сказала? Но перехватив его взгляд, устремленный на могилу Люсии, я понимаю, что он просто хочет побыть здесь один.

— Мне... пора возвращаться в поместье. Не хочешь зайти на чай? — спрашиваю я, заливаясь румянцем.

Он сдержанно улыбается:

— Спасибо, но мне нужно домой. Увидимся на выходных за ужином.

Я киваю.

— Тогда до встречи.

— Пока, Джинни, — тихо говорит Себастьян и подходит к могиле Люсии.

Джинни. То, что он так меня называет, даёт мне надежду. Но спускаясь с холма, я напоминаю себе, что не могу... *не имею права* потакать своим романтическим чувствам. В то время как Себастьян скорбит по моей кухне.

Ничто не смогло бы поддержать меня лучше, чем вечерний разговор с Лорен по Skure. Я переехала в Англию меньше двух недель назад, но уже чувствую себя другим человеком. И мне просто необходимо, чтобы лучшая подруга напомнила, какой моя жизнь была раньше.

Она рассказывает о том, как проводит лето в Нью-Йорке, о модных городских ту-совках, о выходных в Хемптонсе⁹, и меня одолевает тоска по дому. Я привыкла быть постоянным действующим лицом её историй, и теперь очень странно чувствовать себя лишь сторонним слушателем.

— Как же мне хочется, чтобы ты была рядом, — мечтательно произношу я, дослушав рассказ о неудачном походе за купальником, призванный меня рассмешить.

— Чтобы лично наблюдать, как я позорюсь? — отшучивается она.

— Я соскучилась, — признаюсь я, — мне никогда не найти такую подругу, как ты, особенно тут в Англии.

Лорен окидывает меня пронизательным взглядом.

— Эй, всё в порядке? Что ты как в воду опущенная? Не такой я ожидала увидеть новоиспеченную герцогиню.

— Все хорошо, просто выдался тяжёлый день.

Мне жутко хочется рассказать ей о том, что я посетила могилу родителей, о встрече с Себастьяном и о моём вновь пробудившемся даре (если что-то столь нежеланное можно назвать «даром»). Но я не могу подобрать слов. Эти переживания настолько личные, что мне трудно обсуждать их, тем более по Skure.

— Когда уже начинаются твои летние курсы в Оксфорде? Там ты обязательно заведешь новых друзей, или даже подцепишь какого-нибудь английского красавчика, — говорит Лорен с хитрой улыбкой.

— Через пару недель, — отвечаю я.

Но в данный момент мои мысли заняты отнюдь не предстоящими курсами.

И тут с языка срывается вопрос, который мучает меня весь день... хотя я прекрасно понимаю, насколько бредово он звучит.

— Лорен, как ты считаешь, это *нормально*, если у человека легкая рука к разведению растений? Скажем, способность выращивать цветы одним прикосновением?

Лорен бросает на меня озадаченный взгляд.

— Эмм, чего? Откуда ты *это* взяла?

Такая реакция напрочь лишает меня решимости говорить дальше.

— Да так, забудь, — я стараюсь держаться как можно более невозмутимо, — просто я здесь открыла в себе нешуточный... талант к садоводству.

— Выращивать цветы одним *прикосновением* не талант. Это уже что-то сверхъестественное, — говорит Лорен, странно на меня поглядывая, — ты ведь не под кайфом, правда?

— Нет, — я закатываю глаза, — ну, преувеличила немного, не одним прикосновением, конечно. Просто у меня получается выращивать растения... быстрее обычного.

— *Понятненько*, значит, к моему приезду ты разведешь там супер-пупер сады.

Чтобы не сболтнуть ещё чего-нибудь и окончательно не убедить Лорен, что сижу на наркотиках, я быстро меняю тему и спрашиваю, как дела у её брата Энтони. Но в голове снова и снова эхом отдаются её слова: «*Это уже что-то сверхъестественное*».

Закончив разговор, я вбиваю в поисковик фразу: «выращивать цветы прикосновением ладони». И очень расстраиваюсь, как будто ожидала обнаружить онлайн сообщество для людей с такими же странными дарованиями. Большинство ссылок ведут на сайты Нью Эйдж¹⁰, где выражение «выращивать цветы на ладони» употребляется как метафора для самосовершенствования. Ещё я нахожу с десяток форумов по толкованию сновидений. Но люди там спрашивают, что означает выращивать цветы прикосновением *во сне*... сделать же это по-настоящему, похоже, не удавалось никому. По крайней мере, ни на одной страничке такая вероятность не рассматривается всерьёз.

Так как же это могло случиться со мной?

В день ужина у Стенхоупов я мучаюсь с выбором одежды. Хотелось бы произвести хорошее впечатление, но не переусердствовать. Наконец я останавливаюсь на облегающем светло-голубом дизайнерском платье от Reiss и бежевых туфлях от L. K. Bennett. Гардероб, подобранный Мэйси, до сих пор приводит меня в восторженный трепет. Надеюсь, что сумею должным образом относиться к этим прекрасным вещам.

Раздаётся стук в дверь, и в комнату входит Мэйси.

— Я хотела узнать, не нужна ли вам помощь в подготовке к сегодняшнему вечеру, — говорит она, окидывая мой наряд одобрительным взглядом, — вам очень идёт.

В ответ я улыбаюсь.

— Спасибо, Мэйси, — при мысли, что в этом платье меня увидит Себастьян, я чувствую приятное волнение, — ты выбрала мне просто шикарные вещи. Не знаю, как тебя и благодарить.

Её щеки заливаются румянцем.

— Мне это только в радость.

— Я и правда очень тебе благодарна, тем более сама-то не особо умею изысканно одеваться. А *откуда* у тебя такое отменное чувство стиля?

Когда эти слова слетают с языка, я чувствую себя ужасно неловко, ведь совсем не хотела показаться высокомерной. Но мне действительно интересно, как простая горничная может иметь такой безупречный вкус и так хорошо разбираться в одежде ведущих дизайнеров.

— Всему этому я научилась у леди Люсии, — отвечает она, встретившись со мной взглядом.

— Да, конечно, — я сглатываю комок, — ты... ты по ней скучаешь?

Она отвечает вопросом на вопрос.

— А вы, ваша светлость?

— Я... увы, мы с Люсией давно не общались, и я почти не знаю, какой она была.

Но, конечно же, я скучаю по ней и по нашей бывшей дружбе. До десяти лет я проводила с ней каждое лето, и, наверное, тогда она была... моей лучшей подружкой.

— Она тоже по вам скучала, — продолжает Мэйси спокойным тоном.

— Правда? — у меня перехватывает дыхание. — Это она тебе сказала?

Мэйси кивает. Хочется расспросить её об этом поподробнее, но прежде чем я успеваю задать следующий вопрос, она берет с туалетного столика расческу и жестом просит меня присесть.

— Позвольте уложить вам волосы. Я всегда причёсывала леди Люсию, а она рассказывала мне всё о себе: куда собиралась пойти и чем занималась накануне, — говорит Мэйси.

— Она рассказывала тебе всё? — переспрашиваю я.

Мэйси ловит мой взгляд в зеркале.

— Она не держала от меня тайн.

На какое-то время я замолкаю. Возможно, это только домыслы, но что-то в интонации Мэйси меня настораживает. В какие тайны Люсия могла её посвящать?

— Завернуть ваш подарок Стенхоупам? — вдруг спрашивает она, проводя расческой по моим волосам.

— Какой подарок?

Заметив моё смятение, она объясняет:

— Это традиция. На званый ужин почётный гость обязательно приходит с подарком для хозяев дома.

Я растерянно смотрю на неё.

— Но я собиралась просто взять с собой бутылку вина. Разве этого не достаточно?

— Боюсь, что нет, ваша светлость, — отвечает она с серьёзным видом.

— Но у меня нет времени бегать по магазинам, — встревожено говорю я, — что же делать?

На мгновение призадумавшись, Мэйси неуверенно предлагает:

— У мамы с Оскаром всегда имеется про запас несколько подарков на выбор. Кстати, есть красивая статуэтка, которую мама приберегла как раз для такого случая. Она бы прекрасно смотрелась на письменном столе или каминной полке. Хотите, я её верну?

Я облегченно вздыхаю.

— Это было бы замечательно. Мэйси, ты моя спасительница.

Час спустя я сижу на заднем сидении Астон Мартина. Алфи везет меня по дороге соседнего городка Грейт Милтон к Аббатству Стенхоуп. Много лет назад я уже бывала здесь на детских праздниках у Себастьяна и Тео, но, в отличие от поместья Рокфорд, их дом помню весьма смутно.

Когда мы въезжаем в ворота, у меня замирает сердце. Извилистая дорожка ведет к особняку елизаветинской эпохи, окруженному зелеными холмами и цветущими парками.

— Вот мы и приехали, — говорит Алфи, — Аббатство Стенхоуп.

— Вам, наверное, странно снова оказаться здесь? — неуверенно спрашиваю я. — Ведь раньше вы постоянно привозили сюда Люсию.

— Пока она была помладше, да. Но, когда на семнадцатилетие ваш дедушка купил ей машину, она была рада от меня отделаться, — грустно улыбается Алфи.

— Уверена, что это не так, — отвечаю я.

Алфи меняется в лице.

— С появлением автомобиля Люсия стала чересчур самостоятельной. Она словно забыла о моём существовании. И я часто думаю... если бы той ночью она позволила мне делать свою работу, позволила присмотреть за ней, раз уж ей так сильно захотелось выйти, я бы отвез её куда угодно. Ей не пришлось бы бродить под проливным дождём в непроглядной темноте... — он замолкает на полуслове, — простите мою докучливость. Не стоило обременять вас своими старческими сетованиями.

— Нет. Не надо себя винить, — я осознаю, что повторяю слова, которые сама так часто слышала после смерти родителей, — вы никак не могли знать, что она соберётся на улицу в такую грозу. И если уж она надумала пойти в Лабиринт одна... то ни вы, ни кто-либо другой не смогли бы её остановить.

— Спасибо, ваша светлость, — он заминается, — с вашего позволения замечу, что вы с леди Люсией... совсем разные.

— Судя по тому, что я слышала, с ней мало кто мог сравниться, — соглашаюсь я, — она была невероятной и, если её характер остался таким же, как я помню, заставляла с собой считаться.

— Пожалуйста, не поймите меня превратно, — спешно добавляет Алфи, — но это сравнение отнюдь не в её пользу. Как раз наоборот. Я любил леди Люсию, как и все мы, но... она никогда не разговаривала со мной так, как вы.

У меня нет оснований сомневаться в его словах. Даже в детстве Люсия со слугами вела себя заносчиво. Но меня всё равно смущают любые критические замечания в адрес кухни, которая по сей день вырисовывается в моём воображении Идеальной Предшественницей, до которой мне расти и расти.

— Уверенна, она не была такой безразличной, какой хотела казаться. Но я понимаю, что вы имеете в виду... спасибо.

— Приятного вечера, ваша светлость, — говорит Алфи, после чего лакей Стенхоупов открывает мне дверцу.

— Добро пожаловать в Аббатство Стенхоуп, герцогиня, — он приветствует меня, склоняясь в поклоне, — вас ожидают в гостиной.

Вслед за ним я поднимаюсь по ступенькам и вхожу в дом, не такой огромный, как Рокфордское поместье, но не менее роскошный: с фресками на стенах, расписными потолками, впечатляющими скульптурами и семейными портретами. Я начинаю понимать, что для английских аристократов их дом — это место, где можно блеснуть своим богатством, заполнив драгоценными вещицами каждый свободный угол.

Войдя в гостиную, лакей объявляет:

— Герцогиня Уикершема.

При моём появлении Стенхоупы и четверо их гостей поднимаются на ноги. Я встречаюсь взглядом с Себастьяном и чувствую внутри знакомый трепет. Он смотрит приветливо, как тот прежний Себастьян, которого я когда-то знала. Как будто неловкость, возникшая после моего возвращения, сгладилась... как будто после встречи на кладбище между нами установилось негласное взаимопонимание.

Первыми меня приветствуют лорд и леди Стенхоуп, а потом их гости: виконт Уорен с дочерью леди Сесилией Уорен, девушкой, приблизительно моего возраста, и мистер и миссис Блайз из Лондона.

После соблюдения всех формальностей ко мне подходит Тео с широкой улыбкой на лице.

— Имоджен, выглядишь ударно, — говорит он, обнимая меня за плечи.

— Ударно? — смущённо переспрашиваю я.

— Он имеет в виду прекрасно, — говорит Себастьян с легкой улыбкой.

От этих слов у меня в животе начинают порхать бабочки, но я тут же напоминаю себе, что он просто объясняет слова брата. Если кто-то здесь со мной и флиртует... что само собой под большим *вопросом*... то это Тео, а не Себастьян.

— Спасибо, Тео. Ты тоже выглядишь ударно, — говорю я, немного успокоившись, и понимаю, что он действительно чертовски симпатичный парень. Даже на фоне Себастьяна, который своей внешностью кинозвезды затмит здесь любого, Тео выглядит привлекательно. У Зои от такого бы точно крышу снесло.

Вдруг я вспоминаю, что держу в руках статуэтку, любезно упакованную Мэйси.

— У меня для вас есть подарок. Я бы хотела вручить его вашей матери.

Мы втроем подходим к леди Стенхоуп, которая разговаривает с виконтом и его дочерью.

— Леди Имоджен, я хотела бы познакомить вас с Сесилией, — говорит она, — думаю, вы быстро подружитесь. Осенью у Сесилии начнется учёба в Оксфорде.

— Круто. Я записалась туда на летние курсы в колледже Крайст-Чертч, — говорю я Сесилии.

— Я тоже, — говорит Себастьян, удивленно глядя на меня, — а на какую специализацию?

— Классическая литература и мифология. А ты?

Затаив дыхание, я жду ответа. На его губах мелькает улыбка, но в голосе не слышно радости.

— То же самое. Мне не хватает несколько зачётных единиц¹¹ для присвоения степени. А почему ты выбрала именно эту дисциплину?

При мысли, что нам предстоит учиться в одной группе, я теряю дар речи, но вовремя беру себя в руки.

— Английский — мой любимый предмет, а мой опекун ещё в Нью-Йорке настоял, чтобы летом я попробовала себя в Оксфорде. И если я буду справляться, то в следующем году подам документы на поступление.

— Что ж, это замечательно! — лучезарно улыбаясь, говорит леди Стенхоуп. — Вы втроем будете учиться в Оксфорде! Тео, ты следующий.

— Поживём — увидим, — смеется Тео.

Я протягиваю леди Стенхоуп свой подарок.

— Это вам.

— Ах, *не стоило* беспокоиться, — смущенно отвечает она, распаковывая свёрток.

Я наблюдаю за ней в предвкушении. Надеюсь, эта вещица понравится Стенхоупам, как и предполагала Мэйси.

Леди Стенхоуп снимает обёртку, и в руках у неё оказывается старинная фарфоровая фигурка женщины. Тео бросает настороженный взгляд на Себастьяна, который ошарашено уставился на статуэтку.

— Эмм, это декоративное украшение, — неуклюже объясняю я, удивленная такой реакцией на свой подарок, — её можно поставить на письменный стол или каминную полку...

Слова застревают в горле, ведь никогда ещё я не видела Себастьяна таким бледным, а его зеленые глаза такими мрачными. Он поворачивается ко мне, напряжённо сжимая руки в кулаки.

— Что за игру ты затеяла? — от его крика я чуть не подпрыгиваю. — Как ты могла взять это из её комнаты, да ещё и притащить сюда?

— Что? — я смотрю на него в недоумении. — Из чьей комнаты? О чём ты? Это просто подарок!

— Подарок? — у него вырывается невесёлый смешок. — Мне стоило бы догадаться.

С этими словами он выбивает статуэтку из рук матери. Фигурка разбивается о паркет и разлетается по комнате мелкими фарфоровыми осколками.

На мгновение мы все застываем в ужасе. Затем Себастьян бросается вон из комнаты под крик леди Стенхоуп, а Тео подбегает ко мне.

Х

— Что это было? — оторопело спрашиваю я. — *Что с ним?*

— Простите. — говорит мне вполголоса леди Стенхоуп, а затем обращается к остальным гостям: — Прошу прощения, я не знаю, что на него нашло.

— Я сейчас вернусь, — хмуро произносит лорд Стенхоуп и выходит вслед за Себастьяном.

Леди Стенхоуп, раз за разом вздыхая, нервно приглаживает волосы.

— Почему бы нам не пройти в библиотеку, чтобы горничная могла здесь убрать?

Она первой выходит в коридор, но я застываю на месте, не в силах оторвать взгляд от разбитой статуэтки. Даже не знаю, что потрясло меня больше: столь бурная реакция на подарок, или то, что мой милый добрый друг детства превратился в человека, способного вот так запросто слететь с катушек.

Вдруг я чувствую на своём плече чью-то руку, и, обернувшись, встречаю мягкий взгляд Тео.

— Я...я ничего не понимаю, — говорю растерянно.

— Конечно, не понимаешь. Мой братец просто болван, если подозревает тебя в злом умысле, — Тео качает головой, — ты ведь не знала, что принесла, верно?

— В каком смысле? Это был просто дурацкий сувенир! — я с трудом сдерживаю наворачивающиеся слёзы.

Тео вздыхает.

— Это было скульптурное изображение пятой герцогини Уикершема леди Беатрис, начала 19 века.

Знакомое имя.

— Кажется, я слышала о ней. Преподаватель по этикету упоминал, что леди Беатрис будто бы удалось преобразить неплодородные рокфордские земли. Но почему Себастьян так разозлился из-за этой статуэтки?

— Потому что он сам покупал её два года назад для Люсии. Уж не знаю, как эта фигурка попала к тебе, но принадлежала она ей. Кажется, Себастьян говорил, что это оригинал.

В голове не укладывается. Мне становится дурно от осознания того, что сделала Мэйси.

— Я...я понятия не имела, — с трудом произношу я, в ужасе глядя на Тео, — Мэйси сказала, что это совершенно новая вещь, прибереженная миссис Малгрейв и Оскаром для особого повода. Она подставила меня! Но *зачем?*

Тео не выглядит удивленным.

— Разве не понятно? Люсия была не только её госпожой, но и единственной подругой. Мэйси практически жила её жизнью. Вот она и злится, что ты заняла её место.

Опустившись в кресло, я прячу лицо в ладонях.

— Я ничего этого не просила. Я не хотела возвращаться... просто считала, что так будет правильно. Неужели это было ошибкой? — спрашиваю я, поднимая на него взгляд. — Теперь личная горничная строит против меня козни, а друг, с которым мне так хотелось восстановить отношения, презирает меня.

Тео пододвигает стул ближе и приобнимает меня за плечи.

— Себастьян тебя не презирает. Даже не сомневаюсь, когда он поймёт, что ты ни в чём не виновата, то почувствует себя настоящим ослом. А что касается Мэйси — почему бы тебе её просто не уволить?

Я тяжело вздыхаю.

— Я бы рада, но не могу. До двадцати одного года управлять имением мне предстоит вместе с сорегентом, и я сильно сомневаюсь, что он согласится уволить Мэйси из-за недоразумения с подарком. Особенно если учесть, что её мать служит в поместье домоправительницей, и обе они живут в Рокфорде намного дольше меня.

— Наверное, ты права, — Тео берет меня за руку, и даже не знаю, что более неожиданно: сам этот жест, или то, что его прикосновение мне приятно, — послушай, я ведь не дурак и прекрасно понимаю, что я не тот брат, встречи с которым ты ждала. Но позволь мне быть другом, который тебе сейчас нужен. Я просто хочу тебя поддержать.

Я заливаюсь румянцем от смущения. Неужели мои чувства так очевидны?

— Я... встречи с тобой я *тоже* ждала, честное слово. Просто в детстве мы больше общались с Себастьяном. Его я знала лучше...

— Не оправдывайся, не надо, — перебивает он, — я всё понимаю. Просто... высказываю свои намеренья.

Тео улыбается, демонстрируя очаровательную ямочку на щеке.

Я растроганно сжимаю его руку.

— Твоя английская прямота производит *впечатление*. Не представляю, чтобы американский парень нашего возраста выражался так красноречиво... и мило.

— Приятно слышать, — подмигивает он, — кажется, нам лучше пойти к остальным, пока моя мать совсем не разнервничалась.

По пути в библиотеку мы случайно соприкасаемся руками, и в голове проскакивает мысль: а смогла ли бы я влюбиться в Тео? Я никогда не рассматривала его с этой точки зрения, но, должна признать, он меня всё больше удивляет... в хорошем смысле этого слова.

Прежде чем присоединиться к гостям, я задаю вопрос, который засел в моём подсознании с той минуты, как Тео рассказал про статуэтку.

— Почему леди Беатрис? Почему Себастьян выбрал именно такой подарок для Люсии?

— Люсия была... помешана на леди Беатрис, — признаётся Тео, — всё началось с реферата, который они с Себастьяном готовили в университет, но потом она просто заиклилась на ней, особенно на слухах, которыми обросла её жизнь.

— Каких слухах? — спрашиваю я с замиранием сердца.

Но не успеваю я договорить, как леди Стенхоуп замечает нас в дверном проёме и жестом приглашает пройти в библиотеку. Мой вопрос остается без ответа.

Несмотря на все усилия леди Стенхоуп ужин проходит на грани провала. Лорд Стенхоуп возвращается в обеденный зал и сообщает, что Себастьяна нигде не нашли. Пустующее место за столом бросается в глаза, но все избегают больной темы — натянутые разговоры чередуются с неловкими паузами. После того как подают чай, Блайты и виконт с дочерью поднимаются из-за стола. Наконец и я смогу уйти.

— Благодарю за прекрасный вечер, — я заставляю себя улыбнуться Стенхоупам.

— Простите нас за произошедшее, — тихо говорит лорд Стенхоуп, — после смерти Люсии мой сын сам не свой.

— Я понимаю, — отвечаю коротко.

Обнявшись с Тео на прощанье, я выхожу в темноту, где меня дожидается Астон Мартин. Алфи спрашивает об ужине, но я едва могу поддержать беседу — мысли

вертятся лишь вокруг предстоящей встречи с Мэйси.

Кипя от злости, я распахиваю двери поместья Рокфорд. Ну и где она?

В поисках Мэйси я ношусь по первому этажу, запыхавшись, обыскиваю комнату за комнатой, но нигде не могу её найти. Затем возвращаюсь в Мраморный Зал и замираю при виде миссис Малгрейв, крадущейся вниз по лестнице.

— Где ваша дочь? — я понимаю, что срываюсь на крик.

Миссис Малгрейв вздрагивает.

— Она подставила меня! — я с трудом держу себя в руках. — Где она?

— Что значит подставила? — спрашивает миссис Малгрейв.

Тусклый свет, исходящий от настенного серебряного канделябра придаёт её лицу потусторонний вид.

— Она подсунула мне в качестве подарка Стенхоупам вещь, принадлежащую Люсии. Выставила меня настоящей стервой, пытающейся напоминанием об этом затронуть Себастьяна за живое. Что она за человек такой? — я презрительно качаю головой.

Миссис Малгрейв бросает на меня резкий взгляд.

— Не думаю, что Мэйси желала вам зла. Уверена, всему есть объяснение. Тем более, когда мужчина любит женщину так, как Себастьян любил Люсию, то напоминать ему о ней будет каждая мелочь. Не стоит даже надеяться, что он когда-либо её забудет, — миссис Малгрейв переходит на мягкий, почти благоговейный тон, как и всегда при разговоре о Люсии, но сегодня мне от этого не по себе.

— Единственное, на что я хочу надеяться — что люди, живущие со мной под одной крышей, не воткнут мне нож в спину. И если подобное повторится, я вынуждена буду серьёзно поговорить с Оскаром, — предупреждаю я.

Но миссис Малгрейв, кажется, не слишком напугана моей угрозой. Она просто кивает на верхний этаж.

— Почему бы вам не поговорить об этом с самой Мэйси? Она как раз собиралась навести порядок в вашей комнате.

Процедив сквозь зубы «спасибо», я бросаюсь вверх по лестнице.

Влетаю в комнату и застаю Мэйси, как ни в чем не бывало заправляющей мою постель.

— Как ты могла? — я едва сдерживаюсь, чтобы её не придушить. — Как ты могла так со мной поступить? Я ведь тебе доверяла!

Мэйси замирает на месте, невинно хлопая глазами.

— Только не надо включать дурочку. Ты сама говорила, что у Люсии не было от тебя секретов. Ты прекрасно знала, что эта чертова статуэтка принадлежала ей. Решила выставить меня змеёй, испортившей всем вечер? — я скрещиваю руки на груди. — Скажи, за что ты так меня ненавидишь?

— Я вас не ненавижу, — спокойно отвечает Мэйси, — я сделала то, что должна была. Вам нужно было узнать.

— Узнать что? Что Себастьян до сих пор убивается по Люсии? Я и так это поняла. Неужели для пущей наглядности обязательно было причинять ему такую боль?

— Не только это. Вы должны были узнать о леди Беатрис.

Я раздраженно развожу руками.

— Значит, ты подстроила весь этот кошмар, просто чтобы преподать мне урок по истории рода? Ага, как же.

— А теперь послушайте меня! — Мэйси повышает голос, и от столь резкой смены привычного учтливового тона я теряю дар речи. — Почему Люсия была так одержима легендой о леди Беатрис, как думаете? Что *такого* было в этой легенде?

Мэйси наклоняется поближе и, обдав кожу прохладным дыханием, прямо мне в ухо произносит:

— Говорят, она обладала силой... *силой* управлять стихиями. Она могла разжигать огонь или выращивать цветы... одним прикосновением.

Я цепенею. Всё это не по-настоящему. Этот разговор мне, видимо, снится. Такое не может происходить на самом деле.

— Это всего лишь... дурацкие слухи, — отвечаю я, но дрожащий голос выдаёт меня с головой, — Люсия в них, может быть, и верила, но я нет. Леди Беатрис была обычной герцогиней, жившей сотни лет назад.

Только Мэйси меня будто и не слышит.

— Муж леди Беатрис, пятый герцог Уикершема, обвинил её в колдовстве, и её приговорили к смертной казни. Тогда, стоя на виселице, она предрекла, что однажды вернётся... возродится в потомке.

Я вытираю о платье вспотевшие ладони.

— Это, конечно, жуткая история и всё такое, но я не понимаю...

— Говорю же вам, Люсия не держала от меня секретов, — Мэйси впивается в меня немигающим взглядом, — она рассказала мне и о вас, Имоджен. Она всё видела. Видела, что вы *сделали*.

Земля уходит из-под ног.

— Она не знала, о чём говорит, — шепчу я.

— На вашем месте я бы поговорила с Себастьяном и выведала всё, что им с Люсией удалось узнать о леди Беатрис в Оксфорде. Он сможет помочь вам больше, чем я. — Мэйси поворачивается к выходу, но затем оглядывается. — У вас ко мне всё? Я обещала помочь матери внизу.

Как она может говорить так спокойно, словно не разрушила только что весь мой мир, подтвердив самые страшные подозрения, которым я так долго пыталась не придавать значения?

— Почему же ты просто не *сказала* мне об этом, зачем было портить ужин со Стенхоупами? — гневно спрашиваю я.

Мэйси смотрит в потолок.

— У меня не было выбора. Это был мой долг перед ней.

— Перед кем? — спрашиваю я и, не дождавшись ответа, скептически добавляю. — Перед Люсией?

Мэйси едва заметно кивает.

— Что, прости? Люсия *умерла*, — на последнем слове мой голос срывается.

Мэйси подходит ближе и заглядывает мне в глаза с неожиданным выражением ужаса на лице.

— Призраки никуда не уходят, — шёпотом произносит она, — вы ведь тоже чувствуете её, правда Имоджен? Быть может, у вашего возвращения были и другие причины. Подумайте об этом.

От этих слов и от фамильярного тона, которым они были сказаны, меня пробирает дрожь.

— Нет! — вскрикиваю я, отпрянув от неё. — Я понятия не имею, о чём ты говоришь. Просто... просто уходи!

Как только Мэйси выходит, я запираю дверь и падаю на кровать. Ноги дрожат, в голове роятся мысли о призраках и о том, что будет, если люди узнают о моих способностях.

Неужели я и правда такая, как леди Беатрис? Нет, Мэйси ошибается; нет никаких других причин. Я вернулась, чтобы вступить в титул — только и всего.

Я могла бы уехать хоть завтра. Обещала ведь Марино, что вернусь, если что-то

пойдёт не так. Но неужели я смогу спокойно жить дальше с этим пугающим знаком вопроса в голове? Выбора нет, только закончить начатое.

Во сне меня преследует череда леденящих душу видений: мертвенно-бледное лицо миссис Малгрейв, искаженное в презрительной ухмылке; Себастьян, разбивающий вдребезги фарфоровую статуэтку; прекрасное бездыханное тело кузины, лежащей в гробу. Я просыпаюсь от ощущения, что кто-то касается моей ступни, и, подтянув ноги к себе, замечаю у изножья кровати тёмный женский силуэт.

Из груди рвётся крик, но так и застревает в горле. Я с трудом нащупываю выключатель, но, когда свет наконец загорается... в комнате никого нет. Силуэт исчез.

Уснуть после этого я даже не пытаюсь. Я беру со стола ноутбук и сажусь в кровати, облокотившись на подушки. Автоматически запускается Skure, и при виде имени Зои Марино, отмеченного зелёным, у меня сжимается сердце. Она сейчас в сети. Я могла бы либо позвонить и узнать, как дела дома, либо, придерживаясь первоначального плана, поискать информацию о своей пугающей родственнице из прошлого.

Я щёлкаю по имени Зои, но значок напротив него тут же становится серым. Наверное, она меня не увидела и отключилась. Выбор сделан за меня.

Я выхожу из Skure, забиваю в поисковике Гугл: «Герцогиня Беатрис Рокфорд» и с удивлением обнаруживаю множество ссылок, в основном ведущих на сайты сообществ любителей паранормального. Но все они, так сказать, не внушают доверия, поэтому я захожу на страничку Википедии.

С экрана сквозь прорези маски на меня смотрит леди Беатрис. Её белокурые волосы собраны в высокую причёску с выпущенными локонами, струящимися по плечам. А правая рука украшена странным кольцом, и я увеличиваю изображение, чтобы получше разглядеть необычный бриллиант вытянутой остроконечной формы.

На следующем изображении Беатрис запечатлена в день своей казни. Она пытается вырваться из ревущей толпы горожан, хватающихся за подол её тяжелых юбок. Здесь герцогиня выглядит старше, но волосы уложены точно так же, как и на предыдущем портрете. А с цветами, вплетенными в светлые локоны, и длинным зеленым стеблем, обвивающим платье, она напоминает саму богиню природы.

Я приглядываюсь поближе. Вне всяких сомнений мы с ней похожи: те же голубые глаза, высокие скулы, матовая кожа. Словно сёстры из разных эпох.

Что ж, родственницы всё-таки. Наше сходство вполне обоснованно. И нечего тут додумывать.

Я закрываю изображение и возвращаюсь к скудному тексту биографической статьи, бегло описывающей её жизнь. Родилась в начале 19 века в богатой семье в Нью-Йорке. Там же провела детство и юность. В 1830 году вступила в договорной брак с пятым герцогом Уикершема. Дальше упоминается об обнаружении у неё «сверхспособностей» и обвинении в «занятиях оккультизмом».

По имеющимся сведениям, пятый герцог стал свидетелем того, как его жена одними руками подожгла рокфордский Тенистый Сад, а потом в считанные минуты возродила его из пепла. Герцог после увиденного сошёл с ума и в себя больше не пришёл. Герцогиню же осудили и повесили по обвинению в ведьмовстве, хотя сама она настойчиво утверждала, что ведьмой не была. Она называла себя элементом.

Значит, она тоже выдала себя в Тенистом Саду. Ещё одна ниточка, связывающая меня с Беатрис. Не из-за этой ли связи моё прикосновение воздействует на природу только на рокфордских землях?

Перечитывая статью, я содрогаюсь от осознания, что если меня разоблачат, или Мэйси расскажет то, что слышала от Люсии, мне светит повторить судьбу Беатрис. Повесить меня, конечно, не повесят, такого, кажется, уже не *практикуют*, но уж точ-

но упекут куда-нибудь. Так что впредь, что бы там ни было, нужно тщательней скрывать свои умения.

Я спускаюсь вниз странички к списку источников. Здесь он только один: книга *«Таинственная Герцогиня: Биография»* Хамфри Фицвильяма, опубликованная в 1865 году. Сердце начинает биться быстрее при мысли, что я смогу прочесть книгу о леди Беатрис, написанную её современником. Я быстренько ввожу название в поисковик, но он выдаёт только одну ссылку, ведущую в Оксфордскую Бодлианскую библиотеку. Описание гласит: «Труд Хамфри Фицвильяма *«Таинственная Герцогиня: Биография»* — одно из исторических сокровищ Бодлианской библиотеки. Это единственный известный экземпляр, существующий в печатном виде. Ввиду ветхого состояния и высокой исторической ценности, книга находится в специальном книгохранилище. Если желаете ознакомиться с этим изданием, подайте заявку, и мы доставим его в один из читальных залов Бодлианской библиотеки по вашему выбору. Рассмотрение заявки займёт от трёх до пяти рабочих дней».

Я разочарованно вздыхаю.

— От трёх до пяти дней?

Вводя свои данные для оформления заявки, я ломаю голову над тем, как бы добраться до книги поскорее. Вдруг в памяти всплывают слова Мэйси: *«На вашем месте я бы поговорила с Себастьяном и выведала всё, что им с Люсией удалось узнать о леди Беатрис в Оксфорде»*.

Ведь они вместе изучали жизнь пятой герцогини и наверняка читали её биографию. И теперь я понимаю, что какими бы мотивами не руководствовалась Мэйси, к её совету стоит прислушаться.

Я должна поговорить с Себастьяном.

В восемь утра я уже одета, правда, не в элегантную британскую одежду, а в джинсы и серую толстовку с капюшоном. К счастью, сегодня воскресенье, у Алфи выходной, и я могу заказать такси, не вызывая подозрений.

Крадучись на цыпочках по лестнице и коридорам поместья, я молюсь, как бы не натолкнуться на Оскара, миссис Малгрейв или Мэйси. Я выскальзываю за дверь и перебежками пересекаю двор. Выскакиваю за ворота и, запыхавшаяся, сажусь на заднее сидение ожидающего меня чёрного автомобиля.

— Вы Мэйси? — спрашивает водитель.

— Да, — вру я, — мне нужно в Аббатство Стенхоуп, чтобы выполнить поручение от её светлости.

— Конечно, — он поворачивается ко мне, — позвольте спросить, как вам новая герцогиня?

— Она очень... нормальная, — сухо отвечаю я. Ага, если бы.

Воскресным утром дороги практически пусты, и мы вмиг добираемся до Аббатства — по мне даже слишком быстро. Я едва успеваю собраться с духом, как мы уже подъезжаем к воротам, и таксист извещает в интерком:

— Мэйси Малгрейв по поручению из поместья Рокфорд.

— Подъехать к входу для слуг? — спрашивает он, когда открываются ворота.

Вот чёрт. Я же не знаю, где находится вход для слуг. Так и спалиться недолго.

— Нет, мне сказали войти через главный вход, — выкручиваюсь я.

Расплатившись с таксистом, я выхожу из машины и медленно поднимаюсь на крыльцо дома Стенхоупов. Набираю полную грудь воздуха и нажимаю кнопку звонка. Лакей, открывший дверь, в недоумении переводит взгляд с моего лица на неказистый наряд.

— Это я — Имоджен Рокфорд, — говорю на одном дыхании, — мне жаль, что пришлось представиться таксисту как Мэйси. Просто у моего водителя сегодня выходной, и я не хотела вызывать лишних вопросов.

Лакей смотрит на меня одновременно растерянно и с ликованием, как на в кои-то веки ему подвернувшийся источник доброй порции сплетен.

— Ваша светлость, — говорит он, расплываясь в улыбке, — рад снова вас видеть. Чем могу быть полезен?

— Мне нужно поговорить с Себастьяном. Не могли бы вы передать ему, что это срочно? И пожалуйста, не стоит беспокоить остальных. Ещё очень рано, и я действительно хочу увидеться только с Себастьяном.

Я понимаю, что этой фразой даю ему огромный простор для воображения, но мне уже все равно.

— Разумеется, — любезно отвечает лакей, — почему бы вам не подождать в библиотеке, пока я его разбужу?

Он ведёт меня пустыми коридорами, хмурыми и неприветливыми без хозяев дома и гостей. Войдя в библиотеку, щёлкает выключателем и разом зажигает все светильники.

Библиотека Стенхоупов — как раз подходящее место, чтобы отвлечься от любых переживаний. Это настоящий оазис из доверху заполненных книгами в кожаных переплётках стеллажей, в интерьере с акцентом на мебели из тёмного дерева и багряно-красном персидском ковре. И пусть эта библиотека не такая огромная и роскошная, как в Рокфорде, она отчего-то кажется мне даже более уютной. Ожидая Себастьяна, я пробегаю глазами по полкам в поисках названий любимых произведений и с лёгкостью нахожу *«Гордость и предубеждение»*, *«Дом радости»*, как вдруг слышу звук приближающихся шагов.

На пороге появляется Себастьян в джинсах и тёмно-синем свитере, удачно оттеняющем его зеленые глаза. Каштановые с золотым отливом волосы спутаны после сна, и меня охватывает внезапный порыв запустить в них пальцы.

— Здравствуйтесь, ваша светлость, — говорит он тихо.

— Себастьян, — я стараюсь улыбнуться, — ты же знаешь, что не обязан так ко мне обращаться.

Вдруг мы в один голос произносим:

— Прости меня.

Я бросаю на Себастьяна удивлённый взгляд.

— Мне не следовало срывать на тебе, — продолжает он, — Тео рассказал, что ты не знала про статуэтку. Я должен был догадаться, что это дело рук Мэйси. Прости меня.

Я подхожу к нему на шаг ближе.

— И ты меня прости. Я чуть сквозь землю не провалилась, когда Тео сказал, что она принадлежала... Люсии. И я прекрасно понимаю, почему тебя это так возмутило.

— Предлагаю просто забыть о том, что случилось, — говорит Себастьян с улыбкой, которая, тем не менее не отражается в его глазах, — идёт?

— В этом, собственно, и дело, — робко отвечаю я, — я не могу забыть. Когда я приехала домой, то вывела Мэйси на разговор, и она рассказала мне... кое-что. Поэтому я и приехала.

Себастьян отводит взгляд.

— Меньше всего на свете я хотела бы напоминать тебе о Люсии, но мне просто необходимо знать, правду ли сказала Мэйси.

Он слегка кивает.

— Давай выйдем на улицу. Там и поговорим.

Следуя за Себастьяном, я не могу оторвать взгляда от очертаний мускулистой спины, угадывающейся под одеждой.

Имоджен, не об этом сейчас надо думать.

Он переступает порог и выходит на обсаженную деревьями тропинку, сворачивающую влево от дома.

— Здесь красиво, — говорю я, чтобы побороть неловкость.

Но Себастьян словно и не слышит.

— Что тебе рассказала Мэйси? — спрашивает он с беспокойством в глазах.

Я тяжело вздыхаю.

— Она сказала, что вы с Люсией изучали биографию леди Беатрис, и что Люсия была просто заиклена на её истории, так как считала, что Беатрис обладала некими силами, — я выдавливаю из себя смешок, словно считаю всё это полной нелепостью, но он выходит наигранным, каковым, по сути, и есть.

Себастьян слушает молча, почти не меняясь в лице.

— Ещё Мэйси сказала... — я запинаюсь, но заставляю себя продолжить, — что Люсия говорила, будто я могу быть как-то связанна с Беатрис и её так называемыми... способностями. Звучит как бред сумасшедшего, но почему-то Мэйси хотела, чтобы я об этом знала. Чтобы я поговорила об этом с тобой. Я знаю, что ей доверять не стоит, но всё равно не нахожу себе места. Всю ночь искала информацию о леди Беатрис в интернете, но, кажется, её биография есть только в Бодлианской библиотеке в единственном экземпляре, до которого мне в ближайшее время доступ закрыт, и я подумала, может, ты читал её...

Я понимаю, что слишком быстро тараторю и замолкаю на полуслове.

Себастьян резко отворачивается, будто пытается собраться с мыслями.

— Это правда, — наконец отвечает он, — в последний год жизни Люсии мы вместе работали над рефератом по мифологии. Темой реферата Люсия выбрала личность леди Беатрис, и, изучая её биографию в Бодлианской библиотеке, мы выяснили, что она считала себя элементом — человеком, способным при помощи одних только рук управлять всеми четырьмя стихиями. Эта идея завладела умом Люсии, как и последние слова, сказанные Беатрис перед смертью.

— Что за слова?

У меня пересыхает во рту.

— На виселице она сказала: *«Пред лицом моей истинной преемницы все остальные наследники падут. Она и только она будет править в моём доме — поместье Рокфорд»*.

К горлу поднимается ком...

«...все остальные наследники падут». Дедушка, родители, тётя, дядя, кузина — было ли то, что все они умерли преждевременно, просто жутким совпадением? Или за этим кроется что-то большее?

— Я пытался доказать Люсии, что всё это бред, что время просто исказило историю старого герцога, убившего жену, превратив её в кровавую легенду. Но она всё твердила, что у нас есть доказательство правдивости этой легенды. Ты, — Себастьян смотрит мне прямо в глаза, и я невольно подаюсь назад от ощущения, что он видит меня насквозь, — при ней ты той ночью держала в ладонях огонь... и на наших глазах вырастила цветок. Я пытался найти этому логичное объяснение, но чем ещё такое объяснишь? Она вбила себе в голову, что должна узнать о Беатрис всё, что возможно, а потом встретиться с тобой с глазу на глаз, будучи уже подготовленной, так сказать, вооружённой знанием. Но эта встреча вряд ли когда-нибудь состоялась бы, ведь так?

Себастьян утомлённо опускает взгляд.

Я качаю головой, охваченная ужасом. Все эти годы я догадывалась, что что-то со мной неладно, но чтоб такое. Я не могла и представить себя сверхъестественным су-

ществом.

— Но ты же в это не веришь, — говорю я едва ли не шёпотом, — ты бы не стоял здесь, если бы считал меня каким-то элементом, или как ты там говорил.

Себастьян проводит рукой по волосам, удручённо вздыхая.

— Я и сам не знаю, что думать. Имоджен, то что я увидел в тот день... мне ни за что не забыть.

— Но тогда в саду это тебя не испугало, — напоминаю я, — ты не стал относиться ко мне иначе и пообещал сохранить всё в тайне. Неужели Люсии удалось так легко поменять твоё мнение обо мне? И о чём же она хотела поговорить со мной с глазу на глаз?

Себастьян смотрит в сторону:

— Сначала мне казалось, дело в том, что в исследовании леди Беатрис предстала перед нами как ведьма — порождение зла. Её способности... В то время её расценивали как угрозу, считали, что её нужно держать подальше от невинных людей, которым она может навредить. Я думал, Люсия боялась твоих предполагаемых возможностей. Но чем дольше мы работали, тем отчётливей я понимал, что беспокоило её на самом деле. Мысль, что *ты* и есть истинная преемница, что если пророчество леди Беатрис исполнится, то поместье Рокфорд и остальное наследство может отойти тебе, а не ей.

— Что?

Я чувствую острый укол душевной боли от осознания, что кузина по мне вовсе не скучала, что моя судьба её ничуть не волновала. Она видела во мне лишь возможную угрозу.

Себастьян берёт меня за руку.

— Послушай... я её мнения не разделял.

— Она была твоей девушкой. Конечно, ты занял её сторону. Ты, наверное, тоже был в ужасе, считая меня каким-то элементом, вознамерившимся завладеть семейным состоянием. Поэтому ты и встретил меня так холодно, словно совсем не был рад моему возвращению, — я едва сдерживаю слёзы, потрясенная предательством двух давних друзей.

— Нет. Это не так. Конечно, это сложный вопрос, но я никогда так не думал. Собственно... — Себастьян опускает глаза, — я высказал Люсии свою позицию, сказал, что она ошибается на твой счёт. Это было единственное, в чём мы расходились во взглядах.

У меня перехватывает дыхание. Значит... ему было не всё равно. Настолько, что он даже заступился за меня перед своей красивой и влиятельной девушкой.

— То, что ты сделала в тот день в саду, я считаю... невероятным, — продолжает Себастьян, — это было волшебство. И я ждал, что ты вернешься и покажешь мне ещё что-нибудь... но ты не вернулась.

— А теперь? — спрашиваю я, сдерживая дрожь в голосе. — Что ты думаешь об этом теперь, после всего, что увидел и прочитал?

Себастьян касается моего плеча, и у меня по телу бегут мурашки.

— Я видел достаточно, чтобы быть уверенным, что ты всё та же Джинни, которую я знаю с детства. Открытая, честная, неспособная причинить зло. Может ты действительно элементаль, а может, и нет, — он подвигается ближе, — но меня это не пугает.

Исполненная облегчения, я благодарно беру его за руку. На одно короткое мгновение наши пальцы сплетаются, и я наслаждаюсь его прикосновением, пока мы одновременно не отдёргиваем руки.

— И ещё... — я делаю глубокий вдох, пытаюсь совладать с собой. — Мэйси сказала, что моему возвращению есть другая причина. Не знаешь, что она имела в виду?

Себастьян отрицательно качает головой.

— Не знаю, — он замысливается, — может... может, она говорила о Лабиринте? Пыталась намекнуть, что ты должна довести до конца то, что начали мы с Люсией.

— В Лабиринте? — переспрашиваю я. — Но ведь его закрыли после пожара. Макс сказал, что больше в нём не ориентируется.

— Да, огонь каким-то образом изменил его структуру, я и сам ни разу не смог добраться до центра. Хотя без проблем нахожу выход, когда нужно вернуться.

— Но что вы там делали? — спрашиваю я, и чувствую, как по спине пробегает холодок. В памяти снова всплывают слова отца: «В Лабиринте кое-что спрятано».

Себастьян отвечает с грустной улыбкой:

— Люсия уговорила меня помочь ей в поисках одной вещи под названием водный камень. Биограф леди Беатрис писал, что она спрятала его там для своей избранной преемницы. Естественно, никто и никогда его в глаза не видел, — он закатывает глаза, — и эту часть истории я всегда считал бредом сивой кобылы, приманкой для туристов, охотящихся за рокфордским сокровищем. Но сейчас думаю: что, если Мэйси тоже верит в это и потому убедила тебя поговорить со мной. Ведь Люсия наверняка рассказала ей, что я умею проходить Лабиринт.

— Но зачем? — спрашиваю я с колотящимся сердцем. — Что такого особенного в этом камне? Почему Люсия так сильно хотела его найти, и с чего бы Мэйси хотеть, чтобы его нашла я?

Он качает головой.

— Я не знаю, что там в голове у Мэйси. Я даже не знаю, существует ли этот камень вообще. Но Люсия, думаю, хотела найти его потому, что боялась, что Рокфорд достанется... тебе.

— Она решила, что если найдёт камень, то *станет* преемницей леди Беатрис вместо меня?

— Типа того, — он заминается, — но когда она поняла, что тут наши взгляды расходятся, то перестала поднимать этот вопрос. И... я могу только догадываться, что она думала на самом деле.

— Папа сказал мне кое-что в день своей смерти. Раньше я никому об этом не рассказывала, — говорю я, чувствуя, что сердце вот-вот вырвется из груди, — он сказал, что в Лабиринте что-то спрятано, и что однажды мне это очень понадобится. Я никогда не понимала, что он имел в виду, и иногда даже думала, что это была просто игра. Но, возможно... он говорил о водном камне?

Себастьян не сводит с меня напряженного взгляда.

— Мы идём в Лабиринт, — говорит он, — я помогу тебе его найти.

— Нет, что ты, — протестую я, — я и сама могу поискать. Я не боюсь какого-то там садового лабиринта.

— Знаю, — отвечает он, — я знаю, что ты и без меня справишься. Но всё же хочу пойти.

Я поднимаю на него глаза, заливаясь краской.

— Правда? Но это не будет для тебя слишком тяжело, ведь там она...

Я не могу договорить последнее слово. *Умерла*. Взгляд Себастьяна мрачнеет. Он опускает глаза и начинает разглядывать упавшую ветку.

— Самое ужасное из того, что можно представить, я уже испытал, — говорит он, — я справлюсь.

Этой же ночью во сне мне является Люсия.

Я стою наверху парадной лестницы, и вдруг на нижней ступени возникает её четкий силуэт. Я застываю на месте, уставившись на полупрозрачное белое платье и облако светлых волос. Воздух наполняется пьянящим ароматом жасмина.

Она плывёт в сторону Мраморного Зала, собственнически скользя руками по стенам Рокфордского Поместья.

По спине пробегает холодок, когда до меня доносится тихое пение:

«Я знаю, что путь мой извилист и крут.

Пусть тёмные тучи по небу плывут,

Но ждут золотые поля вдалеке,

Где ветер осушит слезу на щеке...»

Люсия останавливается и, изгибая губы в улыбке, проводит пальцами по одной из картин. Я не могу оторвать взгляда. Сердце уходит в пятки, по телу пробегает дрожь. Как она может здесь находиться?

Вдруг парадная дверь распахивается, и входит Себастьян. И я невольно, словно ведомая кем-то, мчусь вниз по лестнице. Но оставшись неслышанной и незамеченной, проскальзываю за одну из высоких колонн Мраморного Зала и прячусь за ней неммым наблюдателем.

При виде Себастьяна Люсия размыкает губы. Её карие глаза словно оживают, приобретая выражение, которое трудно описать. Но затем она вдруг поворачивается в мою сторону, и от пронизывающего взгляда, переполненного ненавистью, у меня перехватывает дыхание.

Этот взгляд даёт мне понять, что пусть Люсия Рокфорд и умерла, но её присутствие в этих стенах будет ощущаться всегда. И дом, и Себастьян всё ещё принадлежат ей. А я здесь непрошенная гостья.

— Не это ли ищешь? — шепчет она, взмахивая передо мной бледной рукой, украшенной необычным кольцом с вытянутым остроконечным бриллиантом. И заходится смехом — резким, жутким, отражающимся от стен многократным эхом.

— Себастьян! — кричу я.

Но его нет. Теперь рядом с Люсией другая светловолосая девушка, чем-то похожая на... меня. Впившись в меня взглядом голубых глаз, она подбирается всё ближе и ближе.

— Кто ты? — спрашиваю я дрожащим голосом. — Ты... леди Беатрис?

На её лице застывает странная улыбка.

Я резко просыпаюсь с чувством, что сердце вот-вот выскочит из груди. Дрожащими руками нащупываю на прикроватной тумбочке лампу, и только когда комнату озаряет свет, начинаю дышать ровнее. Ни Люсии, ни другой блондинки рядом нет.

Тедди лениво потягивается у изножья кровати, даже не подозревая о моих кошмарных видениях. Поглаживая ему спинку, я размышляю над тем, что бы мог значить этот сон. Почему кухня предстала в нём такой враждебной? Возможно, моё подсознание *представило* её врагом из-за чувства вины за давнюю симпатию к Себастьяну? Или потому, что теперь я знаю, как она ко мне относилась? И кто была та вторая девушка — альтернативная версия меня? Или леди Беатрис?

— Спокойно, Имоджен, — строго наставляю сама себя, — с этим тебе ещё предстоит разобраться.

Тедди поглядывает на меня с немым вопросом.

— Да знаю, знаю, что сама с собой разговариваю, — вздыхаю я.

Тедди, потеряв ко мне всякий интерес, плюхается на бок. Как бы мне хотелось забыть обо всём и просто уснуть рядом с ним, но в голове роится куча мыслей. Я знаю, что должна что-то сделать. Поискать дополнительные сведения о леди Беатрис и нашей предполагаемой связи кроме тех, что узнала от Себастьяна. И вдруг до меня доходит, где можно найти информации даже больше, чем в интернете или в Бодлианской библиотеке.

В рокфордскую библиотеку со дня приезда я не заходила ни разу. Когда-то это было моё любимое место во всём доме, мы с мамой проводили здесь очень много времени, и, наверное... я просто не могла представить себе эту комнату без неё. Но сегодня у меня нет выбора. В библиотеке Рокфорда хранится огромное собрание книг по истории нашего рода, и я чувствую, что именно там смогу найти то, что ищу.

Я закутываюсь в халат и на цыпочках спускаюсь по парадной лестнице, освещая себе путь фонариком, зажатым в дрожащих руках. Крадучись во тьме, я не могу отделаться от чувства, что вокруг витают призраки, что лица с портретов провожают меня взглядами, и с тоской вспоминаю комфортабельную квартиру семьи Марино, слишком современную и хорошо освещённую, чтобы таить в себе призраков.

Я узнаю дверь библиотеки по высокой мраморной раме. И в какой-то момент я почти уверена, что слышу за ней голос женщины, размеренно читающей вслух, и мелодичный смех двух девочек. Но эти звуки тут же стихают. Затаив дыхание, я открываю дверь, и когда включаю свет, оказываюсь в крупнейшем книжном оазисе.

Я уже и забыла, какая эта библиотека огромная; она, наверное, занимает всю западную часть поместья. Сводчатые лепные потолки, арочные окна с декоративной отделкой, скульптуры, бюсты и портреты предшествовавших герцогов и герцогинь — это место тонко сочетает в себе дух литературы и искусства. Изготовленный в XVIII веке письменный стол из красного дерева с выдвижной крышкой так и манит писателя. Резные белые стеллажи, тянущиеся вдоль стен, вмещают тысячи книг.

Проходя вглубь библиотеки, я чувствую прилив ностальгии, но всё равно улыбаюсь. Ведь это просто рай для книголюба. Я прохаживаюсь между стеллажей, распределённых по тематикам, пока не нахожу раздел «*История рода Рокфорд*». Пробегая взглядом по корешкам, я пропускаю две полки томов, посвящённых первому герцогу и его битвам, и дохожу до времён леди Беатрис. И хотя кажется, что здесь можно найти жизнеописание всех герцогов и герцогинь вплоть до моего дедушки, мне не удаётся обнаружить книг ни о пятом герцоге, ни о герцогине. Пролистав три разных издания, содержащих ведомости обо всех поколениях Рокфордов, я не нахожу даже упоминания о леди Беатрис. Всё проясняется, когда я раскрываю большую иллюстрированную книгу про рокфордские сады — из неё вырвана страница.

Кто-то явно пытался уничтожить любые письменные упоминания о леди Беатрис. Но это лишь ещё больше укрепляет мое стремление узнать о ней больше.

Уставившись в книгу, я нервно барабаню пальцами по полке, всецело поглощённая своими мыслями, и, видимо, поэтому не сразу замечаю пометку на обложке: «Собственность Архива поместья Рокфорд».

Архив поместья Рокфорд...

Я смутно припоминаю, что видела такое название на карте поместья, которую несколько недель назад дал мне Гарри Морган. Это место *реально* существует, и если упоминание о леди Беатрис в открытой рокфордской библиотеке кому-то неудобно, то в частных архивах наверняка сохранились хоть какие-то сведения о её жизни.

Я второпях запикиваю книгу обратно на полку и взбегаю вверх по лестнице. Не могу дождаться, когда в моих руках окажется карта и связка ключей, полученная от Оскара в день приезда. Выхватив ключи из ящика письменного стола, я молюсь про

себя, чтобы хоть один из них подошёл к нужной двери.

С картой в одной руке и фонариком в другой я отправляюсь на поиски Архива, расположенного в одной из четырёх башен поместья. Карта ведёт к двери, спрятанной в обшивке стены Мраморного Зала, за которой я обнаруживаю витую каменную лестницу. Я поднимаюсь всё выше и выше, и, когда ноги уже начинают гудеть от усталости, добираюсь до узкой каменной двери. Суетливо перебирая пальцами, проверяю каждый ключ на связке и наконец с предпоследней попытки отпираю замок.

Переступив порог, я с любопытством оглядываюсь по сторонам. Комнатка небольшая и ничем не примечательная — ряд одинаковых картотечных шкафов да несколько коричневых коробок. Но вид из окна открывается просто невероятный: передо мной как на ладони бескрайние рокфордские парки, озеро и мост, освещённые звёздным сиянием. Словно ожившая картина.

Единственным источником света здесь служит антикварная настольная лампа, которая едва брезжит, поэтому обследуя картотечные шкафы, я подсвечиваю себе фонариком. И когда понимаю, что порядком здесь и не пахнет, у меня опускаются руки. На разбор этих завалов уйдут месяцы.

Я тяжело опускаюсь на пол и обхватываю руками колени. Уже почти три часа ночи, я измотана морально и физически, и мечтаю лишь о том, как бы поскорее улечься в кровать. Но после стольких усилий, потраченных на поиск архивов, разве можно сейчас всё бросить?

Вдруг в голову приходит идея, и хотя, даже обдумывая её, я чувствую себя глупо, но другого способа разобраться с этими горами бумаг просто не вижу.

— Леди Беатрис... — произношу сначала шёпотом, а затем, прочистив горло, немного громче, — леди Беатрис. Если... если вы здесь... где-то... пожалуйста, помогите найти то, что я ищу.

Кажется, я взываю к ней целую вечность, повторяя свою мольбу до онемения, пока слова не начинают терять смысл. Но... ничего не происходит.

Я заставляю себя подняться на ноги. Дурацкая была затея. Ну кто в здравом уме догадается просить помощи у духа? Наверное, я схожу с ума. Мысль не самая утешительная.

Вдруг откуда ни возьмись в башне пронесится порыв ветра, вырывая у меня из рук фонарик. Я оглядываюсь. Окно заперто наглухо, так откуда же он взялся?

И тут, проследив за лучом фонарика, я замечаю между двумя картотечными шкафами небольшую коробку, обозначенную моим именем, и ошеломлённо зажимаю рот ладонью.

Время словно останавливается, пока я вытягиваю коробку. А когда снимаю крышку, сердце в груди сжимается. При виде того, что под ней находится, я мысленно возвращаюсь в прошлое. Здесь мои школьные рисунки, таблицы, детские фотографии вперемешку с письмами, в которых мама сообщала бабушке о моих последних достижениях. Перечитывая их, я чувствую, как к горлу подкатывает ком.

«5 декабря 1998 года.

Сегодня Имоджен произнесла первое слово! «Папа». Эдмунд был вне себя от счастья. Мы знали, что она будет папиной дочкой...»

«23 октября 2006 года.

Огромное спасибо, наш дорогой, за прекрасный браслет для Имоджен. Он ей очень понравился. День рождения прошёл просто замечательно! Даже не верится, что нашей малышке уже десять, правда?»

На глаза наворачиваются слёзы, и я бросаю письмо обратно в коробку. Это был мой последний день рождения с мамой и папой. Я помню этот праздник, подарки, счастливые лица родителей, поющих мне поздравительную песню. Никому тогда и в голову прийти не могло, что скоро их не станет.

Последними в коробке, содержимое которой явно не обновлялось со дня пожара, лежат два листка. Это страницы из журнала. Я вытягиваю их и отыскиваю глазами название статьи и имя автора.

ЖУРНАЛ «АЙСИС»

ИЗДАНИЕ ОКСФОРДСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

21 МАЯ 1988 ГОДА

«РОКФОРДЫ ИЗ УИКЕРШЕМА: ОБЩЕСТВЕННОЕ МНЕНИЕ И ЗАБЛУЖДЕНИЯ»
ЛОРД ЭДМУНД АЛЬБЕРТ РОКФОРД

При виде папиного имени я застываю как вкопанная. Понятия не имею, по чьей оплошности журнальная статья, написанная отцом двадцать шесть лет назад, оказалась в коробке с моими вещами, но я этому несказанно рада, поэтому тут же начинаю читать.

«На чести любого рода есть свои тёмные пятна. Личности распутные, безнравственные, аморальные есть едва ли не в каждом знатном английском семействе. Их истории знакомы нам от и до; мы читали о них в книгах, наблюдали в домах соседей, а возможно, и переживали в собственных семьях. Но что, если аморальность человека выходит за рамки нашего понимания? Как определить «хороший» человек или «плохой», исходя из того, с чем раньше никогда не сталкивался? По каким принципам составить своё суждение?»

Приезд в поместье Рокфорд её светлости герцогини Беатрис всколыхнул весь Уикершем. Её брак с пятым герцогом, заключённый в 1830 году, стал первым межатлантическим союзом между английским аристократом и американской богатой наследницей. Новость о том, что девятнадцатилетняя американка станет хозяйкой поместья Рокфорд, вызвала значительный интерес. Но чем дальше, тем больший общественный резонанс возникал вокруг её персоны. Вскоре после приезда молодой американской красавицы, среди прислуги, а потом и по всему Уикершему поползли слухи о пугающих происшествиях в поместье. Тогда Беатрис впервые назвали «последовательницей оккультизма». Теперь, спустя более ста лет, леди Беатрис Рокфорд (1811–1850) известна как «нечестивая американка», а муж, отправивший её на казнь, выставлен жертвой.

Но такая расстановка ролей в корне неверна. Настоящим пятном на чести нашего рода является мой предок — герцог, убивший свою жену лишь за то, что она обладала умениями, о которых он не имел представления. Он испугался того, чего не понимал, и позволил страху взять над собой верх. Но неужели в обладании необычными способностями есть что-то заведомо плохое? Вероятней всего, леди Беатрис и сама была не рада этому дару. Да и за исключением поджога сада, который она тотчас же восстановила, других свидетельств об использовании ею своих сил во вред кому-либо просто нет. Если мы будем считать преступлением всё, чего не можем объяснить, то сами себя погубим. Но если научимся воспринимать чужие отличия как что-то прекрасное и удивительное — даже такие, и особенно такие поразительные, как у леди Беатрис, то сделаем наш мир только лучше».

Я дочитываю статью, не сдерживая слёз. *Он знал.* Вот почему эти страницы оказались на дне моей коробки. Он хотел, чтобы я их нашла.

Впервые за семь лет мне кажется, что папа находится рядом, в одной комнате со мной; я почти слышу его голос. Я знаю, что именно благодаря ему нашла эту статью тогда, когда это было мне действительно необходимо. И потрясённо осознаю, что почти за десять лет до моего рождения папа опубликовал статью, содержащую те самые слова, которые он несомненно сказал бы, будь сейчас рядом. Что бояться не нужно. Что именно мои отличия делают меня особенной. Что в сопоставлении с леди Беатрис нет ничего постыдного.

Загадочные папины у Лабиринта; взгляды, которыми они мамой обменивались в церкви; их странный разговор — теперь я понимаю, что всё это означало. Он всегда знал, что я другая. Как леди Беатрис.

Я поднимаюсь на ноги с улыбкой на лице. Теперь, когда я больше не боюсь своего дара, мне не терпится его испытать. Если я и правда элементарь, как говорил Себастьян, то смогу управлять четырьмя стихиями. Так что...

С колотящимся сердцем я распахиваю окно и, устремив взгляд на крону растущего рядом дерева, протягиваю к нему руки. Внезапно один листочек отрывается от ветви, но вместо того чтобы упасть вниз, плывёт по воздуху прямо ко мне, и от этого захватывает дух. Потом отрывается второй листок, третий — и вот уже целый зелёный вихрь влетает в окно и окружает меня.

Я опускаю руки, и листва тут же осыпается к моим ногам. Душу наполняет приятное возбуждение. Это было... неопишимо.

Я наклоняюсь, чтобы поднять несколько листочков, и вдруг луч фонарика падает на ещё одну коробку. Надпись на ней лишает меня дара речи: «ЛЕДИ ЛЮСИЯ РОК-ФОРД.»

Открыть её или нет? Знаю, что делать этого не стоит — она расценила бы это как вторжение в личную жизнь. Но у меня не будет другой возможности узнать, какой была моя кухня. Её вещи — всё, что у меня есть.

Дрожащими руками я открываю коробку и, обнаружив такую же, как у меня, стопку школьных фотографий и табелей, с огорчением понимаю, что её содержимое тоже давно не обновлялось. Видимо, у бабушки, или кто там этим занимался, не хватило духу продолжить своё дело после пожара. Единственное, чем отличается её коробка — наличие пачки счетов, верхний из которых датирован 2007 годом.

«ПОДГОТОВИТЕЛЬНАЯ ШКОЛА ПОРТ РЕГИС.

ЧЕЛТНЕМСКИЙ ДЕТСКИЙ КЛУБ ВЕРХОВОЙ ЕЗДЫ.

Д-Р АРЧИБАЛЬД ГЕРОН, ПОВЕДЕНЧЕСКИЙ ДЕТСКО-ПОДРОСТКОВЫЙ ПСИХОТЕРАПЕВТ»

— *Психотерапевт?* — озадаченно перечитываю вслух.

Я подставляю счёт под луч фонарика. В конце концов, в таком мраке я запросто могла что-то напутать. Хотя нет. Вот она дата, напечатанная жирным шрифтом. Счёт был выписан за месяц до пожара в июне 2007-го. Внизу надпись неразборчивым почерком: «*Всё ещё страдает галлюцинациями и раздражительностью. Пациентке рекомендуются более частые посещения.*»

Я потрясённо выпускаю бумаги из рук. Периодические вспышки гнева у Люсии я помню, но галлюцинации? Если это правда, то как ей удавалось так хорошо скрывать свои проблемы?

Вдруг на душе становится гадко, словно я зашла слишком далеко. Я ведь сама посещала сеансы психотерапии и прекрасно знаю, что они должны оставаться конфиденциальными. И вот она я — копаюсь в медицинских записях о кузине. Я возвращаю счёт на место и плотно закрываю коробку.

«Призраки никуда не уходят...»

Вспомнив слова Мэйси, я чуть не подпрыгиваю. Если есть хоть небольшая вероятность того, что она права, и Люсия действительно за нами наблюдает... то она только что видела, как я роюсь в её личных вещах.

Содрогнувшись при этой мысли, я хватаю страницы с папиной статьёй и со всех ног удираю из башни. Но спускаясь по длинной лестнице, задаюсь всё новыми и новыми вопросами.

До пожара у Люсии было всё. Дома её обожали, ей потворствовали, она была популярной в школе, в любой обстановке — невозмутимой и уверенной в себе, умудрялась достойно выйти из любой неловкой ситуации. Так откуда же взяться этим предполагаемым психическим и поведенческим проблемам? Почему и как ей удавалось сохранять это в секрете?

Становится очевидно, что наша детская дружба, которая так много для меня значила, не была такой уж искренней, как я считала. И я уже сомневаюсь, а знала ли я вообще Люсию настоящую?

Мне не терпится показать папину статью Себастьяну, но сначала я обязана посвятить целый день обязанностям герцогини. После завтрака мы Оскаром и миссис Малгрейв долго обсуждаем ежегодное Рокфордское Шоу Фейерверков. Естественно, они всё давно спланировали сами, а меня пригласили только, чтобы ввести в курс дела, но присутствие Оскара несказанно меня успокаивает — от одной только мысли, что всё это время я могла провести наедине с миссис Малгрейв, по телу пробегает дрожь.

Перед очередной встречей с Джеммой я успеваю связаться по Skype с Марино, общение с которыми для меня как глоток свежего воздуха. Я с облегчением замечаю, что Кэрол и Кит уже не такие угрюмые, а Зои в своём репертуаре болтает без умолку. Они засыпают меня вопросами, и, изложив существенно подправленную версию событий с матча по поло и ужина у Стенхоупов, я осознаю, как много всего приходится утаивать.

После просмотра вместе с Джеммой моего «Летнего Календаря Мероприятий» и очередного урока этикета с Бейзилем Кроуфордом я наконец-то свободна.

Взволнованно отыскивая номер Себастьяна, я тщательно обдумываю текст сообщения и в итоге пишу просто: «Привет. Не передумал насчёт Лабиринта? Имоджен».

Уставившись на телефон в ожидании ответа, я начинаю понимать смысл выражения «сидеть как на иголках». Я пытаюсь занять себя чтением, глупой игрой на iPad, но всё равно не могу отвлечься от не-издающего-ни-звука телефона. И только уже почти отчаявшись, наконец слышу сигнал.

«Прости, был на тренировке. Подъехать сейчас?»

С замиранием сердца я отправляю слово: «Да».

Я стою у входа в Лабиринт со стенами из живой изгороди, футов десяти в высоту. В последний раз я была здесь вместе с отцом много лет назад и сейчас на какой-то миг теряюсь во времени. Ничего не изменилось. Можно подумать, что мне снова десять лет, и в любую минуту из-за угла покажется папа.

— Имоджен.

Я цепенею. Неужели и правда вернулась в прошлое? Неужели это он? Но обернувшись, вижу приближающего Себастьяна и испытываю весьма спутанные чувства: мое сердце одновременно болит и радуется. Не его я так надеялась сейчас увидеть —

тот человек никогда не вернётся. Но при виде Себастьяна на моих губах расцветает улыбка, а в животе начинают порхать бабочки... и я понимаю, что чувства к нему — единственное, что проходит через всю мою жизнь от самого детства. Так как же они, пусть даже не взаимные, могут быть неправильными, напрасными, если связывают меня с собой прежней?

— Ты в порядке? — спрашивает Себастьян, подойдя поближе.

— Просто вспомнила о родителях, — признаюсь я, — в последний раз я была здесь... в тот день. С папой.

Себастьян смотрит на меня с сочувствием.

— Это действительно тяжело, — он замолкает, — ты хорошо их помнишь?

— Да, жаль только, что почти все воспоминания относятся к тому последнему дню... наверное, потому что я часто вижу его во сне.

Себастьян в успокоительном жесте кладет руку на моё плечо, и мне ещё больше хочется ему довериться.

— Это повторяется каждые несколько недель. Сон начинается невинно, даже дарит мне ложное чувство счастья. И хотя в итоге он всегда обращается кошмаром, и я просыпаюсь в холодном поту, всё равно не хочу, чтобы он перестал мне сниться. Потому что благодаря ему наш последний разговор с папой я знаю наизусть. Потому что благодаря ему я помню лица родителей и их улыбки. Этот кошмар не даёт мне их забыть.

— Джинни.

Вдруг я чувствую прикосновение тёплых сильных рук Себастьяна и оказываюсь в его объятиях. Спрятав голову на его груди, я наслаждаюсь нашей близостью. Знаю, это дружеские утешительные объятия и не более. Но сейчас это всё, что мне нужно.

Внезапно перед глазами отчётливо возникает образ Люсии, и я виновато отодвигаюсь от Себастьяна.

— Прости. Это я должна сейчас тебя утешать. Ведь здесь... в этом месте она... — я запинаюсь, чтобы не произнести последнее слово: *умерла*, — для тебя это, видимо, ещё труднее.

Себастьян угрюмо отводит взгляд.

— Не хочу об этом говорить. Я же сказал, что справлюсь. Не беспокойся

Я окидываю его взглядом, прикусив губу.

— Хорошо. Если ты в этом уверен... Я хочу показать тебе кое-что.

Я достаю из кармана свитера статью отца и протягиваю её Себастьяну.

Читая её, он меняется в лице, а когда снова поднимает глаза, видно, что он впечатлен.

— Твой папа был для меня героем ещё с тех пор, как учил играть в поло. А прочитав это, я стал о нём ещё более высокого мнения.

Я улыбаюсь сквозь слёзы.

— Это очень много для меня значит.

Себастьян переводит взгляд на вход в Лабиринт.

— Готова?

Я киваю и, задыхаясь от волнения, иду вслед за Себастьяном. Лабиринт, как отдельный мир: стоит сюда попасть, и всё остальное пропадает из виду, перестаёт существовать. Остаётся лишь нескончаемая узкая тропинка, петляющая между высокими зелёными стенами.

— Заметно, что Макс годами сюда не заглядывал, — говорю я Себастьяну, чуть не споткнувшись о валяющуюся ветку, — тут всё так запущено, что недолго и ногу сломать.

Я без задней мысли наклоняюсь, чтобы убрать её с дороги, но как только касаюсь земли, разбросанные ветки и увядшие растения словно растворяются в воздухе. Се-

бастьян потрясённо вздыхает.

— Извини, — я издаю нервный смешок, — я не хотела.

Почувствовав лёгкое прикосновение, я с удивлением осознаю, что это Себастьян берёт меня за руку.

— Не извиняйся. Это потрясающе.

Я смотрю на него с благодарностью. Он даже не представляет, какое это облегчение — знать, что даже став свидетелем моей самой страшной тайны, он смотрит на меня не с опаской, а с трепетом.

— Спасибо, — я улыбаюсь, — признаюсь, мне и самой интересно, на что ещё я способна.

— Еще бы! Кстати, я никогда не видел рокфордские сады такими... цветущими.

— Ага, видимо, мои силы начали влиять на земли поместья с самого моего приезда, — отвечаю я, — Макс сказал то же самое на прошлой неделе. Кажется, он что-то подозревает.

Себастьян смотрит мне прямо в глаза.

— Ему можно доверять?

— Да, пожалуй, — говорю задумчиво, — то есть, я, конечно, не собираюсь ему ничего рассказывать. Но я бы сказала, что беспокоиться не о чем.

— Хорошо, — Себастьян кивает, и от его заботливого тона у меня голова идёт кругом.

Шагая рядом с ним по тропинке, заросшей сорняками, я время от времени прикасаюсь к земле, расчищая нам путь.

— Что ты чувствуешь при этом? — спрашивает Себастьян, наблюдая за мной с любопытством.

— Попробуй сам, если хочешь.

Пытаясь принять свой самый равнодушный вид, я беру его за руку, и мы вместе тянемся к живой изгороди. Он начинает тяжело дышать, а я, напротив, задерживаю дыхание, когда наши сплетённые ладони прикасаются к зелёным стеблям. По кончикам пальцев, по всему моему телу будто пробегает электрический разряд — мощный как никогда. Себастьян удивлённо вскрикивает, и я оборачиваюсь. Зелёные стены лабиринта поменяли цвет на ярко-фиолетовый. Самый красивый цвет, который я когда-либо видела.

Мы с Себастьяном одновременно поворачиваемся, и чуть не наталкиваемся друг на друга. Он кладёт руку мне на бедро, пытаюсь поддержать, и я заливаюсь краской. Это прикосновение пробуждает во мне что-то даже более сильное, чем способности элементаля. Я поднимаю глаза и встречаюсь с ним взглядом. Его лицо все ближе, и, кажется, сейчас может произойти всё, что угодно...

Ни с того ни с сего раздаётся раскат грома, и мы отскакиваем друг от друга. Волшебство разрушено.

— Лучше нам убираться отсюда, пока не начался ливень, — говорит Себастьян, поднимая глаза к небу.

Я киваю с чувством легкого разочарования.

Он по памяти выводит нас обратно к входу, а я молча иду следом. Мы возвращаемся во внешний мир как раз с началом дождя. Себастьян снимает пиджак и набрасывает его мне на плечи.

— Спасибо, — говорю я, — и за то, что пошёл со мной, тоже спасибо. Ты настоящий друг.

На его лице мелькает улыбка.

Мы проходим вдоль стены Лабиринта, старательно отводя взгляд от расположенных всего в нескольких шагах ворот Тенистого Сада, пробуждающего столь тяжёлые воспоминания.

Добежав до чёрного входа в поместье, я приглашаю его на чай.

— Спасибо, но мне уже пора, — отвечает он, — я припарковал машину у ворот, так что пойду этой дорогой.

— Хорошо. Жаль только, что придётся ещё добрую милю брести под дождём, — я снимаю пиджак и отдаю ему, — почему же ты не припарковался возле дома?

— Я, эмм... — он заминается, — просто не хотел пересекаться с кем-либо из прислуги.

— Конечно, — быстро говорю я, — я понимаю.

Пойти со мной в лабиринт — это одно. Но войти в дом, где жила Люсия, встретиться лицом к лицу с её служанкой, домоправительницей и дворецким, объяснять, что он тут делает... Я понимаю, насколько это было бы для него болезненно, и чувствую себя немного виноватой.

— Мы сможем вернуться в Лабиринт, как только ты будешь готова. Просто дай мне знать, — говорит Себастьян прежде, чем уйти.

XII

Возвращаясь в поместье, я замечаю на одном из окон открытые ставни. Ставни, которые с самого моего приезда были затворены. Заглядываю в окно, и по спине пробегают холода. В спальне Люсии кто-то есть.

Я перепугано поднимаюсь по ступенькам, вхожу в дом и с немалым облегчением замечаю в Мраморном Зале Оскара.

— Добрый вечер, ваша светлость, — говорит он, склоняясь в поклоне.

— Привет, Оскар. Эмм, не знаю, как сказать, но... — я заминаюсь, — кажется, я видела кого-то в комнате Люсии. И там окно открыто.

Оскар хмурится.

— Уверен, это была миссис Малгрейв. Надеюсь, она вас не напугала.

— Миссис Малгрейв? — переспрашиваю я. — Что она там делает?

— Видите ли, она была очень привязана к леди Люсии, — смущённо объясняет Оскар, — миссис Малгрейв заменила ей рано ушедшую мать и любила как родную. В общем, она... находит утешение, ежедневно убирая в комнате Люсии, будто ничего не произошло.

Мне становится не по себе.

— Что ты хочешь этим сказать? Неужели она приходит туда и представляет, что Люсия всё ещё жива?

Оскар опускает глаза.

— Думаю... да. Признаюсь, меня это тоже смущает, но не нам её судить. Она, наверное, тяжелее всех переживала смерть Люсии.

— Тогда не удивительно, что она меня недолюбливает, — заключаю я с щемящим чувством в груди, — она не может смириться с тем, что здесь живу я, а не Люсия.

— Пожалуйста, не надо так думать, — взволнованно говорит Оскар, — уверен, вы ей нравитесь.

— Всё нормально, больше притворяться не нужно, — отвечаю я, — по крайней мере, теперь я всё понимаю.

Последующие дни представляют собой странное сплетение волнующего и пугаю-

щего.

Мы с Себастьяном возвращаемся в Лабиринт, и хотя по-прежнему не можем дойти до центра, я чувствую, что стала ближе... и к водному камню, и к нему. Однако с наступлением ночи меня начинают мучить кошмары, всё более яркие и жуткие. Мне является Люсия — разъярённая, грозная, и после каждого такого сновидения я клянусь себе, что буду держаться подальше от Себастьяна, но решительности хватает лишь на несколько минут после пробуждения. Знаю, мы можем быть только друзьями, но и полностью отказаться от него не могу.

Вопреки моему желанию, чувства к Себастьяну лишь усиливаются, и я всё чаще ловлю себя на мыслях о нём и Люсии. Какими были их взаимоотношения? Знал ли он о её проблемах, или она скрывала их так же хорошо, как и от меня? Каждый раз, глядя на меня, не думает ли он о Люсии? И не потому ли он так часто погружается в мрачное молчание, что скучает по ней, и мечтал бы видеть её на моем месте? Но, конечно же, ни один из этих вопросов я никогда не осмелюсь задать вслух.

За два дня до Рокфордского Шоу Фейерверков я собираюсь в Большой Винздорский Парк на благотворительный матч по поло с участием Себастьяна, на который мы с Тео приглашены в качестве зрителей.

Джемма, услышав об этом, пришла в восторг.

— Это же поло клуб самого принца Филиппа! Не забудьте о королевском реверансе, которому вас обучил Бейзил.

В этот раз наряд я выбираю сама — останавливаюсь на простом белом сарафане и суперустойчивых чёрных туфлях без каблуков. Одевшись, украдкой выскальзываю из дома. Лишь бы не наткнуться на миссис Малгрейв или Мэйси — они последние, кому бы я хотела рассказывать, куда иду. Но, к счастью, никто, кроме Оскара, меня не увидел.

Алфи уже ждёт в Астон Мартине. Я устраиваюсь на заднем сидении и с самого начала часовой поездки в Винздор поворачиваюсь к окну. Прокатившись вдоль Темзы, мы попадаем в город, на вид даже более старый, чем Оксфорд, с мощёными улочками и каменными домами. Алфи показывает на Винздорский замок, и я, вытянув шею, разглядываю это величественное строение с зубчатыми стенами.

— Ему больше девяти сотен лет, можете себе представить? — замечает Алфи.

— Солидный возраст, — присвистываю я, — и королева сейчас там?

— Нет, она проводит лето в Сандрингеме. Но Винздор для неё один из самых любимых домов.

Алфи сворачивает в Большой Виндзорский парк, от которого к замку ведёт трёхмильная дорога, обсаженная зеленью. Миновав сады и озеро, мы наконец подъезжаем к Гардс Поло Клуб. Алфи настаивает на том, чтобы сопроводить меня к ложе Стенхоупов, где ждёт Тео, и хотя я слегка смущена, но не спорю. Этот стадион такой огромный, что я запросто могу заблудиться.

Поднимаясь на трибуны следом за Алфи, я опускаю голову, ослеплённая вспышками направленных в нашу сторону фотокамер. Этого стоило ожидать — форма Алфи с эмблемой Рокфорда выдаёт меня с головой. Но, увидев улыбающегося Тео с ямочками на щеках, я сразу расслабляюсь.

— Привет, Имоджен! — при виде меня он поднимается с места.

— Привет, Тео, — говорю я, приобнимая его.

— Что ж, я вас оставлю, — Алфи почтительно склоняет голову, — рад был повидаться, мистер Стенхоуп.

Попроцавшись с Алфи, мы с Тео занимаем свои места.

— Сто лет не виделись, — говорит он, устраивая руку на спинке моего сидения, — как я понимаю, свободное время ты проводишь с моим братом.

Я смущённо опускаю глаза.

— Ага. Мы... у нас общий курс в летней школе Оксфорда.

— Но ведь занятия ещё не начались, — уточняет Тео. В его голосе мелькает нотка резкости, но он тут же посылает мне улыбку, словно говоря «расслабься». Ну естественно, это был просто дружеский подкол.

— Да, но Себастьян меня немного подтягивает, — сходу вру я, — ведь в Америке я училась совсем по другой программе.

Не знаю, что толкнуло меня сочинить эту байку; она просто сорвалась с языка и всё. К счастью, Тео не заостряет на этом внимание, а начинает деловито рассказывать о команде противников и самых перспективных её игроках.

Матч начинается. Когда на поле появляется Себастьян в форме команды Оксфорда, красивый как никогда, у меня сердце выскакивает из груди. Я слышу, как девушки с задних трибун приветствуют его, присвистывая и аплодируя. И переглядываюсь с Тео.

— Это Цыпочки, — со смешком объясняет он, — группа ярких фанаток.

— Оу, — оглянувшись на девушек, я не могу не отметить, какие идеальные у них фигурки, как соблазнительно они выглядят в своих обтягивающих нарядах. А ведь Себастьян может выбрать себе любую. Эта мысль очень угнетает, хоть я и прекрасно понимаю, что он для меня под запретом.

Обернувшись обратно, я вижу, что Себастьян ищет кого-то в толпе. А когда наши взгляды встречаются, он расплывается в улыбке, и я улыбаюсь в ответ, заливаясь краской. Я ощущаю на себе взгляд Тео и понимаю, что нужно реагировать спокойнее, но не могу перестать улыбаться... даже после стартового свистка.

Тео предлагает отметить победу в Old Ticket Hall — баре с живой музыкой, расположенном неподалёку. Пытаясь отвязаться от назойливого внимания болельщиц, Себастьян прячется в раздевалке, а спустя некоторое время выходит уже в тёмных джинсах и чёрной жилетке, надетой поверх рубашки. Я смотрю на него с досадой: ну как можно быть таким возмутительно красивым? Мог бы вырасти и чудачком со сросшимися бровями, или хотя бы вытворить чего, чтобы меня от себя отвадить.

Мы садимся в такси и быстро подъезжаем к размещённому на старой улочке заведению, до отказа забитому посетителями. Себастьян проводит нас внутрь и каким-то чудом находит свободную кабинку. Я проскальзываю туда следом за ним, а за мной и Тео.

— Что будешь пить? — спрашивает Себастьян.

— Ну... в моей стране возрастное ограничение по алкоголю выше, так что я не сильно в этом разбираюсь, — признаюсь я, — закажите мне что-нибудь на свой вкус.

— Тогда давайте возьмём Pilsner. Хороший выбор для новичков.

Когда приносят наши напитки, я поднимаю бокал.

— За очередную победу Оксфорда, — улыбаюсь обоим братьям, — и за старых друзей.

Мы соприкасаемся стаканами, и я делаю первый глоток. На вкус Pilsner гораздо горче, чем я себе представляла, и я невольно кривлюсь.

— Воды, пожалуйста! — окликаю проходящую мимо официантку под хохот Себастьяна и Тео.

— погоди, не ставь на Pilsner крест, — говорит Тео, легонько толкая меня локтем, — к нему нужно привыкнуть, тогда тебе обязательно понравится.

— Ох. Ладно, попробую, — я отпиваю ещё немного, но вкус по-прежнему оставляет желать лучшего. Зато с четвёртого глотка пиво уже кажется почти... сладким.

— Да оно же печеньками пахнет! — восклицаю я, громко стукнув кружкой по сто-

лу, как часто делают в фильмах.

— Поглядите-ка, кто-то уже захмелел, — хихикает Себастьян, — это ещё хорошо, что я заказал всего полпинты.

Спустя полчаса моя кружка почти опустела, и пиво порядком ударило мне в голову. Общение идёт как по маслу; и я то и дело захожусь смехом от, казалось бы, сдержанного британского юмора Себастьяна и Тео.

Услышав, что джаз-бэнд начинает настраивать инструменты, я тут же вскакиваю с места.

— Идёмте танцевать!

Тео морщит нос.

— Но сегодня же вечер джаза.

— Музыка есть музыка, — авторитетно заявляю я, словно открывая великую мудрость, и, схватив братьев за руки, заставляю их подняться, — ну же, давайте!

Когда мы подходим к сцене, трио музыкантов одаривает нас благодарными улыбками. Похоже, мы их единственные слушатели — остальные посетители продолжают общаться между собой и громко смеяться, упорно не обращая внимания на музыку.

— Кто хочет потанцевать? — спрашиваю я, осмелев от алкоголя.

Тео отступает, неловко улыбаясь:

— Из меня танцор неважный.

— Тогда ты, — я хватаю Себастьяна за руку.

— Но как можно танцевать под джаз? — удивляется он.

— А вот так.

Я кладу руки Себастьяна себе на талию, а сама обнимаю его за шею, и мы начинаем танцевать под ритмичное баюкание саксофона, фортепиано и гитары. Прикосновения опьяняют ещё больше, и мне приходится собрать в кулак всё самообладание, чтобы не выдать своих чувств.

— А ведь до сегодняшнего дня я понятия не имела, что люблю джаз, — шепчу я на ухо Себастьяну.

Он улыбается в ответ.

Музыканты ускоряют темп, переходя к более динамичной части композиции, и наши движения оживляются. Себастьян начинает меня кружить и в какой-то момент даже наклоняет. Разгорячённые танцем, мы смеёмся и прижимаемся друг к другу всё ближе и ближе.

С окончанием песни саксофонист откладывает свой инструмент и берёт в руки аккордеон.

Я легонько толкаю Себастьяна локтем:

— Оох. Интересно, чем он нас теперь удивит?

Гитарист наклоняется к микрофону и начинает медленно напевать:

Кружит листва

в осеннем танце,

кружит листва

в моем окне.

Тот летний день

*и нежность пальцев,
и сладость губ*

так часто снятся мне.¹²

Его хриплый вкрадчивый голос проникает в самую душу. Рука Себастьяна возвращается на мою талию, и мы, прижавшись друг к другу, покачиваемся в такт музыке. Мелодию подхватывает аккордеон, и звучит это так красиво, так душераздирающе, что, кажется, я переносюсь в другое место и время.

А без тебя

дни стали дольше.

Зимы мотивы

скоро зазвучат.

Но всё равно, родная,

*я тоскую больше,
когда в окне*

кружится листопад.

Встретившись взглядом с Себастьяном, я понимаю, что сейчас мы думаем об одном и том же. Эта песня как будто о нас. О лете, когда мы распрощались. Он наклоняется ближе, и у меня замирает сердце. Неужели... собирается меня поцеловать? Но тут я замечаю, что он, стиснув зубы, смотрит куда-то в сторону.

— Что-то мой брат загрустил. Кажется, он был бы не против поменяться со мной местами.

— Ээ... но он не тот брат...

Только произнеся эти слова, я понимаю, что умудрилась ляпнуть, и в ужасе зажимаю рот ладонью. Неужели я только что призналась в своих чувствах? Посреди бара? Себастьян смотрит на меня, широко раскрыв зелёные глаза. Да, определённо призналась.

Песня заканчивается, и я, побагровев от стыда, убегаю к Тео.

До конца вечера мы с Себастьяном героически делаем вид, что ничего не произошло. Но произнесённые мной слова словно повисли в воздухе между нами невидимой стеной.

Вернувшись домой, я обнаруживаю под дверью своей спальни заходящегося лаем Тедди.

— Что случилось, малыш?

Я опускаюсь на корточки, и щенок, положив лапы мне на колени, кивает мордочкой в сторону двери. И тут я ощущаю запах дыма.

Моментально протрезвев, я распахиваю дверь. Из мусорной корзины, стоящей у письменного стола, вырываются языки пламени. Они ползут по её стенкам, грозясь перекинуться на ковёр и заполнить всю комнату. Я оглядываюсь в поисках стакана с водой, но не нахожу, а времени в обрез.

Подхожу к пылающей корзине. Тедди пытается оттянуть меня от опасности, вцепившись в подол платья, но я его отгоняю. Я никогда раньше ничего такого не дела-

ла, но если силы элементаля могут принести пользу, то их час настал.

Я поворачиваю ладони к огню и пытаюсь сосредоточиться на мыслях о воде. Однако ничего не происходит. Не обращая внимания на отчаянный лай Тедди, я начинаю размахивать руками над корзиной, словно неудачливый фокусник. Что же я делаю не так? Почему силы не работают? Что я упускаю?

Мысли возвращаются в день, когда я вырастила цветок в Тенистом Саду, с тихой завистью наблюдая за Себастьяном и Люсией. Я вспоминаю, как, поглощенная горем, сотворила огненный шар. Как на прошлой неделе, отчаянно тоскуя по маме, вырастила розу. Как, взволнованная близостью Себастьяна, поменяла цвет живой изгороди в Лабиринте.

Сильные эмоции. Вот ключ к моему дару.

Зажмурив глаза, я пытаюсь абстрагироваться от пожара и этой комнаты и мысленно переносюсь в ночной клуб в Винздоре.

Руки Себастьяна, моя голова у него на плече, наши лица так близко...

В руках ощущается знакомое покалывание. Я открываю глаза и с трепетом наблюдаю, как по кончикам пальцев разбегаются едва заметные трещины... сквозь которые начинает сочиться вода.

Под испуганный скулёрж Тедди, я начинаю водить руками над мусорной корзиной, и струйки, стекающие с пальцев, полностью гасят огонь, оставляя лишь тянущийся дымовой шлейф.

Тедди выскакивает мне на руки и начинает облизывать лицо.

— Всё хорошо, малыш. Всё хорошо.

Я прижимаю к себе этот крохотный комочек шерсти, а когда опускаю его, удивлённо окидываю взглядом руки. Они вернулись в нормальное состояние, все трещины затянулись. То, что я только что сделала — полное безумие... и одновременно чудо.

Я заглядываю в корзину и обнаруживаю внутри ворох бумаг... и спичку. Накатывает паника. Я точно никаких спичек туда не выбрасывала. Неужели кто-то намеренно устроил поджог в моей комнате?

Раздаётся стук в дверь, и я застываю на месте, решив, что это Мэйси. Но к своему облегчению вижу в пороге Оскара, облачённого в халат и тапочки.

— Простите за беспокойство, ваша светлость, но я услышал лай и подумал... — он замолкает на полуслове. — Это дым?

— Да, — дрожа всем телом, я подвожу Оскара к мусорной корзине, — кажется, кто-то хотел устроить здесь пожар. Я требую немедленно вызвать миссис Малгрейв и Мэйси.

Но Оскар не находит никаких подтверждений их причастности к пожару.

На следующий день во время послеобеденного чаепития ко мне подходит одна из горничных, Бетси, вся в слезах.

— Ваша светлость, я не знаю, как просить прощения! Вчера вечером, чтобы обогреть к вашему возвращению спальню, я разожгла камин и... кажется, механически выбросила спичку в мусорную корзину. Я понятия не имею, как так получилось, и ужасно сожалею. Как подумаю, что могло произойти... — она запинается, наново заходясь в рыданиях.

Я пытаюсь её успокоить:

— Всё в порядке, Бетси. Ты ни в чём не виновата.

Сама я очень сомневаюсь, что спичку бросила именно она, а по-прежнему считаю, что это дело рук либо миссис Малгрейв, либо Мэйси. Любая из них могла спокойно войти ко мне в комнату и подбросить в корзину горящую спичку, с расчётом свалить вину на Бетси. Но без доказательств я ничего не могу сделать и вынуждена бок о бок с миссис Малгрейв работать над подготовкой к Рокфордскому Шоу Фейерверков, всё больше укрепляясь в своих подозрениях

В день шоу от нервов меня даже подташнивает. Это мой первый приём, а значит, придётся встретиться с кучей новых людей. И все будут глазеть на меня, следить за каждым шагом, оценивать, достойна ли я быть лицом Рокфордского Поместья. К тому же на праздник должны прийти Стенхоупы, и я очень волнуюсь перед встречей с Себастьяном... и надеюсь, что мои пьяные откровения были благополучно забыты.

С раннего утра в доме кипит работа. Сначала прибывают повара с официантами и начинают суетиться на кухне. Потом появляются музыканты и занимают места на платформе для оркестра. На Южной Лужайке рядом с Фонтанной Аллеей рабочие поверх газонов монтируют танцплощадку. Лакеи расставляют фуршетные столы и столики со стульями для гостей. Фонтанную Алею и Розовый Сад украшают гирляндами, а на другом берегу озера пиротехники настраивают своё оборудование. Во главе подготовки стоят Оскар и миссис Малгрейв. Они следят за всем и раздают указания.

— Нужна какая-нибудь помощь? — спрашиваю я, подходя к ним.

Под тяжёлым взглядом миссис Малгрейв мне становится неудобно, как будто она знает, кого я виню в пожаре. Поэтому я быстро перевожу глаза на Оскара.

— Спасибо, ваша светлость, но у нас всё под контролем, — любезно отвечает он.

— Значит, я пойду собираться, — говорю я, чувствуя себя несколько бесполезной, — всё выглядит потрясающе.

Я неспешно укладываю волосы и наношу макияж, прекрасно понимая, сколько сегодня придётся фотографироваться. В дверь стучится Мэйси и предлагает помощь, но я отвечаю, что справлюсь сама. После того ужина у Стенхоупов у меня нет к ней доверия.

Примерив первый же наряд — красное платье до колен от Александра Маккуина — я вдруг понимаю, что чувствую себя комфортно в этом амплуа. Смотрюсь в зеркало и вижу в отражении настоящую герцогиню... и впервые именно так себя и ощущаю.

Первые гости подъезжают в четвёртом часу, и вскоре рокфордские сады заполняются жителями Уикершема. В Розовом Саду резвятся дети, а взрослые потягивают шампанское и угощаются закусками. Я стою под цветочной аркой, изготовленной Максом специально к этому случаю, приветствую гостей, пожимаю им руки и улыбаюсь, так что щёки, кажется, вот-вот отвалятся. И хотя это, безусловно, скучное и однообразное занятие, но я чувствую себя счастливой. Все такие милые и так взволнованны встречей со мной, что эта обязанность кажется невероятно важной и почётной.

Ближе к шести вечера в толпе гостей появляются знакомые лица. Дрожа от волнения, я смотрю на Себастьяна, уверенной походкой направляющегося ко мне. В строгом костюме он выглядит так великолепно, что я невольно вспоминаю одну из любимых фразочек Кэрл Марино: «слишком красив себе же на беду».

— Вы проделали прекрасную работу, — говорит леди Стенхоуп после обмена приветствиями, — Рокфорд выглядит просто великолепно.

— Спасибо, хоть это и не совсем моя заслуга, — признаюсь я, — очень приятно видеть всех вас здесь.

Я бросаю взгляд на Себастьяна, и он улыбается в ответ. У меня ёкает сердце. Быть может, несмотря на моё признание в баре, ещё не всё потеряно?

В семь подают ужин, и я наконец могу дать отдых ногам. Я подсаживаюсь за столик к Стенхоупам, перекидываюсь несколькими шутками с Тео и неуверенно завожу разговор с его родителями, но Себастьян молчит. Наверно, сегодня ему здесь всё напоминает о Люсии, о праздниках, которые устраивала она. От этой мысли мне становится горько на душе. Мимо прохаживаются миссис Малгрейв с Мэйси и останавливаются, уставившись на Себастьяна. Тоже вспоминают о времени, когда они с Люси-

ей были вместе?

Подходит время главного события сегодняшнего вечера. Гости перемещаются поближе к озеру, откуда лучше всего наблюдать за фейерверком, а музыканты воодушевленно исполняют песню «Правь, Британия»¹³. И в этот момент я чувствую лёгкое прикосновение руки Себастьяна.

Я оборачиваюсь, смотрю на него и чувствую, как дыхание застревает в горле.

— Пройдёмся? — спрашивает он.

Я только и могу, что кивнуть. Не обращая на себя лишнего внимания, мы выскользываем из толпы и находим укромное местечко под высоким дубом чуть в стороне от озера — удачное для наблюдения за фейерверками, но достаточно удалённое, чтобы скрыться от лишних ушей.

— Не знаю, с чего начать, — его зелёные глаза отражают отблески лунного света, — вот уже два дня я мучаюсь в догадках и просто не могу не спросить... В тот вечер ты правда имела в виду то, что сказала?

Я сглатываю ком.

— Эмм. Боже, мне так стыдно.

— Тут нечего стыдиться, — Себастьян снова берет меня за руку, умоляюще глядя в глаза, — ты ведь понимаешь, почему я спрашиваю?

Я мотаю головой.

— Ты и так знаешь, разве нет? — выдавливаю нервную улыбку. — С детства знаешь. Я никогда не умела скрывать своих чувств.

— Тогда я догадывался о твоей симпатии, — тихо говорит он, — а теперь ни в чём не уверен.

— Я влюбилась в тебя еще девочкой, — шепчу я, — и не переставала любить. Но я прекрасно осознаю, что ты не можешь ответить взаимностью. Люсия была для тебя единственной, и мне никогда её не заменить... я понимаю это.

Пораженная собственным признанием, я чувствую, что вот-вот расплачусь, и отворачиваюсь, пряча лицо. Но он, нежно прикоснувшись к щеке, поворачивает меня обратно.

— Я должен сказать тебе кое-что, — говорит, понижая голос, — мои отношения с Люсией были... не такими, как все считают.

— В смысле? — спрашиваю я, до сих пор полыхая румянцем от своих откровений.

— Я... не любил ее.

Я смотрю на него в недоумении. Должно быть, ослышалась.

— Люсия очень изменилась, а может, это я изменился, и... оказалось, что она не совсем та девушка, с которой я хотел быть. Я сохранял отношения из-за детской привязанности, хотя и она ослабела с возрастом. Но каждый раз, когда я пытался с этим покончить, Люсия напоминала о нашем прошлом, заставляя меня чувствовать себя настоящим гадом. К тому же мои родители также загорелись идеей нашего союза и объединения семей. В этих отношениях я был как в ловушке, из которой невозможно выбраться, не задев при этом чувств близких. А потом, когда она умерла, никак не мог найти себе места. Чувствовал себя обманщиком.

Он глубоко вздыхает, словно сбросив с плеч тяжёлый груз.

— Ты не... любил ее? — переспрашиваю я, не веря своим ушам.

— Никогда не любил, — Себастьян подходит ближе, — но, кажется, я влюбляюсь в тебя.

В состоянии полного шока я открываю рот, но не успеваю произнести ни слова, потому что его губы накрывают мои, и их прикосновения — это что-то невероятное. Он притягивает меня сильнее, зарывается лицом в волосы и проводит губами по шее. У меня вырывается стон.

В небе, будто по заказу, вспыхивают первые фейерверки. Народ оживляется, и мы с Себастьяном, не отрываясь друг от друга, смотрим вверх. Сердце колотится, а в ушах всё ещё звучат его слова: «Кажется, я влюбляюсь в тебя». Об этом я мечтала всегда, но всерьёз надеяться даже не смела.

Однако миг нашего блаженства прерывается суматохой у озера. Сквозь толпу гостей, размахивая чем-то в воздухе, прорываются два человека. Даже оркестр внезапно перестаёт играть.

— Что происходит? — спрашиваю я у Себастьяна.

Он качает головой.

— Не знаю.

Вдруг к нам подбегает запыхавшийся и взволнованный Тео.

— Себастьян! — шипит он, совершенно не обращая на меня внимания. — Тебе нужно уходить отсюда, сейчас же.

— Почему? Что происходит? — спрашивает Себастьян.

— Тебя ищет полиция, — говорит Тео дрожащим голосом.

— Полиция? Зачем им *тебя* искать? — я в замешательстве смотрю на Себастьяна.

Слишком поздно. Те двое мужчин, которых мы видели у озера — полицейские, а размахивали они ордером на арест... и они только что нас заметили.

Дальше всё происходит словно в замедленной съёмке. Офицеры подходят к Себастьяну и надевают на него наручники.

— Вы не имеете права! — я слышу собственный крик. — Это мой дом, вас сюда не звали! Отпустите его немедленно, он не сделал ничего плохого!

Но они не обращают на меня никакого внимания, и, глядя на Себастьяна, я вдруг понимаю, что *он не кажется удивленным*. Что же он мог натворить?

— Себастьян Стенхоуп, вы арестованы по обвинению в убийстве Люсии Рокфорд.

— Что?! — вырывается у меня. — *Что?!*

Себастьян смотрит на меня, качая головой.

— Джинни, я всё могу объяснить...

Я набрасываюсь на полицейских:

— Это был несчастный случай! Никто её не убивал.

— Боюсь, у нас есть сведения, доказывающие обратное, — говорит один из офицеров и поворачивается к Себастьяну: — Всё, что вы скажете или сделаете, может быть использовано...

Перед глазами начинает темнеть, ноги подкашиваются, и я слышу, как Себастьян выкрикивает моё имя.

XIII

— Ваша светлость? Я поговорил с офицером полиции, и он согласился взять у вас показания завтра.

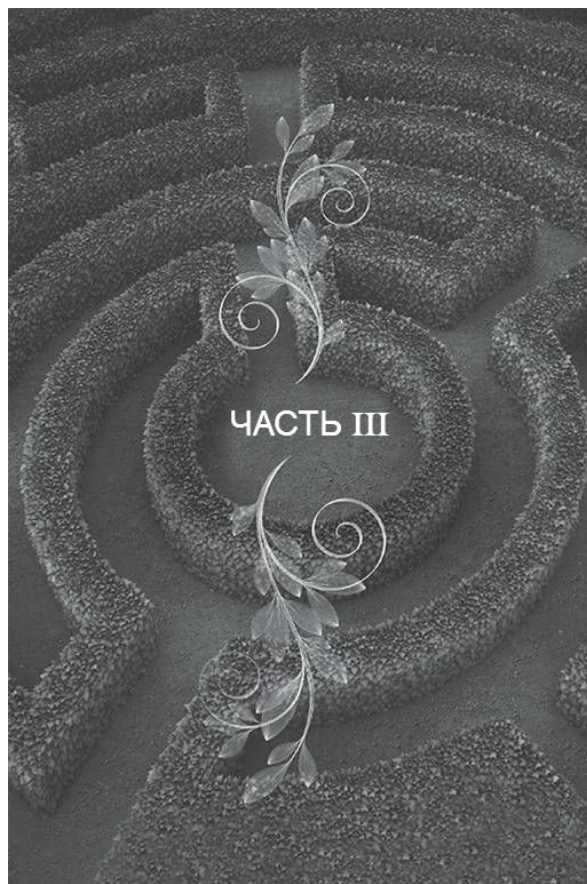
Голос Оскара вырывает меня из раздумий и возвращает в реальность.

— Как... как долго вас не было? — спрашиваю я осипшим от молчания голосом.

— Минут двадцать, ваша светлость.

Я качаю головой. Просто не верится, что за такое короткое время в моём сознании успели пролететь дни, месяцы и даже годы.

Выглядываю в окно. Вся домашняя прислуга убирает в садах после праздника, внезапно прерванного арестом Себастьяна. Но двух особо интересующих меня лиц не хватает.

ЧАСТЬ III

— Вы уверены, что вызывать доктора не нужно? — с тревогой спрашивает Оскар. — На вас лица нет.

— Мне не нужен доктор... мне нужно знать, что происходит, — я смотрю на него в полном недоумении. — Себастьян не убивал Люсию. Не мог. Почему его обвиняют? И с чего они вообще *взяли*, что её убили, если всем прекрасно известно, что это был несчастный случай?

Оскар глубоко вздыхает, уставившись в пол.

— Оскар, если вы что-то знаете, — говорю я с мольбой, — расскажите мне. Пожалуйста. Сейчас.

Он тяжело опускается на стул, бледный как мел.

— Всё произошло так быстро. В одну минуту мы наслаждались праздником, а в следующую — в ворота уже стучались двое полицейских. У них был ордер на арест Себастьяна, и я не мог их не впустить. Кажется... — Оскар откашливается, — объявились анонимные свидетели, которые раньше боялись говорить. Свидетели, утверждающие, что видели, как Люсия в ночь своей смерти направлялась в Лабиринт... но *не одна*. С ней был Себастьян Стенхоуп. И они громко ругались.

Отчёт о вскрытии показал, что леди Люсия умерла от удара тупым предметом по голове, и до сегодняшнего вечера считалось, что она ударилась головой о каменную колонну, на которой были найдены следы крови. Но с поступлением информации, что в тот вечер с Люсией видели Себастьяна, полиция получила ордер на обыск Аббатства Стенхоуп. И в садовом сарае они нашли клюшку для поло со следами крови Люсии, а также отпечатками пальцев Себастьяна.

Меня колотит, как в лихорадке, колени дрожат. Сказанные Себастьяном слова, столь для меня долгожданные, теперь навязчиво звучат в ушах: *«Я не любил её. Никогда не любил»*.

— Должно быть другое объяснение. Себастьян не мог этого сделать. Он *добрый*. Он бы никому не причинил вреда.

Я запинаюсь, вдруг вспомнив, как несколько недель назад он швырнул о стену фарфоровую статуэтку, взбесившись ни с того ни с сего. И это внезапное стремление помочь мне в Лабиринте... А если он сам там что-то искал? Например, улики, доказы-

вающие причастность к убийству Люсии.

Что, если я ошиблась в Себастьяне... и полюбила монстра?

Против моей воли в сознании проносятся сцены сегодняшнего вечера вперемешку с воспоминаниями прошлого, а в ушах звучит песня, под которую мы танцевали в баре. «А без тебя дни стали дольше...»

Я закрываю глаза, вспоминая, как в детстве Себастьян целовал меня в щёку и как страстно он целовал меня в губы сегодня. Как, будучи детьми, мы играли с ним в саду и как спустя много лет танцевали в Винздоре. Вспоминаю Лабиринт, его руки на своей талии, глаза, полные нежности. «Но всё равно, родная, я тоскую больше, когда в окне кружится листопад».

Приободрённая воспоминаниями, я вскакиваю на ноги. Нет, Себастьян не может оказаться холоднокровным убийцей. Здесь кроется что-то другое. Я точно знаю. Много лет назад, когда я открыла ему свой секрет, он мне поверил... и теперь моя очередь верить ему.

— Я иду в свою комнату, — говорю я Оскару, — хочу побыть одна.

И, не дожидаясь ответа, выскальзываю за дверь. Но, войдя в Мраморный Зал, замираю при виде миссис Малгрейв, спускающейся по парадной лестнице. Её обычно бледное лицо пошло красными пятнами, глаза сильно опухли. Она плакала.

Спрятавшись за статуей, я украдкой за ней наблюдаю. Так подействовать на эту холоднокровную женщину могла только новость о том, что Люсию, вероятно, убили. Меня переполняют смешанные чувства: с одной стороны, мне жаль миссис Малгрейв, ведь она была так привязана к Люсии, но с другой... по телу пробегает дрожь от выражения на её лице — дикого, одержимого, словно она готова убить.

Внезапно в голове мелькает одна мысль. А ведь я никогда не видела, чтобы миссис Малгрейв демонстрировала такую же любовь и привязанность к своей настоящей дочери. Я пытаюсь вспомнить какие-нибудь проявления нежности между ними, например, объятия или доброе слово, но ничего на ум не приходит. Такое чувство, что миссис Малгрейв вообще к ней безразлична. Неужели Мэйси каким-то образом разочаровала свою мать? Неужели миссис Малгрейв больше любила Люсию? И знала ли сама Мэйси, что она для своей матери на втором месте?

Внутри все холодеет... а ведь именно Мэйси могла затаить злость на Люсию.

Дождавшись, когда миссис Малгрейв пройдёт в другую комнату, я убегаю к себе, в твёрдой уверенности, что и она, и её дочь сыграли свою роль во всём произошедшем. Осталось выяснить какую.

Вместо того чтобы лечь спать, я сажусь за письменный стол и долго жду, пока в доме стихнут любые шорохи. Я хочу быть уверена, что все уснули, поэтому только в третьем часу ночи на цыпочках выхожу из спальни, прокрадываюсь коридорами в западное крыло и поднимаюсь по лестнице.

С колотящимся сердцем я подхожу к дверям спальни Люсии, замирая от страха, словно собираюсь открыть крышку её гроба. Я почти всерьёз ожидаю увидеть призрака, сидящего на кровати или глядящегося в зеркало. Но переступив наконец порог и дрожащими пальцами щёлкнув выключателем, вижу просто пустую комнату. Обычную чистую комнату, обитатель которой как будто уехал в отпуск и вот-вот вернётся.

По центру стоит безупречно заправленная кровать со свежей постелью и подушками с монограммой. На подушках сложена белая ночная рубашка и атласный халат, а на полу стоит пара тапочек. По всем признакам кажется, что хозяйка комнаты до сих пор жива. Кругом расставлены свежие цветы в хрустальных вазах: на прикроватной тумбочке, на полке над камином и на письменном столе. От осознания, что миссис Малгрейв, должно быть, меняет их каждый день, меня пробирает дрожь. Какой жуткий ритуал.

Расчёска Люсии, её духи и косметика — всё аккуратно разложено на трюмо. А в воздухе витает аромат жасмина, который я в последнее время часто чувствовала в своей комнате. Запах её духов.

Я обвожу взглядом эту красивую, но пугающую комнату и пытаюсь понять, откуда лучше начинать поиски. Благодаря Оскару мне известно, что миссис Малгрейв оставила здесь всё так, как было до смерти Люсии, и ничего не выбрасывала. Значит, вопрос лишь в том, где же искать улики?

Первым я проверяю ящик письменного стола, но там нет почти никаких личных вещей, зато полно тетрадей и папок. Дальше обследую гардеробную и нахожу кучу вешалок с дорогой на вид, но пропахшей затхлостью одеждой.

Думай, Имоджен. Где бы ты спрятала что-то очень личное?

И тут меня осенило. Летом 2006-го одиннадцатилетняя Люсия сама выдала место, где хранила дневник, вытащив его из тайника, чтобы зачитать мне запись про мальчика, который гонялся за ней по школьному двору в попытке поцеловать.

Я возвращаюсь к кровати и просовываю руку под матрас. Дневника там больше нет, но пальцы нащупывают что-то маленькое и холодное. И вот, когда я уже собираюсь закончить обыск, натыкаюсь рукой на пачку бумаг. Кровь начинает стучать в висках, и я дрожащими руками вытаскиваю из-под матраса все свои находки.

Холодным предметом оказался бронзовый медальон. Я открываю его и теряю дар речи.

На снимке изображена пара. В мужчине я узнаю отца Люсии — моего дядю Чарльза. Но вместо тёти Филиппы... женщина, которая тянется к его щеке для поцелуя — не кто иная, как *миссис Малгрейв*. Моложе, милевиднее, чем сейчас, но нет никаких сомнений, что это она.

Я не могу отвести взгляда от фото; просто поразительно, насколько она не похожа на себя. Это совсем не та вечно мрачная и даже пугающая домоправительница, которую я знаю, а привлекательная молодая особа с ясными глазами и румяными щеками.

Отчего же она так ужасно изменилась? Неужели у них с дядей Чарльзом был роман, и это его смерть так её сломала? И с какой стати Люсия хранила в медальоне фото, разоблачающее любовную интрижку её отца? Разве только... У меня перехватывает дыхание от догадки, но я сразу же её отбрасываю. Люсия не может быть плодом измены. В детстве она была вылитая тётя Филиппа. Тётушка обожала её, как и любая другая мать своего ребёнка. Так может Люсия берегла этот снимок в качестве компромата на отца? Хотя и то, и другое не имеет никакого смысла.

Я в замешательстве откладываю медальон и беру в руки бумаги. Присмотревшись, понимаю, что это письма, все с одинаковым почерком. И начинаю читать первое попавшееся, написанное год назад... за два дня до смерти Люсии.

«23 ноября 2013 г.

Дорогая Люсия. Я чертовски взбешён из-за того, через что ты вчера заставила меня пройти. Больше я не в силах это выносить, не могу дальше притворяться. Я собираюсь во всём признаться. Ты просила доказать свою любовь, и я доказывал снова и снова. Я бы сделал всё,

чтобы быть с тобой рядом. Пошёл бы на что угодно. Но теперь очередь за тобой. Твой Тео».

— Тео? — вскрикиваю я.

Не может быть. Я лихорадочно просматриваю остальные письма. Все они написаны в год её смерти, и каждое со всё большей одержимостью. В конце всегда под-

пись — размашистая буква Т.

В голове роятся мысли, складываясь по кусочкам в единую картину. Люсия и Тео встречались за спиной у Себастьяна, и Тео забрасывал её любовными письмами.

Что ж, теперь Мэйси уже не кажется мне главной подозреваемой.

Возможно, Люсию убил Тео? Не были ли эти письма своего рода угрозами? Хотя ведь и Себастьян мог, узнав об измене, прийти в ярость?

Сердце словно сжимается в ледяной хватке, ведь всё указывает на одного из двоих: либо на парня, которого я люблю, либо на друга, которым дорожу. Кто-то из них виновен. И я обязана ради своей кузины докопаться до правды.

Утром я резко вскакиваю от громкого звонка телефона. Вокруг кровати разбросаны письма Тео, адресованные Люсии, а я всё ещё одета в вечернее платье с той злополучной вечеринки. Как уснула, даже не помню.

— Алло, — отвечаю сонно.

— Имоджен, дорогая! — доносится взволнованный голос Кэрол. — Слава богу, с тобой всё в порядке!

— А что должно быть не в порядке?

— Тут по всем новостям показывают, что у вас на празднике арестовали убийцу твоей кузины! — всхлипывает Кэрол. — Я знала, что не нужно было отпускать тебя в Рокфорд. Мы с Китом уже заказали билеты и завтра же заберём тебя домой.

— Что? — я выпрямляюсь в кровати. — Вы всё неправильно поняли. Себастьян никого не убивал. Во всяком случае, ещё ничего точно не известно. И я не хочу никуда уезжать. Я должна остаться здесь.

— Но полиция установила, что Люсия умерла насильственной смертью. И если Себастьян не виновен, значит, убийца до сих пор разгуливает на свободе. И ты всё ещё хочешь остаться? — она начинает заметно нервничать.

— Просто... просто... — я пытаюсь подобрать слова, чтобы убедить Кэрол, что связана со всеми тремя участниками этой истории, связана с поместьем и не могу уехать, пока не узнаю, что произошло и почему, — я не могу сейчас объяснить всего, но уверяю, со мной всё хорошо. Не надо волноваться.

— С этим мы разберёмся завтра при встрече. Самолёт прилетает в десять утра.

— Ну... хорошо.

Я закрываю глаза и упираюсь в изголовье кровати. Я очень соскучилась по Кэрол и Киту, но худшего времени для их приезда просто не придумаешь. Выяснить правду о смерти Люсии и так будет непросто, а уж под их бдительным надзором так вообще невозможно.

— Ты и так многое пережила, и уж это тебе совсем не нужно, — продолжает Кэрол, — кстати, мама Лорен посоветовала мне нового психиатра с замечательными отзывами, и я бы очень хотела, чтобы ты дала ей шанс...

— Пожалуйста, не надо больше никаких психиатров, — вздыхаю я. И вдруг вспоминаю об одной зацепке, о которой напрочь забыла.

Ведь Люсия ходила к психиатру. Как же его звали? Доктор... доктор Герон! Наверно, она посещала его до самой смерти. И если так, у него могут быть ответы.

— Кэрол, мне нужно идти, — выпаливаю я скороговоркой, — поговорим при встрече.

Бросаю трубку и ввожу в поисковик запрос: «доктор Герон, психиатр, Лондон». И, затаив дыхание, набираю номер, высветившийся на экране.

— Офис доктора Герона, — отвечает звонкий женский голос.

— Можно с ним поговорить? — с горячностью спрашиваю я. — Это срочно. Очень срочно.

— Могу я поинтересоваться, кто звонит?

На этот раз девушка переходит на медленный и сладкий «я разговариваю с психи-

чески больным человеком» тон.

— Имоджен Рокфорд, — говорю я и, решив, что тут, возможно, стоит сразу перейти к тяжёлой артиллерии, добавляю, — герцогиня Уикершема.

— Вы серьёзно? — недоверчиво спрашивает она.

— Абсолютно. Если не верите, позвоните на номер, указанный на сайте Рокфордского Поместья, и кто-то из слуг меня позовёт.

— В этом нет необходимости, — говорит девушка и после паузы добавляет, — ваша светлость. Но, боюсь, доктор Герон сейчас с пациентом.

От досады хочется закричать.

— Пожалуйста, не могли бы вы его вызвать? Я же говорю, это срочно. Вы ведь наверняка читали в газетах о моей кухне.

— Читала, — серьёзно отвечает девушка, — и очень соболезную вашей утрате. Но я ни при каких обстоятельствах не имею права прерывать приём. К тому же через десять минут доктор освободится, и я позабочусь, чтобы он вам немедленно перезвонил.

Следующие пятнадцать минут я меряю шагами комнату, от нетерпения вернувшись к старой привычке грызть ногти. И вдруг на экране телефона высвечивается незнакомый английский номер.

— Алло? — я едва ли не кричу.

— Это её светлость Имоджен Рокфорд? — слышу в трубке приятный мужской голос.

— Да! А вы доктор Герон?

— Он самый. Чем могу быть полезен, ваша светлость?

Думаю, в таком разговоре предисловия ни к чему. Нужно просто выложить всё на чистоту.

— Я знаю, что моя кухня была вашей пациенткой. И вот в полиции говорят, что её убили, и это... никак не укладывается у меня в голове. Пожалуйста, расскажите мне... всё, что знаете. Может, у неё были какие-нибудь тайны или враги?

Доктор Герон откашливается.

— К сожалению, я не могу рассказать о наших сеансах, так как это будет нарушением врачебной тайны.

— Но... но... одного человека обвиняют в её *убийстве!* — с жаром произношу я. — Разве нет закона, обязывающего вас предоставить информацию, если дело касается жизни и смерти?

— Уверяю, если бы я что-нибудь знал, то давно бы уже обратился в полицию, — говорит доктор Герон, — но, вообще-то, я не видел Люсию уже семь лет. И не думаю, что любая информация, которой я располагаю, будет полезна в этом деле.

Я замираю.

— Вы не виделись после пожара? Но ведь в тот момент вы были нужны ей больше, чем когда-либо.

— Абсолютно с вами согласен, ваша светлость, но Люсия решила прекратить сеансы. И без родителей некому было повлиять на неё, заставить продолжить лечение.

— А как же дедушка? — растерянно спрашиваю я. — Неужели он не настоял на этом?

Доктор Герон тяжело вздыхает.

— Ваш бедный дедушка был совсем убит горем и решил отправить её в закрытую школу-пансион в Швейцарии.

У меня отвисает челюсть.

— Он предоставил её самой себе? После смерти *родителей?*

— Не совсем. В качестве сопровождения он отрядил с ней домоправительницу с дочерью, — доктор запинается, — разве вы об этом не знаете?

— Простите, я сейчас... сама не своя, — бормочу я, не успев отойти от потрясения после его слов.

Оказывается, дедушка отослал Люсию в Швейцарию вместе с миссис Малгрейв и Мэйси... Но почему мне никто об этом не сказал?

— Спасибо доктор Герон, — говорю я дрожащим голосом, — пожалуйста, перезвоните, если вспомните что-нибудь важное.

Положив трубку, я отправляю Оскару сообщение:

«Передайте миссис Малгрейв и Мэйси, что я жду их в библиотеке через пять минут».

Проходит пять минут, потом десять, но в библиотеке так никто и не появляется. И вот, когда я уже готова сама отправиться на поиски, дверь наконец открывается. Входит миссис Малгрейв, а за ней Мэйси с каменным лицом.

— Вы хотели нас видеть? — невозмутимо спрашивает домоправительница.

— Да, присядьте, пожалуйста, — я жду, пока они устроятся на диване, — вы ведь слышали новость про Себастьяна?

— Это ужасно, — бормочет Мэйси, опуская глаза.

— Дело в том, что я в это не верю. И если вы знаете Себастьяна так хорошо, как я думаю, то тоже не верите.

— Я видела, как вы вчера резвились, — произносит сквозь зубы миссис Малгрейв, — разве так ведёт себя скорбящий жених?

Я теряю дар речи.

— Пожалуйста, не забывайте, что вы работаете в моём доме, — говорю я, удивляясь резкости в собственном голосе, — и вы не имеете права говорить обо мне или моих друзьях в таком тоне.

— А как же улика, найденная в Аббатстве? — миссис Малгрейв рьяно стоит на своём, будто меня и не слышит. — Как вы можете даже после этого его защищать?

— Улики могут быть сфабрикованными или подброшенными. Вы что *«Закон и порядок»* ни разу не смотрели?

Миссис Малгрейв бросает на меня непонимающий взгляд.

— Как бы там ни было, я пригласила вас сюда, чтобы задать два вопроса. Первый: как вы считаете, кто мог затаить злость на Люсию? — я смотрю в упор на Мэйси. — Общение с кем могло быть для неё опасным?

Мэйси качает головой.

— Только Себастьян Стенхоуп, — твёрдо отвечает миссис Малгрейв.

Я разочарованно вздыхаю.

— Слышала, после пожара вы с Люсией ездили в Швейцарию?

Их реакция застывает меня врасплох. На лице миссис Малгрейв застывает выражение, которого я никогда раньше не видела; выражение, так не сочетающееся с её обычной надменной и властной самоуверенностью. Сейчас она кажется почти... напуганной. А Мэйси обхватывает пальцами кулон на шее, словно проверяя на месте ли он.

— Ну? — продолжаю я. — С каких это пор ученики школ-пансионеров берут с собой в сопровождение домоправительниц и горничных? Странно это, согласитесь? И почему я об этом ни сном ни духом?

Мэйси бросает взгляд на мать.

— Здесь какой-то подвох?

— В смысле, подвох? — спрашиваю я в недоумении.

Миссис Малгрейв бросает сердитый взгляд на Мэйси и вздыхает.

— Ничего странного здесь нет, ваша светлость, — она переходит на привычный сдержанный тон, — мы просто сопровождали леди Люсию по просьбе её бабушки, чтобы скрасить её одиночество после смерти родителей. Не стоит напоминать, что

вы исчезли из жизни своей кухни после пожара. Так откуда же вам было об этом знать?

— Но ведь мы общались незадолго до вашего отъезда. Люсия хотела, чтобы я осталась в Рокфорде или хотя бы приезжала... она бы предупредила, если бы собралась уехать, — настаиваю я.

— Что ж, рискну предположить, что вы неверно истолковали её желания, — резко говорит миссис Малгрейв.

Я переключаю внимание на Мэйси.

— И всё-таки, что ты имела в виду? Может, тебе известна какая-нибудь информация, которая поможет разобраться в том, что произошло с Люсией?

После секундного колебания Мэйси решительно качает головой.

— Нет, ваша светлость.

— Тогда это всё.

Я смотрю вслед миссис Малгрейв и её дочери, уставшая от попыток вытянуть из них ответы. В голове вертятся имена подозреваемых. Тео. Мэйси. Миссис Малгрейв... Себастьян.

Что ему известно, а что нет; что он делал, а чего не делал? Нужно обязательно с ним поговорить.

XIV

Добрую милю от крыльца Рокфордского поместья до въездных ворот я прохожу, не отрывая глаз от земли. Я прячу лицо в воротнике плаща и морщусь от шороха гравия и шелеста листвы под ногами, боясь разоблачить себя и увидеть позади Оскара, или того хуже — миссис Малгрейв. Ведь до прихода полицейских мне нельзя никуда уходить.

Я стараюсь не думать, что поступаю неправильно. В конце концов, выбора нет — или сейчас, или никогда. Завтра приедут Марино, и они уж точно не отпустят меня домой к предполагаемому убийце.

Убийца. От этого слова меня передёргивает. Ну не может это быть Себастьян. Не может. Внутри всё переворачивается при мысли о предстоящей очной ставке. Определится ли виновный, после того как я предоставлю письма? И не стану ли я сама следующей жертвой? Но стоит лишь представить, как Себастьян смыкает руки у меня на шее, и я тут же вспоминаю прикосновения его губ к моей щеке, нежность ладоней. И понимаю, что как бы там ни было... мне он ничего плохого не сделает.

Набрать номер Себастьяна я так и не решилась, но сайт газеты *The Telegraph* сообщил, что его выпустили под астрономический залог, и что до начала судебного разбирательства он будет находиться под домашним арестом. Остаётся лишь надеяться, что статья не врёт... и что сегодня мне удастся с ним увидеться.

Я называю таксисту адрес соседей Стенхоупов и уже оттуда направляюсь к воротам Аббатства. Лакей, открывший дверь, выглядит бледным и измученным, словно спал этой ночью не больше моего.

— Ваша светлость, — сухо говорит он, — боюсь, лорд Себастьян и лорд Тео не принимают посетителей в таком часу.

— Пожалуйста, — прошу я, — не могли бы вы... попытаться? Я проехала длинный путь, и это очень важно.

— Я поговорю с её сиятельством и посмотрю, что можно сделать, — вздыхает он.

Ожидание в прихожей кажется мне вечностью. В итоге навстречу выходит не Себастьян и не Тео, а леди Стенхоуп. Я всегда знала её не иначе как элегантной и чопорной, а теперь, увидев поникшие плечи и покрасневшие глаза, чувствую, как по телу пробегает дрожь.

— Ваша светлость, — глухо произносит она, не поднимая взгляда, — чем могу помочь?

— Мне нужно поговорить с Себастьяном и Тео, — я бросаю на неё умоляющий взгляд, — я хочу помочь, честное слово.

— Это очень мило с вашей стороны, дорогая, но адвокат запретил нам разговаривать с кем бы то ни было.

— Но...

— Простите, — леди Стенхоуп остаётся непреклонной, — вас ждёт водитель, или вызвать такси?

Спорить, как я вижу, бесполезно. Думай, быстро.

— Нет, я... он приедет за мной. Я подожду на улице.

— Спасибо, — произносит она вполголоса, — до свидания, леди Имоджен.

Я выхожу за порог, размышляя, что делать дальше. Нельзя же просто развернуться и уйти. Поэтому я медленно обхожу дом, заглядывая в окна, и вдруг вижу в одной из комнат на втором этаже Себастьяна. Он смотрит сквозь раздвинутые шторы и с грустным видом машет мне рукой.

Рядом с его окном растёт высокий бук, и мне в голову приходит немного сумасбродная идея. Не то чтобы я была спортсменкой или любительницей полазить по деревьям, но, возможно, сейчас, благодаря силам элементаля, у меня получится?

Глубоко вдохнув, я подбегаю к дереву и запрыгиваю на низко свисающую ветку. С большим трудом поднимаюсь по стволу и понимаю, что мои силы, скорее всего, привязаны к рокфордским землям. В конце концов, я никогда не обращалась к ним в Нью-Йорке.

Себастьян открывает окно и подаётся мне навстречу. Со всей неуклюжестью, которую только можно вообразить, я тянусь к нему со своего шаткого насеста на ветке. Он хватает меня за запястья, протаскивает через окно, и мы падаем.

От удара лбом о стену у меня вырывается стон.

— Ой, — я опускаю взгляд и понимаю, что Себастьян лежит прямо подо мной... и это было бы очень сексуально, если бы я только что насмерть не перепугалась, — прости. Я просто... я хотела поговорить.

Поднимаюсь на ноги.

— Я так и понял, — отвечает он с натянутой улыбкой и тоже встаёт.

Оглядываюсь по сторонам. Я в спальне Себастьяна, на удивление чистой для студента колледжа. Вся мебель из тёмного дерева, на стенах картины современных художников и рамки со спортивными трофеями. Мне становится грустно. При других обстоятельствах, оказавшись здесь, я пришла бы в восторг. Но сейчас всё иначе.

— Ты пришла спросить, виновен ли я? — тихо говорит он.

Я бросаю взгляд на дверь, гадая, сколько же времени у нас есть, прежде чем сюда зайвится кто-то из его родителей.

— Даже не знаю, с чего начать. Вчера ночью я пошла в комнату Люсии, чтобы найти доказательства твоей невиновности. И нашла кое-что. Не знаю, слышал ты об этом или нет. И если нет, боюсь, не рад будешь услышать...

— Что такого ты нашла, Джинни? — нетерпеливо спрашивает он.

Я вытягиваю из сумочки пачку писем.

— Это письма Тео, адресованные Люсии. Кажется, они встречались у тебя за спиной. И этих письмах я... любой проследит мотивы убийства.

Себастьян хватает письма. Перебирая их, он бледнеет на глазах. И добравшись до последнего, молча замирает.

— Себастьян, скажи что-нибудь, пожалуйста.

— Я знал, — говорит он, — давно знал. Но ты должна пообещать, что никому и никогда об этом не расскажешь.

— *Что?* — возмущаюсь я. — Твой брат таскался с твоей девушкой, а может, даже и убил её, а ты собираешься взвалить на себя всю вину?

Себастьян по-прежнему стоит как вкопанный. Кажется, он молчит целую вечность.

— Всё, что я сейчас скажу, должно остаться между нами, — наконец произносит он.

— Хорошо... — я сажусь на край кровати, и он устраивается рядом.

— Ещё за три месяца до смерти Люсии пошёл слух, что она мне изменяет, — начинает он, — я открыто с ней поговорил и предложил разойтись, но она всё упорно отрицала, а доказательств у меня не было. Однако я знал одного человека, по уши в неё влюблённого. Человека, который страдал от того, что мы с ней были вместе.

— Тео? — предполагаю я.

Себастьян кивает.

— Сначала я не воспринимал его чувства всерьёз. Я думал, что она лишь одна из толпы девчонок, которые ему нравились. Только когда Люсия умерла, я понял... что он любил её по-настоящему. Или, по крайней мере, думал, что любил.

— И что случилось?

Себастьян тяжело вздыхает.

— В день смерти Люсия прислала сообщения мне и Тео. Она писала, что хочет встретиться с нами обоими у входа в Лабиринт и поговорить. Это лишь укрепило мои подозрения, что парень, с которым она встречается, и есть мой брат. Я решил, что она хочет признаться во всём и сделать свой выбор. К тому времени наши отношения уже стояли мне поперёк горла. И я не раз пытался их порвать, но вмешивались родители. Честно говоря, той ночью я пошёл к Лабиринту по единственной причине — чтобы поддержать брата, если Люсия ранит его чувства.

— То есть, ты на него не сердился? — я смотрю на него в изумлении. — Но ведь он тебя *предал*.

Себастьян качает головой.

— Обо мне можно сказать то же самое. Я встречался с девушкой, которая нравилась моему младшему брату. Пусть я не понимал, что заставляю его страдать, но ведь заставлял. И вообще, Тео в нашей семье всегда был на вторых ролях. Он с детства привык, что всё вертится вокруг наследника титула. Вокруг меня, — Себастьян морщится, — потом увлечение поло привлекло ко мне ещё больше внимания, а он снова оказался в тени. Думаю, всё это... сильно портило ему жизнь. А я это допускал.

Я беру Себастьяна за руку.

— Ты в этом не виноват. Ни в чём не виноват.

Но он отводит взгляд.

— Той ночью была сильная гроза, я поздно выехал из Оксфорда и долго добирался, поэтому опоздал... — он закрывает глаза.

— И что? — нетерпеливо спрашиваю я. — Что ты увидел?

— Я увидел Люсию, мёртвую, окровавленную, — вполголоса говорит он, — а над её телом истерично рыдал Тео. Рядом лежала моя клюшка для поло.

Я в ужасе прикрываю рот рукой. Сердце разрывается от боли и за Люсию, и за бра-

тьев, которых я всегда считала хорошими людьми.

— Он... он всё это *спланировал*? — спрашиваю я дрожащим голосом. — Иначе зачем было брать с собой ключку?

— Нет! — решительно возражает Себастьян. — Он ни в коем случае ничего такого не планировал. Это была старая ключка, которую я подписал и подарил Люсии ещё в начале отношений... в лучшие времена. Тео, должно быть, нашёл её в Рокфордском Поместье и, когда разозлился... воспользовался как оружием.

— Значит... значит, он действительно убил её? Что он сказал? Почему он это сделал?

— Он ничего не сказал, да и не нужно было. Для меня всё очевидно. Я знал Люсию. Иногда она говорила безжалостные, ужасные вещи. Думаю, Люсия чем-то очень обидела Тео... и он нанёс удар, не понимая, что творит. Мой брат не жестокий человек. Той ночью он был в отчаянии. Я успокаивал его, убеждал, что всё будет хорошо, что это... похоже на несчастный случай. И сказал, что если правда всплывёт, я возьму вину на себя, — Себастьян говорит всё тише, и в какой-то момент мне начинает казаться, что он пытается убедить сам себя, — он не убийца. Это был... жуткий несчастный случай.

— Но почему ты сразу не объяснил полиции, что произошло? Тогда не пришлось бы проходить через всё это, — я бросаю на него грустный взгляд.

— Потому что я люблю брата, — искренне говорит он, — я не могу позволить, чтобы его упекли за решётку. Особенно понимая, что этого можно было избежать, если бы только я лучше о нём заботился, и в первую очередь, не встречался с Люсией.

— Но ты ему не родитель и не нянька, — мягко возражаю я, — я не могу смотреть, как ты берёшь на себя вину за поступок, которого не совершал.

— Я знаю, но я должен это сделать, — отвечает Себастьян, — пообещай, что никому не расскажешь.

— Я никогда не встречала таких самоотверженных людей, — я смотрю ему прямо в глаза, — неужели ты действительно готов ответить за преступление Тео?

— Знаю, звучит безрассудно, но... если бы у тебя был младший брат или сестра, ты бы поняла.

В памяти всплывает лицо Зои. И я понимаю, что за неё прыгнула бы под машину, пошла бы под пули. Так разве это не одно и то же?

— Я понимаю, — мягко говорю я и чувствую, как на глаза набегают слёзы, — я бы очень хотела тебя отговорить, но я всё понимаю.

Наши пальцы переплетаются.

— На случай, если нам нескоро придётся удивиться, — он сглатывает ком, — ты сделаешь для меня кое-что?

— Что угодно, — отвечаю я.

— Поцелуй меня.

Со слезами на глазах я обвиваю руками его шею. И целую сначала нежно, а потом жадно. Себастьян опускает меня на кровать, проводит губами по шее и щекам, залитым слезами, и я лишь сильнее сжимаю его в объятиях.

— Я люблю тебя, Джинни, — шепчет он, уткнувшись в мои волосы, — я должен был сразу понять, что всегда любил только тебя.

— Я тоже люблю тебя, — я заглядываю ему в глаза, — никогда не переставала и не перестану.

За дверью слышатся звуки шагов, и Себастьян торопливо поднимает меня на ноги и подводит к окну. Мы в последний раз целуемся, и он помогает мне забраться на дерево. Прощаясь, я вижу на его лице бесчисленную гамму эмоций. Не знаю, может ли быть зрелище прекраснее... и печальнее.

Возвращаясь на такси в Рокфорд, я ловлю себя на том, что всю дорогу мысленно

повторяю: «*Тео убил Люсию*». Повторяю снова и снова, будто пытаюсь уместить это в голове. Но что-то не даёт мне покоя, внутренний голос подсказывает: что-то тут не складывается, что-то я упускаю. Понять бы только что.

Гудит телефон. Я вынимаю его из сумочки и вижу, что пришло электронное письмо из Бодлианской библиотеки.

«Рады сообщить, что книга, которую вы запрашивали [«Таинственная Герцогиня: Биография» Хамфри Фицвильяма] уже имеется в наличии и зарезервирована на ваше имя в Читальном Зале для Специальных Изданий».

Я окликаю таксиста:

— Сэр, у меня изменились планы. Отвезите меня в Бодлианскую библиотеку.

Он, ворча себе под нос, перестраивается в другую полосу. Я смотрю на часы и нервно прикусываю губу. Прошло уже несколько часов, как я уехала из Рокфорда, ещё и в библиотеке придётся задержаться, ведь книгу нельзя брать на вынос. Так что нужно как можно быстрее пролистать её... и надеяться, что полиция не приедет раньше, чем я вернусь.

Такси останавливается посреди одного из квадратных двориков Оксфорда, напротив большого средневекового здания. Я пробираюсь между компаниями туристов, охающих, ахающих, фотографирующихся на телефоны и iPad; и, проскользнув внутрь, отыскиваю глазами дверь с табличкой «Читальный Зал для Специальных Изданий».

За дверью находится строго оформленная комната с длинными деревянными столами, на которых возле каждого рабочего места расставлены настольные лампы. Вдоль стен тянутся книжные полки, высотой до потолка. За столиком в углу сидит немолодая женщина и наблюдает за горсткой студентов, листающих учебники и усердно что-то конспектирующих.

— Здравствуйте, — говорю я, пройдя вглубь зала, — меня зовут Имоджен Рокфорд. На моё имя здесь зарезервирована книга «*Таинственная Герцогиня*».

Библиотекарь окидывает меня удивлённым взглядом.

— О, добро пожаловать в Бодлианскую библиотеку, ваша светлость, — она поворачивается к полке позади стола и протягивает мне тоненькую книгу в защитной обложке и увеличительное стекло, — шрифт в этой книге значительно мельче, чем в современных. Также напоминаю, что нельзя покидать зал, не вернув книгу. И ещё я должна проверить документ, удостоверяющий вашу личность. Это стандартная процедура для всех наших ценных изданий.

Предъявив документы и пообещав соблюдать миллион правил, я занимаю свободное место в углу одного из читательских столов. И, затаив дыхание, открываю книгу.

Странички тонкие, деликатные, и шрифт действительно очень мелкий, как и предупредила библиотекарь. Я подношу к первому листу увеличительное стекло, и от осознания, что мне предстоит узнать историю своей предшественницы, на душе становится тепло.словно какая-то нераскрытая часть меня всегда к этому стремилась.

«Представьте, что вы обычный подросток из Америки, которому выпало стать герцогиней. Адаптироваться к новой жизни — само по себе нелёгкая задача. А прибавьте к этому ещё и сверхъестественные силы. Неудивительно, что её светлость леди Беатрис в своё время столкнулась в Уикершеме с большими трудностями».

По спине пробегают мурашки. Всё это звучит так до жути знакомо. словно биограф писал... обо мне.

Я быстро перелистываю на страницу с содержанием и просматриваю названия глав. Книга описывает всю недолгую жизнь леди Беатрис, включая даже такие жёлтые заголовки, как «Скандалы и трагедии маленького городка». Но больше всего ме-

ня заинтересовал раздел 7: «Элементали».

«Леди Беатрис настаивала, что она была не ведьмой, а элементом. Для большинства это незнакомый термин, но он, безусловно, не выдуман покойной герцогиней. Упоминания об элементализме встречаются ещё в греческой мифологии и древнеегипетских писаниях. Элементали известны как дети природы. В отличие от обычных людей, они связаны со всеми четырьмя природными стихиями и могут управлять воздухом, землёй, водой и огнём, окружающими их. Многих такая концепция пугает, но я лично беседовал с двумя знакомыми последней герцогини, заявляющими, что она использовала эти силы только во благо.»

Один фермер-арендатор из Уикершема, терпевший убытки из-за плохого урожая, вспоминает, что после того как леди Беатрис посетила его участок, земля снова стала плодородной. Естественно, я спросил, почему же он не засвидетельствовал это, когда леди Беатрис стояла на эшафоте. И он утверждал, что пытался встать на её защиту, но чего стоит заявление простого крестьянина против слова разъяренного герцога?...»

Оторвав глаза от страницы, я чувствую прилив облегчения. Папа был прав. Леди Беатрис не была плохой... и я, выходит, тоже.

«Леди Беатрис носила на пальце кольцо с вытянутым остроконечным бриллиантом, известным в мифологии как водный камень. Никто доподлинно не знает, где леди Беатрис раздобыла водный камень, но, согласно легенде, камень достаётся избранному, человеку, являющемуся элементом. Изучая элементализм, я пришёл к выводу, что ношение кольца — один из видов связи с природой. Ещё Аристотель говорил «с водным камнем на теле приложи руку к земле — и получишь все ответы». Считается, что водный камень, взаимодействуя с рукой элементаля, помогает ей или ему использовать силу четырех стихий. И поскольку стихии — это сущность мироздания, значит, водный камень раскрывает сущность».

Водный камень раскрывает сущность... Что бы это значило?

«Единственный раз леди Беатрис видели без кольца в ночь повешения. Она заявила, что спрятала его там, где только истинная преемница сможет найти. И если ей можно верить, и «истинная преемница» действительно появится, то в будущем нас ждёт второе пришествие леди Беатрис».

Мысли в голове путаются. Наконец я медленно выдыхаю, понимая, что нужно делать.

Я вернусь в Рокфорд, там разберусь и с полицией, и с приездом Марино... но при первом удобном случае вернусь в Лабиринт. Пора уже отыскать водный камень.

Ночью я никак не могу уснуть, всё прокручиваю в голове встречу с Себастьяном и напряжённый разговор с полицейскими. Не сказала ли я чего лишнего? *Поверили* ли они моим показаниям? По их непроницаемым лицам трудно было что-либо прочесть.

И вот не успела я задремать, как тут же проснулась от звука знакомых голосов, доносящихся из Мраморного Зала. Кажется, будто Оскар разговаривает с Кэрол, Китом... и Зои?

Я вскакиваю с кровати, набрасываю халат и сбегаю вниз по лестнице. Увидев издали знакомое лицо, я кричу:

— Зо! Я не знала, что ты тоже приедешь!

Она обвиняет меня руками.

— Я бы ни за что не позволила им уехать без меня, — говорит она, проказливо улыбаясь, — мне в буквальном смысле пришлось прятать их паспорта, пока мне тоже не заказали билет.

— Узнаю свою Зо! — я заливаюсь смехом и, повернувшись к Кэрол и Киту, заключаю их в объятия.

— Мы так скучали, — говорит Кэрол, поглаживая меня по щеке, — слава богу, ты в порядке.

— Конечно, в порядке, — я беру за руку сначала её, а потом Кита, — пойдёмте. Проведу вам экскурсию.

Спустя несколько часов я, свернувшись в кресле, умилённо наблюдаю за Зои, дремлющей на моей кровати. Присутствие сестры для меня сейчас — то, что доктор прописал. Проводя с ней время, разговаривая, показывая свой новый дом, я впервые за несколько дней чувствую себя намного спокойней. Но сейчас, из-за смены часовых поясов, она крепко уснула, и я снова осталась один на один со своими переживаниями. Неужели Себастьян и правда обвинят в *убийстве*? Когда мы снова увидимся? И почему меня не покидает чувство, что ко всему этому каким-то образом причастны миссис Малгрейв и Мэйси?

В памяти всплывают слова из биографии леди Беатрис, и я снова бросаю взгляд на Зои, чтобы удостовериться, что она мирно спит. Затем на цыпочках выхожу из комнаты и закрываю дверь. К тому времени, как она проснётся, я давно вернусь.

Без Себастьяна Лабиринт кажется мрачным и унылым. Я крадусь зелёными коридорами, стараясь запоминать направление, чтобы потом найти дорогу назад. По телу бегут мурашки от неестественно сильных порывов ветра и от понимания, что я ушла от дома настолько далеко, что даже крика моего никто не услышит.

Проходит полчаса, потом ещё, и я уже готова рыдать от безысходности. Я никак не могу добраться до центра Лабиринта, просто хожу кругами, до сих пор не отыскав ничего, даже близко похожего на кольцо.

И тут меня поражает догадка, бросающаяся в глаза, как порывы ветра внутри Лабиринта. Если леди Беатрис оставила кольцо для своей преемницы... ей нужно подтверждение, чтобы знать наверняка, что это именно тот человек.

Я развожу руки в стороны, дотрагиваясь ладонями до стен живой изгороди, как тогда с Себастьяном. И изгородь снова меняет цвет, становясь от моего прикосновения ярко-фиолетовой. Но в этот раз ещё и земля под ногами начинает переливаться неземным желтым сиянием. У меня перехватывает дыхание. Светящаяся тропа бежит вперёд... словно указывая мне путь.

Не отрывая рук от стен, я бегу всё быстрее, следуя всем изгибам и поворотам мерцающей дорожки. И наконец попадаю в незнакомый закоулок Лабиринта, заросший гортензиями, единственными цветами, которые я здесь увидела. В памяти сразу всплывают папины слова:

«... помни о гортензиях. Когда увидишь их, знай, что ты близко».

У меня захватывает дух. Это, наверное, и есть центр Лабиринта.

Я прикасаюсь к гортензиям и чувствую покалывание в пальцах. Почва под цветником начинает дрожать, и я с замиранием сердца наблюдаю, как из-под земли что-то пробивается. *Водный камень?*

Я стою как вкопанная. Это, несомненно, то самое кольцо из моих снов, кольцо, с которым леди Беатрис изображена на старом портрете — вытянутый остроконечный бриллиант в старинной серебряной оправе. Водный камень просто необыкновенный, и я смотрю на него одновременно со страхом и благоговением. Что ж, обратной дороги нет. Я надеваю кольцо на безымянный палец.

Земля под ногами начинает ходить ходуном. Я с криком цепляюсь за живую изгородь и сразу же в страхе отпрыгиваю, потому что фиолетовые стебли, вырастая всё выше и выше, сплетаются в купол прямо у меня над головой.

— Помогите, — кричу я, хотя и понимаю, что это бесполезно. Я в ловушке, и никто меня не услышит.

Листва начинает шелестеть... и в этом шелесте я слышу перешептывание, в котором различается единственное слово.

«Имоджен».

Я вздрагиваю.

— Леди Беатрис?

Ответа нет, только порывы ветра становятся сильнее.

— Что происходит?

Вслушавшись в гул приглушённых голосов, мне наконец удаётся разобрать слова.

«Ты в Шепчущей Галерее. Ты не увидишь меня, потому что я по другую сторону. Но можешь услышать».

Мороз по коже. Я в ужасе смотрю на купол, сплетенный над головой. Это что-то невысказанное. Страшный сон, ставший реальностью. Я истинная преемница леди Беатрис; я элементарна. И теперь у меня есть водный камень.

«С водным камнем на теле приложи руку к земле, и получишь все ответы». Вспомнив эти слова, я поднимаю глаза на купол над головой и дрожащим голосом спрашиваю:

— Почему я здесь? Что произошло с Люсией на самом деле?

Шёпот стихает, но, надев кольцо, я понимаю, что нужно делать. Я, как магнит, прижимаюсь к живой изгороди, касаясь водным камнем фиолетовых стеблей.

На стене из растений начинают танцевать тени. Отпрянув назад, я едва сдерживаю крик. Тени принимают чёткие очертания, и передо мной как будто разыгрывается жуткое кукольное представление.

Я вижу силуэты двух девочек, идущих бок о бок. Вдруг девочка слева останавливается, подступает к девочке справа. И обходит её. Они переходят на сторону друг друга. Меняются местами.

Я наблюдаю, нахмутив брови. Неужели это мы с Люсией?

Затем к ним присоединяется тень третьей девочки, размерами чуть побольше. Её рука сжимается на запястье одной из девочек, полностью его закрывая. Из-за стен Лабиринта доносится пение, знакомое и одновременно наводящее ужас.

«Я знаю, что путь мой извилист и крут. Пусть тёмные тучи по небу плывут...»

Пение резко прерывает голос... двенадцатилетней Люсии, доносящийся из ниоткуда, но такой отчётливый, словно гремит из динамика. Она произносит фразу из того далёкого дня в Тенистом Саду.

«Откуда взялся этот цветок? Здесь какой-то подвох?»

Вдруг по Лабиринту эхом разносится мой собственный голос, и я подпрыгиваю от неожиданности... потому что не произносила ни слова. Это фраза, которую я сказала

вчера.

«С каких это пор ученики школ-пансионов берут с собой в сопровождение домоправительниц и горничных? Странно это, согласитесь? И почему я об этом ни сном ни духом?»

Затем раздаётся третий голос, повторяющий фразу, которой Мэйси тогда мне ответила.

«Здесь какой-то подвох?»

Она повторила ту же фразу, что и Люсия. Но дело не только в этом. Когда я услышала её, произнесенную двумя голосами, что-то меня насторожило.

«Здесь какой-то подвох?»

Во всём этом есть какой-то подвох?

Вдруг у меня перехватывает дыхание от неожиданной догадки.

Наконец я поняла, почему миссис Малгрейв одержима Люсией и безразлична к собственной дочери. Поняла, почему Люсия из рассказов Себастьяна так отличается от кузины, которую я знала, и которая меня любила. Я поняла, что не давало мне покоя; поняла, почему не могла собрать все события в целостную картину.

Произошло нечто уму непостижимое, и теперь я знаю что.

Потрясённая своим открытием, я бегу обратно в дом, судорожно хватая ртом воздух. Войдя в Мраморный Зал, немного сбавляю темп, вымученно улыбаюсь горничным и вообще изо всех сил стараюсь вести себя как обычно. Слово мир, который я знала, не перевернулся только что на 180 градусов.

Затем взбегаю по лестнице, оглядываясь по сторонам. И замираю. Песня, которую я слышала в Лабиринте... песня Люсии... доносится из моей спальни.

Что она там забыла? Там же Зои спит. Я подбегаю к двери и распахиваю её настежь.

Зои нигде не видно. Мэйси спиной ко мне заправляет мою кровать, напевая себе под нос.

— Где она?

Мэйси оборачивается.

— Добрый день, ваша светлость. Где кто?

— Зои, — я пытаюсь сохранять спокойствие, — она спала здесь, когда я уходила.

— Когда я вошла, комната была пуста, ваша светлость. Наверное, она спустилась вниз, осмотреться. Я спрошу у матери...

— Я знаю, что она тебе не мать, — сходу выкладываю я, — вы обе мне ввали... ввали всем... всё это время.

Она бледнеет на глазах и произносит, запинаясь:

— Я... я не понимаю, о чём вы говорите.

Застав «Мэйси» врасплох, я хватаю её за руку и расстёгиваю ремешок наручных часов.

— Нет! — кричит она, пытаюсь высвободиться и прикрывая рукой запястье. Но я сильнее. Я срываю часы, они падают на пол. И на внутренней стороне запястья я вижу родимое пятно Люсии вытянутой формы.

— Люсия, — голос дрожит, перед глазами всё плывёт, и моё поразительное, невообразимое открытие всё больше подтверждается: моя сестра жива-здорова и сейчас смотрит прямо мне в глаза, — Мэйси Малгрейв — вот кто умер. Не ты.

— Нет, — всхлипывает она, — вы сумасшедшая. Люсия умерла. Я Мэйси!

И вдруг заходится истерическим смехом, переходящим в рыдания, а потом падает на пол, захлёбываясь звуками повторяемого имени.

— Мэйси... я Мэйси. Люсия умерла!

Я смотрю на неё в ужасе. В памяти всплывает заметка доктора Герона. «Всё ещё страдает галлюцинациями и раздражительностью. Пациентке рекомендуются бо-

лее частые посещения».

У моей кухни психические проблемы... достаточно серьёзные, чтобы повлечь за собой такую перемену в самосознании.

Я опускаюсь на пол рядом с ней и кладу на плечо дрожащую ладонь.

— Поговори со мной, Люсия, — я стараюсь держаться спокойно, но от шока раз за разом срываюсь на визгливые нотки, — расскажи, что произошло. Зачем ты это сделала? Как ты это сделала?

Издав очередной душераздирающий вскрик, она начинает молотить кулаками по ковру, и я в панике перевожу взгляд на дверь спальни. Может, позвать на помощь?

Но должна узнать правду, хотя понятия не имею, что делать. Не знаю, как справиться с её нервным срывом.

— Люсия, это я, — я снова пытаюсь до неё достучаться, — твоя кухня Имоджен. Когда-то мы были лучшими подругами. Неужели ты не помнишь?

Она поднимает голову. Лицо покрасневшее и опухшее, но дикий внутренний зверь, кажется, немного успокоился. На смену ему пришло облегчение, смешанное с безысходностью — выражение, которого я никогда раньше не видела.

— Ты возненавидишь меня, — шепчет она.

— Нет, — говорю я, хотя знаю, что как раз этого пообещать никак не могу.

Люсия колеблется, нервно бегая взглядом по сторонам.

— Рассказать это я вряд ли смогу. Но... — она тянется к подвеске на шее и под моим удивлённым взглядом вытаскивает из неё... маленькую карту памяти.

— Что это?

— Я решила, что после смерти хочу быть похороненной под своим именем, — сбивчиво объясняет она, — настоящим. Поэтому записала свою историю и сохранила на этой флешке. Чтобы тот, кто найдёт тело, будь то в ближайшем будущем или через много лет, обнаружил её и узнал, кем я была на самом деле.

Я протягиваю ладонь, и Люсия с болью в глазах передаёт флешку мне.

— Я... надеюсь, что после этого твоё мнение обо мне не поменяется слишком сильно, — шепчет она, пока я вставляю флешку в компьютер.

XVI

ЛЮСИЯ

АВГУСТ 2007

Съёжившись на полу спальни, я сжимаю в руках рамку с фотографией. Вокруг полнейший беспорядок: повсюду разбросана одежда и книги, у двери выстроен ряд подносов с нетронутой едой. Со стороны может показаться, что я днями не покидаю этих стен. Так оно и есть.

Я настолько ушла в себя, уставившись на снимок родителей, что появление в комнате постороннего замечаю, только услышав голос.

— Да уж. Ну и делов вы натворили, — говорит Мэйси.

Я вскакиваю на ноги, в испуге прижимая фото к груди, и бросаю на ненавистную горничную испепеляющий взгляд.

— Что ты здесь забыла? Убирайся немедленно!

— Я пришла с предложением, — вкрадчиво добавляет Мэйси.

— Ты что, оглохла? — поднявшись в полный рост, я встречаюсь с ней взглядом. —

Я сказала вон. Вон. Отсюда.

— Ой, кажется, вы не в том положении, чтобы раздавать приказы, — с вызовом произносит Мэйси, — после всего, что наделали.

Я замираю.

— Что ты несёшь? — говорю чуть громче, чем следовало бы. — Ничего я не делала.

— Помочь вам освежить память?

Мэйси достаёт из кармана мобильный телефон новейшей модели, такой же, как был у папы.

— Откуда это у тебя? — спрашиваю я, чувствуя, как ускоряется пульс от мысли, что она могла забрать телефон у отца.

— Папа купил его маме, — отвечает Мэйси, проводя пальцем по экрану.

— Мой папа. Не твой, — огрызаюсь я.

— Поздно корчить из себя оскорблённую невинность, — резко бросает Мэйси, — вот, полюбуйте.

Я нехотя смотрю на экран. На видео запечатлены рокфордские сады. И вдруг с губ срывается крик... я вижу себя в пижаме с керосиновой лампой в руках у ворот Тенистого Сада.

— Ты снимала меня... *следила* за мной, — выдыхаю я, — как ты посмела? Что за дурацкие выходы?

— Вообще-то, как оказалось, это было очень умно с моей стороны, — кичится Мэйси, — сначала мне просто было интересно, поделитесь ли вы с Имоджен радостной новостью на своей пижамной вечеринке, поэтому я наблюдала за вами с расстояния. А когда увидела, что вы уходите куда-то посреди ночи, сразу поняла: это не к добру.

На экране появляется папа, и меня охватывает ужас. Мой самый страшный в жизни, роковой поступок снят на видео.

«Что ты делаешь здесь так поздно, солнышко? — спрашивает папа, покачиваясь с бокалом мартини в руках. — Разве вы с Имоджен не должны уже спать?»

«Она и спит. А я услышала, что вы здесь шумите, — с негодованием говорю я, — и не смогла уснуть. А где мама и дядя Эдмунд с тётей Лаурой?»

«Они в Тенистом Саду решили выпить по стаканчику. Мне тоже нужно идти к ним, а тебе, моя дорогая, пора отправляться в постель. Давай я тебя провожу...»

«Нет, — моя категоричность застаёт папу врасплох, — а хочешь знать, из-за чего я на самом деле не могу уснуть? Из-за того, что сказала мне эта маленькая занюханная горничная».

«Что она тебе сказала? — папа в момент словно протрезвел. — Что, Люсия?»

«Мэйси сказала, что ты её отец, — выпаливаю я, — что у тебя был роман с миссис Малгрейв, и что вы до сих пор любите друг друга. Ничего смешотворней я в жизни не слышала!»

Но папа ничего не отрицает. Просто смотрит на меня грустным взглядом.

«Скажи, что это неправда! — кричу я. — И уволь их обоих. Пожалуйста!»

Папа берёт меня за руки.

«Не могу. Я надеялся, что ты не узнаешь об этом, пока не повзрослеешь, но... я не могу обманывать».

«Нет, — шепчу я, яростно качая головой, — не может быть».

«Миссис Малгрейв выходила меня после тяжёлой аварии, в которую я попал во время военной подготовки, — говорит папа, — наверное, тогда я её и полюбил. Но к тому времени я уже был обручён с твоей матерью, и её я тоже любил, в каком-то смысле».

«В каком-то смысле?» — переспрашиваю я, срываясь на истерический визг.

«Тсс, — папа обеспокоенно поглядывает на ворота Тенистого Сада, — несмотря ни на что, я был хорошим мужем и отцом. Твоя мать со мной счастлива, а у тебя есть всё, о чём можно только мечтать. Ты являешься наследницей Рокфорда, а не Мэйси. Пожалуйста, солнышко, постарайся не принимать это близко к сердцу. Многие знакомые нам семьи имеют подобные секреты. Мы не лучше и не хуже других».

«Уволь их, — требую я, — я не смогу жить под одной крышей с твоей омерзительной второй семьёй. Если ты любишь меня, то избавишься от них».

Папа устало потирает лоб.

«Дорогая, я люблю тебя больше всех на свете. Но я не могу их выгнать. Мэйси моя дочь».

Эти слова окончательно выводят меня из себя.

«Я никогда тебя не прощу. Никогда!» — воплю я, бросая лампу на траву.

«Нет!» — кричит папа, наблюдая, как она ударяется в ствол дерева и разлетается на куски.

Освобождённое пламя расползается по траве и, стремительно разгораясь, начинает двигаться в сторону Лабиринта.

«Нужно предупредить остальных! — решает папа и хватает меня за плечи. — Люсия, беги. Возвращайся к Имоджен и позови на помощь. А я постараюсь вывести отсюда маму и Эдмунда с Лаурой».

«Но...» — я испуганно смотрю на огонь.

«Беги!»

Экран темнеет, и я падаю на колени, терзаясь жгучим чувством вины.

— Ты убила своих родителей. Убила нашего отца, — резко говорит Мэйси, — не говоря уже о тёте и дяде. Как ты жить-то с этим собираешься?

— Я и не хочу жить, — произношу шёпотом, — лучше бы я умерла вместо них.

Но встретившись с Мэйси взглядом, я чувствую новый прилив ярости.

— Это ты во всём виновата. Нужно было держать свои секреты при себе.

Мэйси хмыкает.

— Только не надо переключивать вину на меня. Откуда мне было знать, что ты душевнобольная?

При этом слове меня передёргивает. *Душевнобольная...* Вот чего я всегда боялась, с тех пор как родители начали водить меня к доктору Герону.

— К тому же именно я вызвала пожарных, — продолжает Мэйси, — если бы не я, наша драгоценная кухня и все остальные тоже могли бы умереть.

— Что тебе от меня нужно? — от страха на глаза набегают слёзы. — Мне и так досталось. Что бы ты не сказала, сделать хуже уже не сможешь.

— Ещё как смогу. Я могу обнародовать эту запись, — Мэйси склоняется надо мной, — тебя упекут в тюрьму или в психбольницу, об этом напишут во всех газетах, и ты навсегда прославишься как девочка, убившая собственных родителей.

Мне становится дурно, горло сдавливает ком при мысли, что со мной станет. Что будет, когда правда откроется дедушке и Имоджен. Они единственные родные люди, которые у меня остались. Узнав, что я натворила, они наверняка возненавидят меня и навсегда вычеркнут из своей жизни.

— Пожалуйста, не надо, — умоляю я, — я сделаю всё, что хочешь.

Мэйси улыбается.

— Так и знала, что ты это скажешь. И мне как нельзя кстати пришла в голову гениальная идея. Что-то мне подсказывает, что сейчас ты хотела бы быть кем угодно, только не самой собой. Угадала?

— Да, — соглашаюсь сквозь слёзы.

— Тогда давай поменяемся местами.

Я поднимаю голову.

— Что?

— Поменяемся местами, — говорит Мэйси слащавым зазывающим голосом, — и никто никогда не узнает, что ты сделала той ночью. Ты сможешь начать всё сначала... в качестве меня. Оставить позади все ужасные воспоминания, избавиться от чувства вины.

— Но... но... — бормочу я. — В это никто не поверит. Мы же не одинаковые!

— Да я уже всё продумала, — спокойно говорит Мэйси, — ты попросишь своего... нашего дедушку отпустить тебя в Швейцарию в школу-пансион, а нас с мамой отправить с тобой. Там мы научим друг друга, как себя вести. Конечно же, мы и внешность свою изменим, например, волосы перекрасим. После долгого отсутствия подмена будет не так уж и заметна. Да и мама нам поможет.

— О боже, ты серьёзно, — тихо говорю я, — ты хочешь, чтобы я поменялась с тобой жизнями и стала горничной?

В глазах Мэйси вспыхивает ярость.

— Можно подумать, это не заслуженно. Я родилась на семь месяцев раньше тебя. Если бы мир был хоть чуточку справедливее, папиной наследницей стала бы я, а не ты. Тем более, уверяю, быть горничной в этом доме и близко не так ужасно, как запертой в тюрьме или сумасшедшем доме. Выбор за тобой.

— И твоя мать одобрила это? Она согласна, чтобы я выдавала себя за тебя?

Мэйси пожимает плечами.

— Сначала она была против, но мысль, что её дочь будет жить как богатая наследница, будущая герцогиня Уикершема, быстро ей понравилась. Она тоже считает, что всё это принадлежит мне по праву.

— Ты правда думаешь, что достаточно перекрасить волосы и обучить друг друга особенностям поведения, чтобы дедушка, Оскар и остальные не заметили подмены? — спрашиваю я, глядя на неё в недоумении.

— Всё просто. Ты уедешь ребёнком, а вернёшься подростком. Так что перемены во внешности не должны никого удивить. И не знаю, заметила ли ты, но дедушка сейчас *не в лучшем состоянии* и вряд ли в чём-то усомнится, когда я появлюсь в Рокфорде в роли тебя, — Мэйси мечтательно закрывает глаза, — а что касается тебя... уж поверь мне на слово, никто не обращает внимания на дочь домоправительницы.

Я подхожу к окну и неожиданно для себя самой всё больше склоняюсь принять предложение Мэйси. Это возможность искупить свою вину, стать другим человеком, и дальше сопротивляться у меня просто нет сил.

— Хорошо, — говорю я, — я согласна.

XVII

Дослушав историю Люсии, я отворачиваюсь от компьютера, чтобы ещё раз посмотреть на неё — девушку, которую я никогда по-настоящему не знала. В голове куча вопросов, но в данный момент я могу думать лишь о том, как всё могло бы сложиться, останься она в ту злополучную ночь в эллинге.

— Мои родители, — шепчу я, чувствуя, как на глаза набегают слёзы, — ты... ты забрала их у меня.

— Это был несчастный случай, — всхлипывает Люсия, — неужели ты думаешь, что я хотела навредить своим или твоим родителям. Я любила их... всех любила.

— Но этот несчастный случай произошёл из-за тебя. Если бы тебе тогда не вздумалось устроить ссору с отцом, наши родители были бы живы, — сердце в груди сжимается, но я не могу поддаться горю. Не сейчас.

— Я знаю, — лицо Люсии искажается от боли, — я тоже не могу себя простить, поэтому на всё это и согласилась.

Я потрясённо качаю головой.

— Почему ты не пришла ко мне и не рассказала, что произошло на самом деле, почему не рассказала, что Мэйси тебя шантажировала?

— Я была слишком напугана, — признаётся она, — я понимала, что придётся раскрыть правду про пожар, чтобы объяснить всё остальное... и боялась, что ты никогда меня не простишь.

И она права. Я верю, что это был несчастный случай... но, чтобы простить её, понадобится немало времени.

Я стараюсь отбросить эмоции в сторону. Чтобы всё это переварить, мне нужно ещё очень многое выяснить.

— Как же ты выдерживала это? — спрашиваю я. — Постоянно находиться в их обществе, видеть каждый божий день.

Люсия хмуро качает головой.

— Если другого выбора нет, чего только не вытерпишь. Прожить жизнь горничной всё же лучше, чем провести остаток дней в заключении.

— И потом ты... убила её. Да?

Я пытаюсь разоблачить её... вытянуть признание. Хотя сама давно уже знаю ответ. Я знала его с тех пор, как поняла, что Люсия жива.

Люсия прячет лицо в ладони. И когда она поднимает голову, по щекам снова текут слёзы.

— Когда Мэйси закончила школу-пансион и начала жить здесь круглогодично, обучаясь в Оксфорде, она стала ещё несноснее. Для посторонних она оставалась маленькой принцессой, но с приближёнными вела себя просто возмутительным образом. А потом помешалась на леди Беатрис и элементалях... помешалась на тебе, — Люсия переводит дыхание, — разве ты не получала писем, которые я отправляла на адрес твоих родителей? Писем с предупреждениями?

— Около года назад?

Люсия кивает, и я бросаю на неё удивлённый взгляд.

— Так они были от тебя? Но ни Гарри, ни Оскар не узнали почерка.

— Потому что я писала своим старым почерком, — объясняет Люсия, — лучше было бы, конечно, напечатать на принтере, но обслуживающий персонал пользуется общими компьютерами, а я не могла так рисковать.

— И о чём ты собиралась меня предупредить?

— Мэйси хотела... избавиться от тебя. Она ужасно волновалась за свое положение, боялась, что ты явишься, чтобы осуществить пророчество и всё у неё отобрать, — Люсия смотрит на меня с неподдельной искренностью, — а ты для меня всегда была младшей сестричкой. Ты была *моей* Зои. И я всегда любила тебя, даже когда мы не общались.

Я опускаю взгляд. Слова Люсии трогают меня до глубины души, но я не хочу сейчас расчувствоваться. Я всё ещё слишком зла на неё.

— Я видела Мэйси в ночь смерти, — продолжает Люсия, — она выскользнула из дома в самый разгар грозы и направилась к Лабиринту с клюшкой для поло в руках.

Мэйси уже несколько дней была не в себе, и я поняла, что она замыслила что-то недоброе. Поэтому пошла следом. Но в какой-то момент она меня заметила.

— И? — шёпотом говорю я.

Из глаз Люсии ручьём брызнули слёзы.

— Она начала высмеивать меня, говорить, что нечего ходить за ней по пятам, что мне всё равно никогда не жить её жизнью. Сказала, что нашла способ *устранить* тебя, как я устранила своих родителей. И я вскипела, — Люсия всхлипывает, — Мэйси направлялась в Лабиринт за чем-то твоим. Что было у неё на уме, я не знала, но из неосторожных оговорок поняла, что она считала тебя главной угрозой своему титулу. И... я её остановила. Недолго думая, вырвала из рук клюшку и ударила по голове. Смерть наступила мгновенно. Но я не хотела, чтобы всё так закончилось... я просто хотела её остановить.

Я прикрываю рот рукой.

— Потом я услышала шаги и спряталась. Это оказался Тео. Увидев её, он словно с катушек слетел. Начал кричать, что виноват во всём. Я не могла понять, о чём он говорит, и только волновалась, как бы никто его там не застал. Но затем явился Себастьян и увёл его.

— Он подумал, что Тео убил её... а Тео, наверное, решил, что это сделал Себастьян, — теперь всё становится на свои места, — а винить себя во всём Тео начал потому, что встречался с Люсией... то есть Мэйси... за спиной у Себастьяна. И, увидев клюшку для поло и мёртвое тело, он сразу решил, что это Себастьян напал на неё в порыве ревности.

У меня словно камень с плеч свалился от осознания, что ни один из братьев не виновен... а то, как рьяно они оба пытались защитить друг друга, по-настоящему подкупает.

— Ты должна во всём признаться и очистить имя Себастьяна, — твёрдо говорю я, — он ни в чём не виноват, и если ты действительно готова на всё, чтобы искупить вину за пожар, то это первое, что ты должна сделать. Только ты можешь помочь ему выйти на свободу.

Люсия кивает, уставившись в пол.

— Знаю. Я всегда знала, что это лишь вопрос времени.

Я тяжело выдыхаю, только сейчас осознав, что затаила дыхание в ожидании её ответа.

— Ты поступаешь правильно.

Какое-то время мы сидим в тишине, но затем в голову приходит очередной из бесчисленных вопросов.

— Как тебе удалось скрыть правду о смерти Мэйси от миссис Малгрейв? Ведь она бы с ума сошла, если бы знала изначально, что случилось на самом деле.

— Из-за того, что при падении Мэйси ударилась головой о колонну, это было очень похоже на несчастный случай. Поэтому так все и думали целый год, и миссис Малгрейв в том числе... даже несмотря на то, что она лично видела Себастьяна в Рокфорде той ночью. Но она была свято убеждена, что Себастьян до безумия влюблён в Люсию, что никто не посмел бы причинить вреда её *безупречной* доченьке. Пока не увидела Себастьяна с тобой. Тогда она поменяла свое мнение.

— Это миссис Малгрейв была тем анонимным свидетелем, — вдруг осознаю я, вспыхивая от гнева, — это *она* натравила полицию на Себастьяна.

Люсия кивает.

— А пожар в моей комнате тоже она подстроила?

Люсия начинает беспокойно ёрзать на месте.

— В тот вечер я видела её со спичечным коробком в руках, но ни о чём таком даже не догадывалась. Я только на следующий день узнала о пожаре. Прости...

— Но как тебе удавалось, будучи Мэйси, изображать фанатку Люсии? Ясно, что ты ненавидела её, и определённо имела на то все причины.

Люсия грустно улыбается.

— Я говорила о ней так, словно то была я... будто это я училась в Оксфорде, встречалась с Себастьяном Стенхоупом и жила жизнью, о которой мечтала.

Я бросаю на кузину долгий взгляд. Я с детства знала, что она человек непростой, но даже представить не могла насколько. Я считала её любительницей поиграть на публику, тогда как на самом деле она боролась с психическим расстройством — болезнью, которая и привела к тому, что мы сейчас имеем. А после пожара, когда я думала, что Люсия обо мне забыла, она была заложницей миссис Малгрейв.

Я подхожу к Люсии ближе и беру её за руку. Возможно, я никогда не смогу простить её... но прямо сейчас очень этого хочу.

Раздаётся стук в дверь, и Люсия быстро отворачивается, чтобы вытереть глаза. В пороге появляется встревоженная Кэрол. При виде неё я на мгновение теряюсь. Я настолько поглощена сегодняшними открытиями, что напрочь забыла о них с Китом.

— Привет. Вам понравились ваши комнаты? — я нацепляю на лицо улыбку, но Кэрол не улыбается в ответ.

— Милая, ты не видела Зои?

Что-то в её голосе сильно меня настораживает.

— Нет. Когда я вернулась с... прогулки, её здесь уже не было. Я думала, она с вами.

— Одна из горничных видела, как она выходила из поместья вместе с домоправительницей миссис Малгрейв, — говорит Кэрол, нервно заламывая руки, — уверена, она просто хочет показать Зою окрестности, только дело в том, что к обеду они должны были бы вернуться.

По спине пробегает холодок. Но Кэрол не должна ничего заметить.

— Миссис Малгрейв, наверное, просто... просто проводит Зою экскурсию по садам. Пойду их поищу, — я выдавливаю из себя улыбку, — не волнуйся.

Мы с Люсией выходим на улицу, и у меня начинается истерика. Я корю себя за то, что оставила Зою одну. О чём я вообще думала?

В сумерках рокфордские земли кажутся ещё бескрайнее и беспросветнее, и я начинаю ругаться вслух от отчаяния и страха. Откуда нам знать, у озера она сейчас или в парке, в одном из садов или на поле для верховой езды?

Водный камень. Во всей этой суматохе я чуть не забыла, что ношу на пальце лучшего помощника. Набрав воздуха в грудь, я наклоняюсь и прикладываю остроконечный бриллиант к земле.

— Где Зои? — спрашиваю шёпотом.

Я чувствую тепло исходящее от земли, и тропинка перед нами начинает светиться. Прямо как в Лабиринте.

— Значит, это правда? — вскрикивает Люсия. — Ты *на самом деле* элементарь?

Не отвечая на вопрос, я хватаю её за руку и следую по сияющей дорожке, ведущей вглубь сада. Мы бежим бок о бок, и какое-то время я слышу лишь наше учащенное дыхание и стук подошв по гравию. Вдруг тропа останавливается у входа в Тенистый Сад. Мы с Люсией переглядываемся, и в её глазах я вижу отражение собственной растерянности.

— Я... не могу туда войти, — бормочет она.

— Мы должны.

Я тяну её за собой и вдруг чувствую запах... дыма. Люсия смотрит на меня в ужасе. *Пожалуйста, пусть на этот раз мне удастся всё исправить. Я не могу потерять Зою.*

Ворота оказываются приоткрыты. Мы с Люсией проходим через них... и цепенеем. Тенистый Сад, теперь заросший высокими вьющимися сорняками, снова объят ог-

нём. На земле валяется пустая канистра, а разрастающиеся языки пламени ползут по опавшим листьям в направлении двух фигур, съёжившихся в другом конце сада.

Я слышу голос миссис Малгрейв.

— Мы уйдём вместе, — говорит она Зои, одетой в платье, которое я сразу узнаю — то самое, в котором изображена Люсия на портрете из Парадного Зала, — бояться нечего. Мы снова встретимся с нашим Чарльзом.

Зои кричит. Пламя разгорается сильнее, и я бросаюсь вперёд. Выставив руки над огнём, стараюсь сосредоточиться, чтобы выпустить струи воды из ладоней, хотя из-за слёз и волнения даже думать тяжело...

Наконец из пальцев начинает хлестать вода. Краем глаза я вижу, как Зои вздрагивает от потрясения.

Через какое-то время огонь начинает угасать, и я облегчённо вздыхаю... но это ещё не всё.

Я вызываю из-под земли вьющиеся стебли и направляю их в сторону миссис Малгрейв. Первый стягивает ей руки за спиной, а второй связывает ноги, сковывая движения.

Наконец Зои свободна. Захлёбываясь в рыданиях, она бросается в мои объятия. Люсия и миссис Малгрейв смотрят на меня перепуганными глазами.

— Что ты *такое*? — шипит миссис Малгрейв.

Но я игнорирую её вопрос и задаю свой.

— Что вы делали с моей сестрой?

— Это не... она не... — миссис Малгрейв удивлённо моргает, словно впервые увидев Зои. — Это *Люсия*. Она надела её платье, её ожерелье...

— Я просто решила осмотреться, — говорит Зои сквозь слёзы, — и набрела на эту комнату со шкафом, полным красивой одежды... я не знала...

— Всё хорошо, Зои, — я пытаюсь её успокоить, — всё будет хорошо.

Чуть сильнее сжав её ладонь, я делаю глубокий вдох и поворачиваюсь к миссис Малгрейв.

— Я всё знаю. Вы не по моей кухне всё это время убивались. Это ваша дочь Мэйси умерла. Они поменялись местами. А вы этому поспособствовали.

Миссис Малгрейв пытается выпутаться из обвивших её стеблей, уставившись на меня ошеломлённым взглядом. Она то открывает, то закрывает рот, но не выдаёт ни звука.

— Всё кончено, — говорит Люсия, — она знает правду, и скоро её узнают все.

Миссис Малгрейв с криком бросается в сторону Люсии, но стебли держат крепко. Глядя на неё, я вижу женщину, совсем обезумевшую от горя, поглощённую собственной искаженной реальностью. И это ужасное зрелище.

— Я увожу Зои, — говорю я дрожащим голосом, — а с вами потом разберусь.

Я подхватываю Зои и Люсию под руки и вывожу их за ворота сада.

Вдохнув свежего воздуха, поворачиваюсь к Зои:

— Ты в порядке?

— Кажется, да, — она вцепляется пальцами в мою футболку, — ты спасла меня, Имоджен. Но как ты сделала это... с водой и стеблями? Когда ты успела превратиться в супергероя?

Даже в такой момент Зои удаётся вызвать у меня улыбку.

— Потом расскажу. Это целая история.

Войдя в Мраморный Зал, мы натыкаемся на Оскара.

— Зои, вот вы где, — растерянно говорит он, — Мэйси, мы тут твою маму ищем. Куда она...

Но я его перебиваю:

— Оскар, вызовите полицию и сейчас же отправьте охрану в Тенистый Сад.

— Тенистый Сад? — непонимающе переспрашивает он. — *Полицию?*

— Миссис Малгрейв сошла с ума, — я пытаюсь перевести дыхание, — она приняла Зою за Люсию, отвела её в сад и пыталась устроить пожар.

Оскар потрясённо молчит.

— Я должна позаботиться о Зои. А вы, может, отправите уже охрану в Тенистый Сад? — настоятельно повторяю я. — И кстати, Лю... Мэйси тоже есть, что сказать полиции. Пусть до их прибытия она побудет рядом с вами.

Хотя мне и кажется, что она готова освободиться от бремени правды, но рисковать не стоит. А вдруг она сбежит куда-то, не успев очистить имя Себастьяна.

Наконец Оскар выходит из ступора и нажимает кнопку вызова охраны по внутренней связи, одновременно набирая на мобильном 999. А мы с Зои поднимаемся к Кэрол и Киту. Мы изо всех сил стараемся держаться спокойно, будто ничего страшного не произошло — они и так перепуганы чуть ли не до разрыва сердца. Осматривают её, проверяют, в порядке ли. Хорошо хоть вопросов не задают, не до этого пока. Но я знаю, что всему свой черёд.

В ванной мы с Кэрол помогаем Зои снять обожжённую одежду, и я выдыхаю с облегчением, увидев, что ей удалось выбраться из огня невредимой. Убедившись, что с ней всё хорошо, я снова спускаюсь вниз. Оскар и Люсия до сих пор в Мраморном Зале, но теперь в компании двоих полицейских. Люсия откровенно нервничает, а Оскар судорожно сглатывает.

— Миссис Малгрейв там нет, — выпаливает он, едва меня увидев.

— Что? — вскрикиваю я.

Один из полицейских делает шаг вперёд.

— Мы обнаружили только следы пожара и канистру с бензином, ваша светлость, но ни единой живой души.

— Она сбежала, — произношу я вполголоса, — не могу поверить.

Неужели, когда я ушла, стебли ослабили хватку?

Оскар поворачивается к Люсии.

— Мэйси, я понимаю, что это нелегко. Но пожалуйста, если тебе есть, что рассказать...

Люсия переводит взгляд с меня на полицейских. Я смотрю на неё с мольбой. *Сделай это, Люсия. Скажи правду. Прояви решимость.*

Глубоко вдохнув, она переступает с ноги на ногу.

— Да. Мне есть что сказать.

Эпилог

Две недели спустя

Прильнув к Себастьяну, я наслаждаюсь теплом его ладони. Сегодня девять человек собрались у камина в Парадном Зале. Находиться здесь стало намного приятнее, после того как со стены сняли портрет лже-Люсии, а на его место повесили портрет леди Беатрис, принесённый Себастьяном с чердака.

Когда история настоящей Люсии взорвала массмедиа, мы залегли на дно, потому

что и носа не можем высунуть за пределы поместья, не нарываясь на вездесущих папарацци и журналистов таблоидов, засыпающих градом вопросов: «Как вы узнали, что Люсия на самом деле жива? Как ей удавалось так долго разыгрывать этот фарс? Как отреагировал Себастьян Стенхоуп, когда узнал, что встречался не с той девушкой? Что вы ЧУВСТВУЕТЕ после таких шокирующих открытий?».

Мой ответ на этот вопрос, наверное, всех бы удивил, но, как ни странно, я чувствую облегчение. Впервые за семь лет в моей жизни нет неопределённостей; наконец я знаю правду. И теперь, освободившись от лжи, которой были пропитаны последние семь лет, мы можем начать всё сначала. Даже у Люсии есть шанс на новую жизнь. После теста ДНК, подтверждающего, что именно она является герцогиней, а девочка, похороненная на рокфордском кладбище — дочерью домоправительницы, полиция переквалифицировала дело. Убийство Мэйси Малгрейв признали самозащитой. Люсию обвинили только в сокрытии преступления и приговорили к десяти годам условного заключения. На данный момент она по предписанию суда проходит первую неделю годичного курса психической реабилитации. И я искренне верю, что Люсия вернётся здоровой и снова станет самой собой; верю, что это далеко не конец истории.

Я улыбаюсь, даже несмотря на то, что грязное бельё моей семьи полощется на всех обложках британских журналов. Потому что сейчас меня окружают самые близкие, самые родные люди. Мы вместе пересидиваем медийную бурю в Рокфордском Поместье, которое никогда ещё не казалось мне таким уютным. Я понятия не имею, сколько ещё придётся просидеть взаперти, и это стало дополнительным поводом, чтобы пригласить в гости Лорен. И вот она здесь, вместе с семьями Марино и Стенхоуп. Так что это вынужденное заключение больше напоминает отпуск.

Лорен ловит мой взгляд и многозначительно приподнимает бровь, глядя на нас с Себастьяном. Я смущённо улыбаюсь. Для всех стало настоящим шоком, что у меня есть парень. Но ещё большим шоком стало то, что это главный подозреваемый в убийстве Люсии Рокфорд, и вообще, быть таким красивым — просто подсудное дело. Но Лорен и Кэрол с Китом быстро разглядели, что на самом деле Себастьян очень хороший.

Но не только я чувствую облегчение. Лорд и леди Стенхоуп не устают благодарить меня за то, что раскрыла правду и доказала невиновность Себастьяна. Себастьян улыбается, глядя на брата. И эта улыбка трогает моё сердце, потому что я понимаю, как много для него значит то, что Тео тоже невиновен. Даже Кэрол и Кит (которых Зои, слава богу, избавила от лишних подробностей о моих суперсилах, а сказала, что я спасла её от миссис Малгрейв с помощью приёмов джиу-джитсу) приятно удивлены тем, как я адаптировалась к новой жизни в поместье и как хорошо я сюда вписалась.

И это правда. Несмотря на всё, что произошло, моё место здесь. Я бы не задумывалась отказалась от титула, богатства и известности. Увидев, что стало с Мэйси и миссис Малгрейв, прельстившимися соблазнами великосветской жизни, я поняла, что ничего *этого* не хочу. И вряд ли когда-либо вообще хотела. Но это моя земля. Земля, которая была здесь задолго до постройки поместья. Я чувствую связь с ней каждый раз, когда прохаживаюсь по садам и вижу, как они расцветают от моего прикосновения. Я слышу её в ветре, нашёптывающем моё имя. Рокфорд — мой дом.

Смущает только то, что мы до сих пор не нашли миссис Малгрейв. Меня не покидает страх, что однажды она вернётся с жаждой мести. Но я буду к этому готова. Мы с Себастьяном узнали о моём даре много нового, и в одном я теперь уверена точно: я никакая не сумасшедшая, а мои способности не проклятие.

И сейчас, прижимаясь к Себастьяну, я понимаю, что папа был прав: *общественное мнение часто является заблуждением.*

Заметки

[

◆1

]

Престижный и очень дорогой микрорайон нижнего Манхэттена, в котором проживают не только обычные горожане, но и некоторые знаменитости Голливуда.

[

◆2

]

Лофт — тип жилища; переоборудованное под жильё помещение заброшенной фабрики или другого здания промышленного назначения. Слово loft означает «чердак», в США так называют ещё и верхний этаж торгового помещения или склада, но сам стиль может присутствовать практически в любом помещении. В книге имеется в виду помещение с элементами стиля лофт: высокие потолки, панорамные окна, свободное пространство, оттенки холодных цветов.

[

◆3

]

Сохо (англ. SoHo) — жилой район, расположен в районе Манхэттен в Нью-Йорке.

[

◆4

]

Галстук с широкими, как у шарфа, перекрещивающимися концами, закрепленными булавкой.

[

◆5

]

Французские сады — стиль в ландшафтном дизайне, для которого характерны аккуратные строго симметричные композиции, выполненные в виде различных геометрических форм, обилие скульптур в античном стиле и общая атмосфера торжественности и театральности.

[

◆6

]

Консольный столик — узкий пристенный столик, на который ставят предметы декора или аксессуары.

[

◆7

]

Вуалетка — небольшая изящная шляпка с вуалью, прикрывающей глаза или достигающей подбородка.

[

◆8

]

The Jack Wills Varsity Polo — ежегодные студенческие соревнования по поло, спонсором которых выступает известный британский бренд студенческой спортивной одежды Jack Wills.

[

◆9

]

Хемптонс — уважаемый пригород Нью-Йорка.

[
◆10

]

New Age, буквально «новая эра» — общее название совокупности различных мистических течений и движений, в основном оккультного, эзотерического и синкретического характера.

[

◆11

]

Зачетная единица Карнеги — зачет, выставляемый учащемуся за один прослушанный курс в школе или высшем учебном заведении, объем которого составляет обычно один академический час в неделю в течение семестра.

[

◆12

]

Поэтический перевод английского текста популярной песни «Autumn Leaves», которая была написана в 1945 году на французском языке и исполнена множеством исполнителей по всему миру, в том числе Фрэнком Синатрой.

[

◆13

]

Патриотическая песня Великобритании, написана по поэме Джеймса Томсона на музыку Томаса Арна в 1740 г. В настоящее время является неофициальным гимном Великобритании.